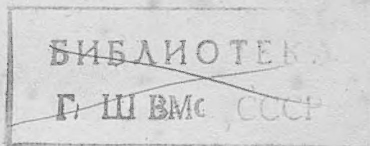
Люди в/и науки

АДМИРАЛЪ

Григорій Ивановичъ

БУТАКОВЪ.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

составили

Е. БЕРЕЗИНЪ и А. ДЕ-ЛИВРОНЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Морскаго Министерства, въ Главномъ Адмиралтействѣ.
1883.

Изъ № 7 «Морскаго Сборника» 1883 года.

АДМИРАЛЪ
ГРИГОРІЙ ИВАНОВИЧЪ БУТАКОВЪ.

Біографическій очеркъ (*).

I.

1. Происхожденіе и общая характеристика.—2. Первое пятнадцатилѣтіе службы, 1837—1852.—3. Крымская война, 1853–1856.—4. Завѣдываніе морскою частью въ Николаевѣ, 1856—1860.—5. Первое трехлѣтіе флагманства, 1860—1862.

1. Происхожденіе и общая характеристика.

Григорій Ивановичъ родился въ Ригѣ, 27 сентября 1820 года. Дѣдъ его служилъ въ Кирасирскомъ полку, а отецъ, Иванъ Николаевичъ, во флотѣ. Въ сороковыхъ годахъ послѣдній оставилъ службу съ чиномъ вице-адмирала, и съ тѣхъ поръ постоянно жилъ въ Николаевѣ, гдѣ и умеръ въ 1865 году, 87-ми лѣтъ отъ роду; тамъ же скончалась, въ 1876 году, и супруга его, родомъ финляндка, 83½ лѣтъ. Иванъ Николаевичъ имѣлъ двухъ братьевъ, которые служили также во флотѣ и изъ нихъ Александръ извѣстенъ, какъ состави-

---

(*) Настоящее жизнеописаніе составлено по документамъ и запискамъ, сохранившимся въ семействѣ покойнаго адмирала, и по нашимъ личнымъ воспоминаніямъ. Очень сожалѣемъ, что одновременно съ очеркомъ служебной дѣятельности Григорія Ивановича, мы не могли издать ни разбора его литературныхъ трудовъ, а въ особенности его «Опыта Пароходной Тактики».

Е. Березинъ и *А. Де-Ливронъ.*

тель хорошаго морскаго словаря—съ англійскаго языка на русскій. У Ивана Николаевича было 7 дочерей и 5 сыновей: Алексѣй, Григорій, Иванъ, Дмитрій и Владиміръ. Всѣ они служили во флотѣ, но въ настоящее время въ живыхъ и на службѣ только самый младшій—Владиміръ. Григорій Ивановичъ былъ женатъ на вдовѣ подполковника Галафѣева, Амаліи Арсеньевнѣ, рожденной Рожественской и имѣлъ двухъ сыновей—Александра и Алексѣя и двухъ дочерей—Марію и Елизавету. Онъ былъ средняго роста и имѣлъ плотное и крѣпкое тѣлосложеніе. Казалось, что по этому и по долголѣтію его родителей, онъ могъ расчитывать на очень продолжительную жизнь; но Богъ располагалъ иначе и 31 мая 1882 года Григорій Ивановичъ скоропостижно умеръ, на 62 году отъ роду.

Кто могъ бы думать, что жизнь этого здороваго, всегда воздержнаго, энергичнаго и неутомимаго человѣка могла прекратиться такъ неожиданно и быстро!

1-го іюня пароходъ Ильмень, проходя мимо Кронштадта въ море, извѣстилъ флотъ сигналомъ о тяжелой, невозвратимой утратѣ наканунѣ скоропостижно скончавшагося общаго любимца русскихъ моряковъ. Пароходъ шелъ въ Выборгъ съ этою прискорбною вѣстью къ семейству покойнаго адмирала, которое и долженъ былъ возможно скорѣе привезти въ Петербургъ.

Вскорѣ затѣмъ флотъ узналъ и о нѣкоторыхъ подробностяхъ кончины: 31 мая, послѣ засѣданія въ Государственномъ Совѣтѣ, Григорій Ивановичъ посѣтилъ вечеромъ на Сергіевской улицѣ вдову покойнаго брата своего Ивана Ивановича (скончавшагося за $1^1/_2$ мѣсяца передъ тѣмъ), а потомъ, для возвращенія домой, сѣлъ на яликъ, чтобы переплыть Неву къ финляндскимъ пароходикамъ, идущимъ къ Мошкову переулку, по близости къ Большой Конюшенной. На пути съ нимъ сдѣлалось дурно и не успѣвъ сказать и слова, онъ опустился на дно ялика уже мертвый. Подвезенное яличникомъ на Выборгскую сторону, тѣло его было доставлено въ пріемный покой участка, но только на другой день въ министерствѣ узнали о случившемся и сдѣланы были соотвѣтствующія

распоряженія о перевозѣ его въ адмиралтейство, на его бывшую квартиру.

Всѣ морскіе журналы помѣстили тотчасъ на своихъ столбцахъ статьи съ выраженіемъ глубокой скорби по случаю кончины Григорія Ивановича. Редакція «Кронштадтскаго Вѣстника» напечатала краткій біографическій очеркъ уважаемаго адмирала. Журналъ «Морское Обозрѣніе» появился 7 іюня въ траурной рамкѣ и въ передовой его статьѣ о смерти покойнаго адмирала было между прочимъ сказано, что «Адмиралъ Григорій Ивановичъ могъ бы еще долго прожить и служить намъ живымъ представителемъ того класса людей, которые умѣютъ служить и жить, какой бы мундиръ они ни носили, не льстя, не кривя душой, не принося интересовъ дѣла въ жертву другимъ интересамъ. Служба покойнаго на морѣ, и въ мирное время, и въ военное время, могла служить иллюстраціею къ тому параграфу морскаго устава, который ввѣряетъ морскому начальнику охраненіе чести русскаго флага. Привычка прямо глядѣть въ глаза смерти была въ немъ дополненіемъ къ привычкѣ прямо смотрѣть въ глаза людямъ и эти двѣ привычки выработали тотъ могучій образъ, физическую потерю котораго мы должны оплакивать теперь. Но теряясь для насъ физически, этотъ образъ не перестанетъ быть съ нами нравственно. Имя Бутакова будетъ передаваться изъ поколѣнія въ поколѣніе, какъ синонимъ идеала—человѣка и моряка, который съ высоко поднятымъ челомъ явится на судъ исторіи».

Въ морской хроникѣ «Николаевскаго Вѣстника» послѣ телеграммы о кончинѣ Григорія Ивановича читаемъ слѣдующее: «Вся служба Григорія Ивановича была рядомъ образцоваго исполненія долга и проявленія высокихъ достоинствъ и талантовъ. Его качества истаго моряка, его доблестное мужество и боевыя заслуги, его ученые труды, его личный характеръ, нравственные идеалы, безупречная честность, высокое пониманіе человѣческаго достоинства—создали ему блистательное положеніе европейски извѣстнаго адмирала, популярнѣйшаго начальника и идеальнаго человѣка. Нѣтъ у насъ моряка, которому не было бы дорого имя Бутакова. Утрата

*

такихъ людей—дѣятелей—общественное горе! Не много ихъ среди насъ, но велика польза, какую приносятъ ихъ свѣтлыя могучія натуры. Велико ихъ обаяніе, громадна сила ихъ вліянія и примѣра. Ими держатся у насъ тѣ высокія традиціи, которыя составляютъ нравственную силу и богатство нашихъ моряковъ».

Независимо отъ этого, уваженіе къ памяти покойнаго адмирала высказалось еще тѣмъ, что вдовѣ его было прислано множество писемъ и телеграммъ съ выраженіемъ глубокаго сочувствія ея тяжкому горю. Вотъ текстъ телеграммы, покрытой многочисленными подписями черноморцевъ.

«Горячо помолившись объ упокоеніи души незабвеннаго адмирала Григорія Ивановича, спѣшимъ выразить нашу глубокую скорбь по поводу постигшаго васъ несчастія. Смерть вашего мужа—невознаградимая утрата для всѣхъ моряковъ, видѣвшихъ въ немъ своего лучшаго представителя. Имя его 30 лѣтъ было нашею гордостью и сохранится среди моряковъ, пока будутъ въ нихъ жить понятія о долгѣ и истинной доблести».

Въ телеграммѣ одного изъ командировъ судовъ Балтійскаго флота высказывалось убѣжденіе, что «Историческій образъ Григорія Ивановича и славныя дѣла его будутъ изъ-за гроба руководить флотъ нашъ священнымъ путемъ чести и долга».

Характеръ покойнаго, хотя серіозный и сосредоточенный, дѣйствовалъ обаятельно на его подчиненныхъ и привлекалъ къ нему всеобщую симпатію. Молчаливый, онъ умѣлъ ободрить въ критическую минуту и сказать нѣсколько теплыхъ словъ. Природа обильно снабдила его какъ умственными, такъ и нравственными силами и не легко сказать, что изъ нихъ перевѣшивало въ немъ: сила ли ума или сила характера. Кажется, однако, что сила характера была первенствующею добродѣтелью покойнаго адмирала, и если это замѣчаніе вѣрно, то Григорій Ивановичъ, несомнѣнно показавшій себя блестящимъ и талантливымъ воиномъ, можетъ служить подтвержденіемъ справедливости мнѣнія тѣхъ мыслителей, которые думаютъ, что въ военачальникѣ сила характера

должна перевѣшивать (*). Обращаясь къ частнымъ умственнымъ и нравственнымъ качествамъ и наклонностямъ Григорія Ивановича, нельзя не отмѣтить: его замѣчательной способности къ изученію языковъ, наклонности къ техническимъ знаніямъ и изслѣдованіямъ, особеннаго расположенія къ поощренію русскихъ изобрѣтателей; ни чѣмъ не возмутимаго внѣшняго спокойствія, наклонности больше слушать, чѣмъ говорить, активной честности и твердой, упорной воли. Покойный адмиралъ, какъ упомянуто уже выше, пользовался большимъ уваженіемъ какъ у насъ, такъ и за границею и смерть его вызвала въ средѣ русскихъ моряковъ глубокое сожалѣніе. Это чувство нашло себѣ выраженіе въ немедленной складчинѣ морской семьи на сооруженіе покойному могильнаго памятника (на кладбищѣ Александро-Невской лавры) *отъ имени флота*. Скорбь многочисленнаго общества не бываетъ, конечно, ни выраженіемъ привычки къ предмету скорби, ни выраженіемъ неопредѣленныхъ симпатій; она можетъ быть только чувствомъ сознательнымъ. И дѣйствительно русскіе моряки скорбѣли по внезапно усопшемъ, потому что давно знали покойнаго: какъ воина безстрашнаго и искуснаго,—какъ адмирала смѣлаго, талантливаго и доброжелательнаго, какъ упорнаго друга *плавающаго* флота и какъ человѣка неуклонно честнаго. Назначеніе въ Государственный Совѣтъ, состоявшееся незадолго до смерти Григорія Ивановича, не измѣнило взаимныхъ чувствъ между нимъ и флотомъ; потому что его бывшіе сослуживцы и подчиненные не сомнѣвались, что и въ высшемъ государственномъ учрежденіи онъ будетъ прежде всего твердымъ и неустаннымъ выразителемъ нуждъ флота и его вѣрнымъ слугою. Вотъ эта-то увѣренность въ характерѣ будущихъ

(*) Нашъ извѣстный военный писатель и профессоръ, генералъ Лееръ, говоритъ слѣдующее: «Нѣтъ сомнѣнія, что какъ умъ, такъ и характеръ одинаково важны въ военномъ человѣкѣ; если же которому либо изъ нихъ отдавать преимущество, то характеру всего скорѣе слѣдуетъ отвести первое мѣсто. И дѣйствительно *военное дѣло есть преимущественно дѣло характера*» Далѣе, профессоръ приводитъ, въ подтвержденіе сказаннаго, мнѣніе Клаузевица, Рокканкура, Наполеона I, маршала Саксонскаго и Мармона. (Опытъ критико-историческаго изслѣдованія законовъ искуства веденія войны, стр. 8).

дѣйствій покойнаго по отношенію къ интересамъ русскаго флота, вмѣстѣ съ уваженіемъ къ его прошлой служебной дѣятельности и къ его личности и послужили источникомъ той искренней скорби, которую вызвала въ нашихъ морякахъ кончина Григорія Ивановича.

Выше я упомянулъ объ уваженіи, которымъ пользовался Григорій Ивановичъ у всѣхъ, съ кѣмъ входилъ онъ въ сношенія, несомнѣннымъ доказательствомъ этого обстоятельства можетъ служить избраніе его *почетнымъ* членомъ или предсѣдателемъ нижеслѣдующихъ обществъ: Севастопольской морской библіотеки (1860 г.): (*) почетнымъ президентомъ Парижскаго Institut d'Afrique (1861); президентомъ международнаго жюри по морской части на всемірной выставкѣ въ Парижѣ (1867 г.—не исполнялъ по случаю отозванія въ Россію); С.П.Б. Рѣчнаго Яхтъ-Клуба (1871 г.); Императорскаго Русск. Техническаго общества (1880 г.) и благотворительнаго общества при церкви Калинкинскаго морскаго госпиталя (1881). Его именемъ были названы два залива (въ Беринговымъ морѣ близъ бухты Св. Лаврентія и на восточномъ берегу Сахалина) командирами нашихъ двухъ клиперовъ въ 1881 и 1882 годахъ.

2. Первое пятнадцатилѣтіе службы, съ 1837 по 1852 годъ.

Григорій Ивановичъ обучался въ Морскомъ Кадетскомъ корпусѣ и выпущенъ изъ него мичманомъ 23 декабря 1837 года 17-ти лѣтъ отъ роду. По списку старшинства онъ окончилъ курсъ 33-мъ изъ 56. Отецъ его командовалъ въ то время въ Черномъ морѣ, 5-ю флотскою дивизіею и поэтому Григорій Ивановичъ, немедленно по выходѣ изъ корпуса, отправился на югъ и затѣмъ все свое первое пятнадцатилѣтіе службы постоянно плавалъ въ Черномъ морѣ (**) на парусныхъ судахъ разнаго ранга. Участвовать въ бояхъ ему довелось вслѣдъ за поступленіемъ

(*) Гр. Ив. спасъ Севастопольскую библіотеку перевезя ее на сѣверную сторону передъ занятіемъ города непріятелемъ.

(**) Исключенія: съ 20 сентября 1838 г. по 21 августа 1840 года находился въ плаваніи по Архипелагу на шкунѣ «Ласточка» и съ 26 іюня по 6 ноября 1844 года въ плаваніи на шкунѣ «Вѣстникъ» по Архипелагу, въ Мальту, Чивита-Веккію, Неаполь и Ливорно.

на службу. Именно: въ 1838 году, состоя на кораблѣ «Силистрія» въ должности флагъ-офицера у генералъ-адъютанта Лазарева, онъ былъ отряженъ въ отрядъ генералъ-маіора Раевскаго и въ рядахъ отряда находился въ сраженіи противъ горцевъ 12, 13, и 14 мая, при занятіи мѣстечка у рѣки Туапсе; въ томъ же году, состоя на тендерѣ «Лучъ», былъ 30 мая въ сраженіи противъ горцевъ, нападавшихъ на наши суда, претерпѣвшія крушеніе близъ устья той же рѣки. За отличіе въ этихъ дѣлахъ мичманъ Бутаковъ былъ награжденъ орденами Св. Анны 4-й степ. съ надписью «за храбрость» и Св. Станислава 3 степени. Командовать судами Григорій Ивановичъ началъ на 9-мъ году службы, получивъ въ декабрѣ 1846 года тендеръ «Поспѣшный». Въ этой должности онъ оставался до 1851 года, занимаясь *почти* исключительно описью береговъ Чернаго моря, какъ русскихъ такъ и турецкихъ. За описные труды онъ былъ награжденъ: въ 1847 году орденомъ Св. Анны 3 ст., въ 1850 году чиномъ капитанъ-лейтенанта и въ 1851 году, когда окончилъ составленіе лоціи, брилліантовымъ перстнемъ. Время командованія тендеромъ «Поспѣшный» было знаменательнымъ періодомъ первой службы Григорія Ивановича. Тогдашній начальникъ Черноморскаго флота, Михаилъ Петровичъ Лазаревъ, обращалъ особенное вниманіе на тендера и командирами ихъ были назначаемы лучшіе изъ молодыхъ офицеровъ, которые страстно конкурировали между собою, какъ по части вооруженія и содержанія своего судна въ полной исправности и въ ежеминутной готовности сняться, такъ и по искуству управленія имъ. Какимъ командиромъ былъ Григорій Ивановичъ—видно изъ его статьи «Еще о тендерахъ и управленіи ими», помѣщенной въ «Морскомъ Сборникѣ» 1852 года № 6. Въ 1851 году, Григорій Ивановичъ впервые былъ посланъ въ Англію, откуда привелъ буксирный пароходъ «Дунай», за что удостоился получить Высочайшее благоволеніе и затѣмъ былъ назначенъ командиромъ брига «Аргонавтъ» На бригѣ онъ плавалъ 5 мѣсяцевъ въ 1852 году и въ томъ же году короткое время плавалъ еще на пароходѣ «Дунай» въ званіи командира. 3-го декабря 1852 года, когда Григорій

Ивановичъ имѣлъ 32 года отъ роду, а морской цензъ его равнялся уже 19 кампаніямъ, онъ былъ назначенъ командиромъ «Владиміра»—лучшаго изъ черноморскихъ пароходо-фрегатовъ. Вся боевая слава Григорія Ивановича связана съ службою на послѣднемъ пароходѣ и, благодаря блестящему военному таланту командира, имя «Владиміра» получило громкую извѣстность въ эпоху Крымской войны, какъ между русскими, такъ и за границею.

Такимъ образомъ первое пятнадцатилѣтіе своей службы,—возрастъ, важнѣйшій относительно сформированія характера и привычекъ—Григорій Ивановичъ провелъ преимущественно на палубѣ, усвояя строгіе порядки *лазаревскаго* флота и, то практикуясь въ искуствѣ паруснаго плаванія, то занимаясь составленіемъ лоціи. Эта школа, такъ сказать литературно-строевая, вполнѣ соотвѣтствовавшая характеру и наклонностямъ Григорія Ивановича, привязала его къ военно-морской службѣ, сдѣлала изъ него замѣчательно искуснаго моряка и въ тоже время не мѣшала развитію въ немъ любви къ книгѣ и къ кабинетнымъ занятіямъ. Имѣя очень неразборчивый почеркъ (*) онъ нуждался въ переписчикѣ своихъ трудовъ и для найма писаря сокращалъ, по неимѣнію въ то время средствъ, свои пищевые расходы. Первымъ литературнымъ трудомъ Григорія Ивановича былъ переводъ съ англійскаго книги, озаглавленной: «Взглядъ на гавани, доки, судоходство и пр. Соедин. Шт. Сѣверной Америки» (1845). Сотрудничать въ Морскомъ Сборникѣ онъ началъ вскорѣ по основаніи этого журнала, помѣстивъ въ 1851 и 1852 годахъ четыре статьи, изъ коихъ болѣе замѣчательны: «О компасѣ съ на-

---

(*) Главный командиръ Черноморскаго флота Лазаревъ отдалъ, между прочимъ, по управленію приказъ о вниманіи къ разборчивости въ письмѣ. Интересное предписаніе по этому предмету, получено лично Григоріемъ Ивановичемъ въ 1847 г. отъ Начальника Штаба вице-адм. Хрущова. Вотъ оно: Изъ вступающихъ отъ васъ бумагъ усматривается, что оныя подписываются неразборчиво и вообще небрежно; въ особенности начальная буква фамиліи болѣе имѣетъ видъ ракушки, чѣмъ литеры Б; почему предписываю В. Б. на будущее время при подписи бумагъ по службѣ, означенный приказъ главнаго командира № 570 исполнять безъ отступленія.

клонной стрѣлкой (1851 г. № 10) и «Объ управленіи тендерами» (1852 г. № 6). Кромѣ того онъ тогда же перевелъ съ англійскаго брошюру «О свойствахъ тросовъ и цѣпей» — чрезвычайно полезную для паруснаго флота.

3. Крымская война, съ 1853 по 1856 годъ.

Назначеніе Григорія Ивановича командиромъ парохода Владиміръ» произошло наканунѣ знаменитой борьбы между Россіею и четырьмя европейскими державами, изъ коихъ Франція имѣла въ то время самую многочисленную армію и очень хорошій флотъ; а Англія была, какъ и теперь, сильнѣйшимъ морскимъ государствомъ.

Въ то время па Черномъ морѣ—de jure начальникомъ штаба, а de facto главнымъ командиромъ—былъ вице-адмиралъ, генералъ-адъютантъ Корниловъ, который трудные мѣсяцы, предшествовавшіе военнымъ дѣйствіямъ, держалъ командира «Владиміра» при себѣ, такъ что ему почти не удавалось исполнять свою прямую обязанность.

Въ февралѣ 1853 года чрезвычайный посолъ князь Меншиковъ отправился вмѣстѣ съ вице-адмираломъ Корниловымъ въ Константинополь, на пароходѣ «Громоносецъ»; въ свитѣ Корнилова находился и командиръ «Владиміра». Въ то время, какъ посолъ велъ переговоры съ оттоманскимъ правительствомъ, вице-адм. Корниловъ отправился на «Бессарабіи» въ Смирну и Аѳины, чтобы освѣжить въ своей памяти берега Босфора и Дарданеллъ и замѣтить перемѣны въ укрѣпленіяхъ (*). Переговоры князя Меншикова не имѣли успѣха и въ маѣ 1853 года наше правительство прервало съ Портою дипломатическія сношенія. Война сдѣлалась неизбѣжною, но до октября военныя дѣйствія не начинались. Эти мѣсяцы были для Черноморскаго флота временемъ усиленныхъ приготовленій къ войнѣ и Григорію Ивановичу, фактически вступившему теперь въ командованіе «Владиміромъ»,

---

(*) Вице-Адмиралъ Корниловъ много плавалъ по Босфору и Дарданелламъ въ 1833 году, участвуя въ описныхъ работахъ.

пришлось съ 21 марта по 16-е ноября 1853 имѣть 242 ходовыхъ сутокъ, т. е. ему не выдалось за 8 мѣсяцевъ ни одного полнаго якорнаго дня. Въ шканечномъ журналѣ «Владиміра» имѣется за это время не мало фактовъ, свидѣтельствующихъ о высокомъ искуствѣ Григорія Ивановича, какъ пароходнаго командира. Не приводя здѣсь этихъ примѣровъ, напомню въ самыхъ общихъ чертахъ только два характерныхъ факта (изъ встрѣчающихся въ шканечномъ журналѣ), свидѣтельствующихъ и объ его умѣньи управлять пароходомъ и объ его военно-воспитательныхъ пріемахъ. Въ августѣ 1853 года Григорій Ивановичъ, командуя въ составѣ флота пароходомъ «Владиміръ», такъ хорошо *«держался подъ парусами безъ всякаго пособія паровъ»* (изъ донесенія в.-адм. Корнилова), что в.-адм. Корниловъ счелъ нужнымъ назначить его *репетичнымъ*. Этотъ случай былъ, по всей вѣроятности, единственный въ своемъ родѣ въ лѣтописяхъ парусныхъ флотовъ. Другой фактъ, который умѣстно напомнить здѣсь, случился въ Николаевѣ. Я разскажу его точно такъ, какъ онъ описанъ въ шканечномъ журналѣ. 2 іюня «Владиміръ» стрѣлялъ въ цѣль ядрами. По окончаніи пальбы въ 10 кабельтовомъ разстояніи всѣ гребныя суда были посланы перебуксировать щитъ къ буйку, поставленному въ 6 кабельтовахъ. Лишь только они удалились отъ парохода на нѣсколько кабельтововъ, пальбу въ щитъ ядрами возобновили черезъ головы гребцовъ для укрѣпленія ихъ нервовъ передъ войною. Не бывъ предувѣдомлены объ этомъ, шлюпки, послѣ втораго ядра, бросились вправо. Тогда, съ прежнимъ возвышеніемъ орудій пустили имъ туда черезъ головы ядро. Онѣ бросились влѣво. Пальба повторилась влѣво. Тогда они взяли прежнее направленіе къ щиту и уже не уклонялись отъ летѣвшихъ еще нѣсколько времени черезъ головы ихъ ядеръ».

Въ половинѣ октября 1853 года война между Россіею и Турціею началась, какъ извѣстно фактически: на Кавказѣ— внезапнымъ нападеніемъ турокъ на пограничный постъ Св. Николая и на Дунаѣ—стрѣльбою съ турецкихъ укрѣпленій по нашимъ пароходамъ, поднимавшимся вверхъ по рѣкѣ. Что же касается англо-французскаго флота, то 2-го ноября онъ

перешелъ къ Константинополю. Наши корабли крейсеровали въ это время, въ разныхъ пунктахъ Чернаго моря, составляя отдѣльныя эскадры. Съ тою изъ нихъ, въ составѣ которой былъ пароходъ «Владиміръ», вице-адмиралъ Корниловъ отправился 29-го октября искать турецкій флотъ, который по слухамъ вышелъ въ Черное море. Приблизясь 3-го ноября къ мысу Калiакра, на разстояніе около 40 миль, онъ прислалъ на «Владиміръ» своего адъютанта, лейтенанта Желѣзнова, съ приказаніемъ осмотрѣть рейды: Коварнскій, Бальчикскій и Варнскій и если тамъ не окажется военныхъ судовъ, то увѣдомить о томъ эскадру условнымъ сигналомъ и идти осмотрѣть рейды Бургасскаго залива. Объ исполненіи этого порученія въ шканечномъ журналѣ «Владиміра» сказано слѣдующее: «Погода была пасмурная и дѣло шло къ ночи; слѣдовательно, чтобы хорошо обозрѣть бухты, нужно было входить въ нихъ на близкое разстояніе, чтобы имѣть возможность различить купеческія суда отъ военныхъ. Зная, что турки между большими своими пароходами имѣютъ нѣсколько съ бѣлыми полосами и что «Владиміръ» извѣстенъ какъ черный и двухътрубный, и въ Варнѣ и въ портахъ Бургасскаго залива (куда нѣсколько времени до того мы входили днемъ для обозрѣнія), тотчасъ приказано было сдѣлать фальшивую бѣлую полосу. Куски старой парусины, сажени въ полторы длиною каждый, прибили гвоздями вдоль парохода снаружи его, въ разстояніи одинъ отъ другого около полутора аршинъ, такъ, что промежутки между ними имѣли видъ пушечныхъ портовъ. Часа за $1^1/_2$ до заката мы усмотрѣли берегъ и различили мысъ Каліакру. Когда, въ исходѣ 6-го часа, подходили къ нему, то уже смеркалось, но сквозь облака проглядывала луна. Встрѣтили купеческое судно подъ парусами. Идя вдоль берега къ Коварнѣ и Бальчику, по глубинѣ отъ 10 до 5 саженъ, мы могли ясно разсмотрѣть все и видѣли только одно купеческое судно на якорѣ, не доходя Коварны, а потомъ встрѣтили одинъ маленькій купеческій бригъ около самаго Бальчика. Безъ огней, *съ закрытыми форъ-триселемъ трубами*, мы прошли вдоль самаго борта его и потомъ мимо стоявшей на якорѣ шаланды для погрузки на суда пшеницы.

Больше судовъ не было и мы взяли курсъ къ Варнѣ. Въ $9^1/_4$ часовъ разсмотрѣли мы Саханлыкъ и, пройдя его въ близкомъ разстояніи, шли вдоль сѣвернаго берега Варнскаго залива, имѣя людей по мѣстамъ и орудія заряженными. Трисель опять закрывалъ трубы и, не смотря на совершенно противный вѣтеръ, его держали; но скоро пришлось убрать его. Вдругъ, невдалекѣ на берегу, съ правой стороны вспыхнули два яркіе большіе сигнальные огня. Вслѣдъ затѣмъ на лѣвомъ фасѣ, ясно уже видной крѣпости, загорѣлся фалшфееръ. Мы продолжали идти, разсматривая стоящія на якорѣ 7 судовъ и подойдя къ нимъ на такое разстояніе, что простымъ глазомъ можно было ясно различить каждое изъ нихъ, остановили машину на глубинѣ 9 саженъ и положили руль право на бортъ. Изъ крѣпости раздался сигнальный выстрѣлъ. На Галатскомъ мысѣ опять фалшфееръ. Въ крѣпости еще выстрѣлъ. Кончивъ свое дѣло, т. е. вполнѣ убѣдясь, что въ Варнѣ нѣтъ военныхъ судовъ, въ $9^3/_4$ часовъ пустили машину полнымъ ходомъ и отправились увѣдомить эскадру. Нечаянное, внезапное появленіе парохода подняло тревогу въ крѣпости; но видя, что онъ съ бѣлою полосою и поварачивается у якорнаго мѣста, какъ будто, чтобы стать на якорь, турки не пустили ни одного ядра. Въ $12^3/_4$ часовъ (4-го ноября), увѣдомивъ эскадру условленнымъ числомъ ракетъ, мы направились къ Бургасскому заливу и, когда разсвѣло, видѣли, что ни въ Мессемвріи, ни въ Ахіоло не было военныхъ судовъ. Въ $6^3/_4$ час. изъ Сизополя вышло четыре каботажныхъ судна, но въ 7 часовъ вдругъ показался пароходъ, идущій оттуда къ Бургасу, находящійся въ самой глубинѣ залива. Пробили тревогу; онъ поднялъ австрійскій флагъ и гюйсъ компаніи Ллойда, а вскорѣ на форъ-брамъ-стеньгѣ турецкій пашинскій флагъ. На пароходахъ этой компаніи водится означать флагомъ на брамъ-стеньгѣ присутствіе важныхъ пассажировъ разныхъ націй и въ этотъ разъ австрійцы поспѣшили сдѣлать это, чтобы показать туркамъ, что австрійскій флагъ защищаетъ всѣхъ пассажировъ. Въ Бургасѣ стояло 21 купеческое судно, въ Чингели-Эскилеси 18, но военныхъ не оказалось. Опрошенное

нами австрійское судно, три дня какъ оставившее Константинополь, объявило, что турецкій флотъ весь возвратился въ проливъ».

Вице-адмиралъ Корниловъ, сдавъ эскадру контръ-адмиралу Новосильскому пересѣлъ на «Владиміръ» и пошелъ къ мысу Керемпе, навѣстить крейсерующую тамъ съ 11 октября эскадру 4-хъ кораблей и фрегата съ пароходомъ, подъ флагомъ вице-адмирала Нахимова. На разсвѣтѣ 5-го съ «Владиміра» увидѣли впереди Анатолійскій берегъ, въ правой рукѣ на горизонтѣ эскадру совершенно похожую на эскадру Нахимова и въ лѣвой сзади, на горизонтѣ, дымъ парохода (*).

«Положивъ тотчасъ право на бортъ, пишетъ Григорій Ивановичъ, я пошелъ доложить объ этомъ Корнилову. Въ 8 часовъ онъ вышелъ на верхъ, и такъ какъ при эскадрѣ Нахимова не было видно его парохода «Бессарабія», а гонимый нами имѣлъ направленіе къ Севастополю, то Корниловъ и заключилъ, что Нахимовъ послалъ «Бессарабію» за углемъ, потому что у нея должно было оставаться его немного. Это мнѣніе раздѣляли и другіе, но по просьбѣ моей, Корниловъ согласился продолжать погоню до 9 часовъ. Тогда стали уже видны мачты и реи. Я просилъ продолжать пока откроются кожухи, и такимъ образомъ мы наконецъ увидѣли, что бѣжалъ отъ насъ не русскій пароходъ; это тѣмъ болѣе сдѣлалось ясно, что онъ вдругъ перемѣнилъ курсъ вправо, и потомъ влѣво, т. е. засуетился, увидѣвъ наконецъ, что къ нему идетъ чужой *пароходъ*; а увидѣть этого ранѣе онъ не могъ, потому что нашъ антрацитъ вещь самая военная—дыму нѣтъ!

Въ исходѣ 10-го, по спускѣ опознательнаго сигнала, на который не было отвѣта, я поднялъ флагъ при звукахъ барабановъ и горновъ и пустилъ ядро передъ носъ поднявшаго турецкій флагъ парохода. Онъ не замедлилъ отвѣтить тѣмъ же, и по приближеніи завязалась перестрѣлка. Третьимъ

(*) Приводимое описаніе боя «Владиміра» съ турецко-египетскимъ пароходомъ, взято цѣликомъ изъ записокъ, сохранившихся послѣ покойнаго адмирала и исправленныхъ его рукою.

выстрѣломъ съ «Владиміра» сбитъ турецкій флагъ съ флагштокомъ. Наши обрадовались и давай кричать ура, но турки очень скоро подняли другой флагъ на гафелѣ, и нисколько не прекращая огня, продолжали усиленно бѣжать. Ядра ихъ были дурно направлены—все перелетали черезъ «Владиміръ» Увидѣвъ, что противникъ мой не имѣетъ кормовой и носовой обороны, я направилъ два 68 ф. орудія по направленію своего бушприта и сталъ держать ему въ кильватеръ, уклоняясь понемногу въ одну и другую стороны, чтобы удобнѣе было наводить каждую по очереди. Когда же онъ, чтобы имѣть возможность навести свои (бортовыя) орудія, старался принять направленіе поперегъ моего курса, я уклонялся въ ту же сторону и громилъ его 5-ю орудіями своего борта, именно же: двумя 84 фунт., одною 68 фунт. и двумя 24 фунт. пушко-каронадами. Хотя явно было, что «Владимірскія» ядра и бомбы производили страшное разрушеніе въ корпусѣ, рангоутѣ, такелажѣ и дымовой трубѣ нашего отчаяннаго противника, что шлюпки его были избиты и сброшенныя проплыли мимо насъ, что многія ядра попадали въ его кожухи и бомбы лопались въ кормѣ, неустрашимый капитанъ все время былъ видѣнъ на площадкѣ, и отъ времени до времени поворачивалъ пароходъ свой, чтобы пустить нѣсколько плохихъ ядеръ. Время между тѣмъ шло. «Однакоже, скоро ли мы съ нимъ кончимъ»? спросилъ вице-адмиралъ Корниловъ раздраженнымъ тономъ.—Угодно сейчасъ? — «Разумѣется угодно». Я скомандовалъ: Полный ходъ! картечь! Черезъ нѣсколько минутъ адскій дождь картечныхъ пуль сотнями посыпался на египтянъ и трескъ производимый каждымъ ядромъ нашимъ былъ внятно слышенъ. Но противники наши не унывали: они также отвѣчали картечью, и этимъ снарядомъ дѣйствовали гораздо удачнѣе нежели ядрами. Въ нѣсколько секундъ, пролетѣвшею сквозь дымовую трубу, а потомъ между мною и адмираломъ картечною пулею, убило на кожуховой лодкѣ адъютанта его Желѣзнова въ грудь на вылетъ; подъ ногами моими, подъ площадкою, упалъ прострѣленный въ голову картечью горнистъ, у носовой пушки тяжело ранило въ ногу комендора, и на ютѣ еще двухъ. Въ это же

время упалъ на площадкѣ гонимаго парохода, простреленный въ бокъ, капитанъ его, но опять скоро поднялся. Новые выстрѣлы освирѣпѣлыхъ, при видѣ крови, матросовъ нашихъ и—вскорѣ непріятельскій капитанъ скрылся, раненный второю пулею, а вслѣдъ за нимъ опрокинуло ядромъ площадку, на которой онъ такъ храбро распоряжался. Еще нѣсколько ядеръ въ разстояніи 50 саж., и непріятельскій огонь прекратился; а вслѣдъ за тѣмъ и нашъ. Машины остановились и вышедшій на ютъ старикъ лоцманъ спустилъ свой флагъ при восторженныхъ ура нашей команды. Кромѣ лоцмана не было въ этотъ моментъ никого на палубѣ; но затѣмъ начали показываться изъ форъ-люка команда и офицеры. Я закричалъ, чтобы командиръ пріѣхалъ, но лоцманъ отвѣтилъ, что онъ убитъ и шлюпокъ нѣтъ.

«Посланные овладѣть призомъ нашли на немъ страшную картину разрушенія и гибели: обломки штурвала, компасовъ, люковъ, рангоута и перебитыя снасти, перемѣшанныя съ оружіемъ, трупами, членами человѣческими, ранеными, кровью и каменнымъ углемъ, которымъ была завалена его палуба, чтобы имѣть большой запасъ! И внизу лопнуло нѣсколько бомбъ. Въ носовой каютѣ разорвало ядромъ офицера, спустившагося тушить пожаръ, причиненный бомбою; въ кормовой — рулеваго, бывшаго тамъ для подобной же цѣли. Ни одной переборки, которая была бы цѣла! и все обрызгано кровью и мозгами человѣческими! Бока, кожухи, будки избитыя! Паровая и дымовая трубы какъ рѣшето! Двѣ половины перебитаго у воды руля едва держались вмѣстѣ и скоро потомъ отломились одна отъ другой! Отъ гротъ-мачты отщеплено въ двухъ мѣстахъ болѣе трехъ четвертей толщины ея и она едва держалась! Въ форъ-стень-такелажѣ нашли черепъ съ волосами,—полагали, что онъ принадлежалъ часовому, высматривавшему помощи по горизонту, но оказалось изъ словъ плѣнныхъ, что близъ фокъ-мачты разнесло въ куски большимъ ядромъ одного офицера и что черепъ не могъ быть ничей, кромѣ его.

«Странная случайность и доказательство, какъ живучъ можетъ быть пароходъ: ни одно ядро не попало въ машину, а

пролетѣвшіе сквозь одно изъ колесъ (вертящихся полнымъ ходомъ) перебили только 2 радіуса и часть окружности, что нисколько не препятствовало колесу дѣйствовать съ полною силою. Правда, что угольные ящики были полны и потому хорошо защитили машину отъ попавшихъ въ нихъ ядеръ, но при избитыхъ кожухахъ странно найти колеса совершенно годными къ дѣлу.

«Не забуду никогда момента, когда на плѣнномъ пароходѣ подняли нашъ флагъ, я закричалъ командѣ, указывая въ ту сторону: *ребята! тамъ поднимаютъ русскій флагъ!* Нужно было слышать какимъ единодушнымъ ура мнѣ отвѣтили.—*Поздравляю!* Новое ура.—*Спасибо!*

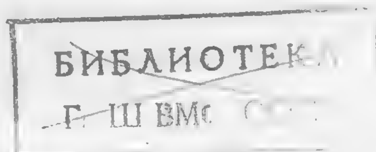
«Замѣчательнѣе всего, что этотъ трехчасовой бой былъ слышенъ въ то же время тремя эскадрами, которымъ раскаты грома бомбическихъ орудій дали мысль, что происходитъ генеральное сраженіе, тогда какъ онѣ связаны по рукамъ и ногамъ безвѣтріемъ и не могутъ принять участія. Одна изъ эскадръ была вице-адмирала Нахимова, другая та, которую вице-адмиралъ Корниловъ оставилъ подъ флагомъ контръ-адмирала Новосильскаго у Варны и которую быстро приблизилъ попутный вѣтеръ и третья, турецкая, которую искалъ взятый пароходъ, и послѣ оказалось, что командовавшій ею Гуссейнъ-паша не только также слышалъ эти выстрѣлы, но съ салинга его видно было, что бой происходитъ между двумя пароходами.

«Къ концу боя нашего задулъ легкій вѣтерокъ, а когда плѣнныхъ перевезли на «Владиміръ» и наша стрѣлковая партія заняла караулъ у крюйтъ-камеры и по всему плѣнному пароходу, а партія, назначенная по расписанію къ задѣлыванію пробоинъ, хлопотала вокругъ взятаго парохода, чтобы привести его въ состояніе продолжать путь—съ салинга закричали, что видны двѣ эскадры! Одна была къ сторонѣ берега, другая мористѣе и нѣсколько ближе первой къ намъ. Плѣнные показали, что у нихъ въ морѣ двѣ эскадры. Которая же наша изъ видимыхъ? Это сдѣлалось самымъ интереснымъ вопросомъ; имѣя на рукахъ избитый призъ, и своихъ людей утомленными продолжительною работою у тяжелыхъ

орудій, не обѣдавшими (до 6 часовъ вечера) и не ѣвшими ничего съ 6 часовъ утра. Когда я спустился въ каюту доложить объ этомъ Корнилову, онъ лежалъ усталый на диванѣ. Что бы вы сдѣлали, еслибы меня не было здѣсь? спросилъ онъ. —Пошелъ бы къ ближайшей и опознавъ ее дѣйствовалъ бы смотря по тому, чьею она окажется.—Такъ и дѣлайте.

«Оставивъ призъ исправляться и потомъ слѣдовать къ Севастополю, мы пошли къ ближайшей изъ видимыхъ эскадръ, чтобы до наступленія темноты опознать ее. Къ крайнему нашему удивленію, она оказалась эскадрою контръ-адмирала Новосильскаго, такъ неожиданно быстро подогнавшею насъ до самой полосы безвѣтрія, въ которой происходило сраженіе. Передавъ начальнику ея дополнительныя приказанія къ вице-адмиралу Нахимову, вице-адмиралъ Корниловъ приказалъ править къ призу нашему, который уже шелъ узловъ 6 или 7 по направленію къ Севастополю, спустивъ верхній рангоутъ и повозможности очистивъ палубу отъ убитыхъ, угля, щепъ и обломковъ всякаго рода, которыми она была завалена въ полномъ смыслѣ слова. Изрѣшеченная ядрами и картечью труба его не давала въ печахъ тяги и потому ее обмотали войлоками. Машиною приза управлялъ отрядъ машинистовъ и кочегаровъ, назначенный туда съ механикомъ-кондукторомъ, и въ помощь имъ было отдѣлено нѣсколько человѣкъ изъ плѣнной машинной команды, а также плѣнный машинистъ-англичанинъ. Когда онъ пріѣхалъ на «Владиміръ» съ прочими плѣнными, молодой человѣкъ этотъ (лѣтъ 28-ми), дрожа всѣмъ тѣломъ, какъ осиновый листъ, поспѣшилъ объявить, что взятъ насильно въ турецкую службу и охотно готовъ исполнять свое дѣло на призовомъ пароходѣ при машинѣ, съ которою уже хорошо знакомъ. Ему было объявлено, что если онъ будетъ дѣйствительно употреблять всѣ усилія, чтобы оказать пользу въ машинѣ приза, то это можетъ быть ему весьма полезно, и что только этимъ онъ можетъ побудить наше правительство быть снисходительнымъ къ подданному дружественной націи, служащему у непріятелей нашихъ.

«Подойдя къ призу, мы узнали, что едва державшіяся вмѣстѣ обѣ половины руля его отломились совсѣмъ одна отъ другой,

и что онъ съ неимовѣрнымъ трудомъ правитъ посредствомъ руль-шкентелей. Мы взяли его на буксиръ и воспользовались этимъ временемъ, чтобы послать туда нашего медика, только что кончившаго операцію и перевязку своихъ и привезенныхъ съ приза раненыхъ, въ числѣ которыхъ былъ старшій офицеръ плѣннаго парохода. Медицинскія пособія были необходимы на послѣднемъ тѣмъ изъ команды его, которые, по причинѣ слишкомъ тяжкихъ ранъ и увѣчій, не были перевезены на «Владиміръ». Большая часть изъ нихъ не дожили до прибытія въ Севастополь, хотя оставленный при нихъ негръ-медикъ, мичманскаго чина, очень усердно и ловко занимался ихъ ранами, и не безъ причины пользовался ихъ довѣріемъ (*).

«Раненые офицеры были помѣщены вмѣстѣ съ нашими тремя ранеными матросами въ каютъ-компаніи; раненымъ плѣннымъ матросамъ была отведена одна сторона жилаго кубрика. Прочіе офицеры были помѣщены на ночь въ кожуховыхъ каютахъ съ приставленными у дверей и оконъ часовыми съ примкнутымъ штыкомъ и заряженными ружьями. Плѣннымъ матросамъ былъ отдѣленъ бакъ, поперегъ котораго протянутъ лееръ, и кромѣ вооруженныхъ часовыхъ по бортамъ бака, вдоль леера стояла цѣпь караульныхъ, держа ружья на руку. Сигнальные часовые и вахтенные, а также вахтенные офицеры, были въ полномъ вооруженіи. Убитаго Желѣзнова и горниста положили на ютѣ, покрывъ ихъ русскимъ флагомъ и положивъ въ ногахъ ихъ турецкій.

«Утомленные дневными трудами и работами, плѣнники наши съ наступленіемъ темноты скоро заснули крѣпкимъ сномъ, но призъ не давалъ покою побѣдителямъ и на бакштовѣ. Люди на немъ скоро выбились изъ силъ отъ тяжелой работы править посредствомъ руль-шкентелей, и онъ сталъ рыскать въ обѣ стороны чаще и чаще, а по временамъ совсѣмъ ста-

(*) Вмѣстѣ съ медикомъ нашимъ съѣздили туда двое изъ плѣнныхъ офицеровъ, чтобы привезти товарищамъ своимъ платья, подушки и одѣяла (матросы перебрались на «Владиміръ» съ полнымъ багажемъ), а коммисаръ египетскій былъ посланъ привезти для своей команды бѣлыхъ сухарей и рису, такъ какъ пища русскихъ матросовъ не шла имъ въ горло. Что касается до офицеровъ, они прекрасно пообѣдали за столомъ нашего адмирала.

новился поперегъ курса. При каждомъ рысканіи его приходилось уменьшать на «Владимірѣ» ходъ и даже совсѣмъ останавливать машину, чтобы, приведя оба парохода на одну линію, понемногу опять направиться на надлежащій курсъ. Въ 3-мъ часу ночи призъ внезапно такъ рыскнулъ, что хотя машину на «Владимірѣ» тотчасъ остановили, буксиры лопнули одинъ послѣ другаго. Тогда рѣшено было буксировать его съ боку «Владиміра», такъ какъ не было еще волненія. Приготовивъ въ лѣвыхъ клюзахъ «Владиміра» кабельтовы и кранцы на кожухи, на призовой пароходъ подали перлинь, и пустивъ машину «Владиміра», чтобы дать призу ходъ, остановили ее вдругъ, положивъ право на бортъ и приказавъ на призѣ сдѣлать то же. Такимъ образомъ пароходы скоро пришли бортъ-о-бортъ и переброшенными концами стали передавать кабельтовы. Почти одинаковая длина обоихъ судовъ дѣлала такую буксировку весьма удобною, но какъ разъ въ это время задулъ свѣжій NW и тотчасъ развелъ волненіе, отъ котораго стали трещать разслабленные ядрами кожухи призоваго парохода и скоро лопнулъ египетскій толстый кабельтовъ, поданный изъ клюза въ клюзъ, чтобы носы пароходовъ не расходились. Пришлось его опять буксировать за кормою, самымъ малымъ ходомъ. Уже разсвѣло. Голь на выдумки хитра! Молодцы наши нашли средство скрѣпить верхнюю часть руля съ нижнею, не смотря на то, что онъ былъ перебитъ у самой рулевой дыры. Въ послѣдней было простору около дюйма кругомъ руддеръ-писа, и потому, отыскавъ желѣзныя полосы, въ машинной кузницѣ пробили дыры въ концахъ ихъ и, окруживъ ими руль у перебитаго мѣста, прибили къ нему эти полосы въ вертикальномъ положеніи большими гвоздями, какъ къ верхней части руля, такъ и къ нижней. Послѣднее было очень трудно по причинѣ волненія и килевой качки, такъ что дѣлавшій это, на ходу, часто окунывался совсѣмъ въ воду. Такимъ образомъ сдѣлалось наконецъ возможнымъ править посредствомъ румпеля и дѣло пошло хорошо.

«7-го ноября пароходъ «Владиміръ» вошелъ на Севастопольскій рейдъ, ведя на буксирѣ *Перваз-Бахре*, съ русскимъ

флагомъ, поднятымъ надъ турецкимъ. Недалеко позади шелъ въ то же время другой плѣнный турецкій пароходъ, бывшій пассажирскій, *Медари-Тиджаретъ* (переименованный въ «Турокъ»), взятый пароходомъ «Бессарабія» и ночью приблизившійся къ Севастополю. Погода была прекрасная и стеченіе народа огромное—всѣмъ хотѣлось поближе разсмотрѣть избитый и исковерканный плѣнный пароходъ, который съ 10-ю пушко-каронадами 3 часа отчаянно защищался противъ сильнаго противника и сдался только тогда, когда командиръ былъ убитъ двумя картечными пулями и изъ команды 134-хъ человѣкъ осталось невредимыми не болѣе трехъ четвертей. На «Владимірѣ» убиты: офицеръ и горнистъ; умеръ отъ ранъ 1 унтеръ-офицеръ и раненыхъ: 1 тяжело и 1 легко».

Этотъ бой—*первый по времени, бой двухъ пароходовъ*—доставилъ Григорію Ивановичу: чинъ капитана 2-го ранга, орденъ Георгія 4 ст. (*) и 38 000 рублей призовыхъ. Взятый пароходъ былъ исправленъ и переименованъ въ «Корниловъ». Онъ сожженъ нами на стапелѣ при сдачѣ Севастополя.

Сколько мнѣ извѣстно, этотъ замѣчательно искусный и, такъ сказать, ученый бой не очень высоко цѣнился виновникомъ блестящей побѣды, что отчасти видно и изъ послѣднихъ строкъ только что приведеннаго описанія, гдѣ какъ бы подчеркивается то обстоятельство, что *Первазъ-Бахре* съ 10-ю пушко-каронадами сопротивлялся 3 часа. Но такой взглядъ Григорія Ивановича едва-ли справедливъ. Воздавая должное неустрашимости и твердости турецкаго капитана, не терявшаго, вѣроятно, надежды на помощь своихъ кораблей, находившихся вблизи, нельзя не обращать вниманія на то обстоятельство, что продолжительность боя зависѣла только отъ тактики, которой держался командиръ «Владиміра» и, можетъ быть, слѣдуетъ пожалѣть, что онъ долженъ былъ измѣнить ей въ послѣднія минуты; потому что иначе «Владиміръ» могъ бы кончить бой, не потерявъ ни одного человѣка. Вице-адми-

(*) До полученія изъ Петербурга Георгіевскаго креста, вице-адмиралъ Нахимовъ надѣлъ на Григорія Ивановича свой крестъ, полученный имъ въ Наваринскомъ сраженіи.

ралъ Корниловъ вѣрно оцѣнилъ боевую заслугу Григорія Ивановича и въ своемъ рапортѣ подчеркнулъ, такъ сказать, указаніе на блестящій характеръ маневрированій командира «Владиміра», сказавъ, что онъ «распоряжался какъ на маневрахъ».

После описаннаго сраженія «Владиміръ» продолжалъ дѣятельно нести свою крейсерскую службу, пока машина его не получила серіознаго поврежденія, котораго исправленіе въ Севастопольскомъ портѣ затянулось до слѣдующаго года. Въ это время произошло крупное военное событіе: истребленіе турецкой эскадры на Синопскомъ рейдѣ (18-го ноября), ускорившее вступленіе союзныхъ флотовъ въ Черное море.

Въ февралѣ 1854 года машина «Владиміра» была, наконецъ, исправлена и вскорѣ онъ снова началъ свою крейсерскую дѣятельность. Его выходы въ море, требовавшіе большой предпріимчивости, искуства и энергіи, были преимущественно ночью и очень часты, а именно: 31-го марта; 10, 11, 15 и 18 апрѣля; 2, 8, 18, 26, 29 и 30 мая и 3-го іюня. Послѣднее плаваніе (3-го іюня) «Владиміръ» сдѣлалъ въ отрядѣ (шести) пароходовъ подъ начальствомъ контръ-адмирала Панфилова, имѣвшаго флагъ на пароходѣ «Крымъ». Отрядъ былъ высланъ въ море, вслѣдствіе появленія въ виду Севастополя трехъ большихъ непріятельскихъ пароходовъ; поэтому «наши» были увѣрены, что имъ предстоитъ бой серіозный и притомъ первый по времени между отрядами паровыхъ судовъ. На дѣлѣ вышло, однако, иначе: непріятель, имѣя преимущество въ ходу, держался отъ нашихъ пароходовъ на разстояніи 12—14 кабельтововъ, т. е. на разстояніи самаго дальняго пушечнаго выстрѣла и только разъ допустилъ «Владиміръ» на дистанцію 10 кабельтововъ, причемъ открылъ по немъ огонь со всѣхъ трехъ пароходовъ. Такимъ образомъ изъ нашихъ судовъ наибольшее участіе въ дѣлѣ принялъ пароходъ «Владиміръ» и только на немъ были раненые (2 офицера и 3 унтеръ-офицера). Всѣхъ выстрѣловъ «Владиміръ» сдѣлалъ 112 въ теченіи двухъ-часоваго времени—съ 12 ч. 30 м. до 2 ч. 30 м. пополудни.

Въ послѣдующіе три мѣсяца «Владиміръ» несъ ту

же, или подобную же службу, т. е. непрестанно высылался въ море для развѣдокъ или для содѣйствія нашимъ парусным судамъ, постоянно крейсеровавшимъ въ виду Севастополя. За это время ему случилось однажды гнаться за большимъ непріятельскимъ пароходомъ; но противникъ уходилъ такъ рѣшительно по направленію къ Варнѣ, что Григорій Ивановичъ вынужденъ былъ прекратить погоню. Въ апрѣлѣ 1854 года союзный флотъ бомбардировалъ Одессу. Но съ тѣхъ поръ, въ теченіи всего лѣта, ни союзная армія, ни флотъ не предприняли ничего значительнаго. Наконецъ, послѣ продолжительнаго колебанія, союзники рѣшились произвести высадку на берега Крыма и сдѣлать цѣлью своихъ операцій уничтоженіе Севастополя и Черноморскаго флота. Слухъ о таковомъ намѣреніи союзниковъ получилъ къ концу лѣта характеръ достовѣрности и въ половинѣ августа въ Севастополѣ были приняты слѣдующія мѣры: прекращенъ ежедневный выходъ кораблей для крейсерства и флотъ выстроенъ на рейдѣ; объявлена диспозиція на случай, если понадобится выйти въ море; портовыя работы прекращены для усиленія оборонительныхъ работъ и сухопутныя войска стянуты около рѣки Альмы. 2-го сентября непріятель началъ высадку своихъ армій у Евпаторіи; а 8-го числа произошло неудачное для насъ Альминское сраженіе, послѣ котораго русская армія отступила къ Бахчисараю, предоставивъ Севастополь собственнымъ средствамъ. Вѣсть объ исходѣ Альминскаго сраженія быстро донеслась до Севастополя и утромъ 9-го сентября вице адмиралъ Корниловъ собралъ на военный совѣтъ флагмановъ и капитановъ. «Онъ объявилъ, говоритъ Жандръ (*), что наша армія отступаетъ къ Севастополю, вслѣдствіе чего непріятель легко можетъ занять южныя Бельбекскія высоты, распространиться къ Инкерману и Голландіи (гдѣ еще не кончена постройка оборонительной башни) и, дѣйствуя съ высотъ по кораблямъ эскадры Нахимова, принудить флотъ оставить настоящую позицію; что съ перемѣною боевой по-

(*) Изъ записокъ Григорія Ивановича.

зиціи нашихъ судовъ облегчится доступъ на рейдъ непріятельскому флоту и если союзная армія успѣетъ въ то время овладѣть сѣверными укрѣпленіями, то и геройское сопротивленіе наше не спасетъ Черноморскаго флота отъ гибели и позорнаго плѣна. Поэтому Корниловъ предложилъ выйти въ море и атаковать враговъ, столпившихся у Лукулла.

«Безмолвно приняли флагмана и капитаны предложеніе адмирала и только нѣкоторые отдѣльные капитаны выразили свое согласіе». Судя по памятнымъ запискамъ Григорія Ивановича, онъ не могъ быть на собраніи въ началѣ совѣщанія.

«Когда же, пишетъ Григорій Ивановичъ, я вошелъ, Корниловъ стоялъ въ глубинѣ комнаты на какомъ-то возвышеніи и Вукотичъ только что говорилъ, что лучше въ море и сразиться. Тотчасъ затѣмъ послѣдовало заявленіе капитана 1-го ранга Зарина, что выгоднѣе затопить входъ старыми кораблями и командами подкрѣпить гарнизонъ........ Въ это время къ вице - адмиралу Корнилову пришелъ передать что-то отъ князя Меншикова дипломатическій чиновникъ при немъ, Гротъ, весь въ пыли, неспавшій ночь, измученный...... ...... Споры кончились словами Истомина къ Корнилову: «что вы прикажете, то мы и будемъ дѣлать». Корниловъ, по словамъ Жандра, отвергъ предложеніе Зарина, приказалъ готовиться къ походу и пошелъ къ князю Меншикову. «Князь, разсказываетъ Жандръ, рѣшительно воспротивился и повторилъ свое прежнее приказаніе: затопить корабли. Корниловъ возразилъ, что онъ этого не сдѣлаетъ. Разсерженный его настойчивымъ противорѣчіемъ, князь Меншиковъ сказалъ: Ну такъ поѣзжайте въ Николаевъ къ своему мѣсту службы! и приказалъ ординарцу позвать вице-адмирала Станюковича, чтобы отдать ему приказаніе. Остановитесь, вскричалъ Корниловъ, это самоубійство.... къ чему вы меня принуждаете.... но, чтобы я оставилъ Севастополь, окруженный непріятелемъ — невозможно. Я готовъ повиноваться вамъ».

«Въ сумеркахъ (9-го сентября), я былъ потребованъ на берегъ къ Корнилову. Онъ объявилъ мнѣ, что желалъ спасти хотя пароходы и спросилъ, берусь ли я

проскочить (съ ними) мимо непріятельскихъ судовъ. Я отвѣтилъ, что попробую и что непріятель вѣроятно не ожидаетъ этого, а потому оно будетъ менѣе трудно. Тогда онъ словесно распредѣлилъ пароходы въ разные порты и приказалъ мнѣ секретно передать на каждый, чтобы въ 11 часовъ ночи они отправлялись по назначенію. Не помню, куда именно долженъ былъ идти «Владиміръ», но кажется въ Николаевъ. Ночь была темная. Буксировка судовъ пароходами на новыя мѣста была въ полномъ разгарѣ, и офицеру, посланному словесно передать приказаніе, было не легко это исполнить. Я объявилъ о нашемъ назначеніи старшему офицеру и, призвавъ въ каюту боцмана, сказалъ также ему подъ секретомъ объ этомъ и зная, что онъ недавно женился, прибавилъ: «Тебѣ одному я позволю взять жену съ собою, но больше никому. Выбирай. Мы идемъ подъ ядра, можетъ быть будемъ утоплены; Севастополь же, можетъ быть, не будетъ взятъ». Онъ, подумавши, просилъ разрѣшенія взять жену и былъ отпущенъ за нею на берегъ. Эти подробности я привожу въ подтвержденіе того, что, не смотря на твердыя распоряженія свои, Корниловъ далеко не надѣялся отстоять Севастополь отъ перваго натиска. Около 10 часовъ я опять былъ потребованъ къ нему. «Я раздумалъ. Оставайтесь здѣсь и извѣстите другихъ объ этомъ же». Я воскликнулъ: Слава Богу! — «Это почему»?—Потому что пароходы могутъ быть очень полезны здѣсь въ рѣшительную минуту.—«Ну такъ съ Богомъ».

«*10-го сентября.* Мнѣ кажется, что къ этому дню должно отнести слѣдующее: Корниловъ провелъ утро на пароходѣ «Владиміръ» и, призвавъ меня въ каюту, спросилъ: «что вы думаете дѣлать, если Севастополь будетъ атакованъ превосходными силами и взятъ?»—Попробовать выскочить.—«Я этого отвѣта ожидалъ. Послушайте: мы съ вами вмѣстѣ служили, вмѣстѣ сражались. Захватите мои потрохи съ собою, когда буду убитъ».—Въ 6 часовъ вечера 10 сентября я поднимался на гору къ библіотекѣ, когда Корниловъ со свитою подъѣхалъ къ ней верхомъ, возвращаясь съ укрѣпленій. Онъ сошелъ съ лошади и сталъ смотрѣть на корабли, поставленные для затопленія между Константиновскимъ и Александ-

ровскимъ фортами. Черезъ нѣсколько минутъ онъ сказалъ мнѣ: «Рука не поднимается подписать приказаніе топить наши корабли». Я отвѣтилъ: рѣшительныя времена, рѣшительныя мѣры!—«Да, вамъ легко это говорить»!—Ночью начали топить корабли и около часу пополудни слѣдующаго дня, надъ мѣстомъ затопленныхъ шести кораблей и фрегата плавалъ рангоутъ ихъ. «Это былъ великій шагъ съ вашей стороны», говорилъ мнѣ впослѣдствіи англійскій капитанъ Мендсъ»; мы увидѣли, что вы не на шутку намѣрены сопротивляться и многіе почесали себѣ затылки».

Я заимствовалъ всѣ эти разговоры изъ собственноручныхъ замѣтокъ Григорія Ивановича съ тою преимущественно цѣлью, чтобы показать ту степень довѣрія и уваженія, которыми онъ пользовался со стороны такого талантливаго и въ то же время суроваго и несообщительнаго начальника, какимъ былъ вице-адмиралъ Корниловъ.

Вышеприведенный лаконическій отвѣтъ, данный вице-адмиралу Корнилову Григоріемъ Ивановичемъ вполнѣ соотвѣтствовалъ обстоятельствамъ. Извѣстный англійскій историкъ Кинглекъ говоритъ слѣдующее объ этихъ великихъ для Севастополя дняхъ. «Русская армія удалилась и о ней не было никакого слуха. Флотъ стоялъ неподвижно, какъ бы на мели. Войска, оставленныя въ небольшомъ числѣ на защиту города, состояли изъ солдатъ резерва, моряковъ и рабочихъ, большею частью необученныхъ дѣйствію на сухомъ пути. Но всѣ эти люди были единоплеменны, исповѣдывали одну вѣру, подданные одного государя, говорили между собою на одномъ языкѣ, одушевлены были жизнью, страстью, волею могучей націи. И вотъ почему отсутствіе собственной арміи, при появленіи непріятеля, не повлекло за собою паденія Севастополя. Твердый и рѣшительный народъ занялъ постъ, оставленный главнокомандующимъ и его арміею. Блистательный фасадъ обрушился; но за нимъ высились гранитныя стѣны. Корниловъ съ горстью людей различныхъ сословій, но взаимно связанныхъ призывомъ отечества, имѣлъ право сказать, что *защита будетъ русская*».

Послѣ Альминскаго сраженія, въ то время какъ наши

войска скрылись (отступили къ Бахчисараю), союзная армія перешла на южную сторону бухты и, не рѣшаясь на немедленный штурмъ Севастополя, начала осадныя работы; за возведеніе же батарей энергично принялись и мужественные защитники города. 5-го октября непріятель открылъ огонь съ своихъ батарей и такимъ образомъ началась знаменитая въ военныхъ лѣтописяхъ 11-ти мѣсячная осада Севастополя Обѣ стороны медленно сближались, выдвигая на встрѣчу другъ другу свои линіи укрѣпленій. При этомъ, съ самаго начала осады, почти каждую ночь, производились съ оборонительной линіи вылазки, чтобы безпокоить непріятеля и портить его осадныя работы. Кромѣ этихъ сухопутныхъ вылазокъ съ нашей стороны, по распоряженію вице-адмирала Нахимова, была предпринята и морская вылазка днемъ 24-го ноября. Въ этотъ день непріятельскія морскія силы, блокировавшія Севастопольскій портъ, были расположены слѣдующимъ образомъ: противъ рѣчки Качи, т. е. въ 6 миляхъ отъ Севастополя, стояли подъ флагомъ контръ-адмирала Ляйонса 2 винтовыхъ и 2 парусныхъ корабля и при нихъ 2 трехмачтовыхъ парохода; въ Камышевой и Казачьей бухтахъ, т. е. въ 4 и 5 миляхъ отъ рейда, было 23 судна разныхъ размѣровъ и изъ нихъ 2 винтовыхъ корабля (французскій и англійскій) и большой французскій пароходъ стояли у общаго выхода этихъ бухтъ; въ 3¼ миляхъ отъ Севастополя стоялъ уже нѣсколько времени—для наблюденія за тѣмъ, что дѣлается у насъ на рейдѣ—небольшой двухмачтовый французскій пароходъ, на якорѣ противъ западной части Песчаной бухты и, какъ казалось, даже не имѣлъ готовыхъ паровъ; наконецъ, въ глубинѣ Стрѣлецкой бухты, еще ближе къ Севастополю и именно въ 2-хъ миляхъ, стояли уже болѣе двухъ мѣсяцевъ 2 французскихъ колесныхъ парохода, изъ коихъ одинъ, *Роландъ*, въ 400 силъ и 8-пушечный, а другой также двухмачтовый, одинаковой съ нимъ величины, и оба они, имѣя спущенный рангоутъ были ошвартовлены въ кильватерѣ другъ у друга, носами въ море и по временамъ дѣйствовали по городу, съ бастіоновъ котораго были видны только верхніе части ихъ мачтъ. Командиру парохода «Владиміръ» предо-

ставлена была завидная участь выйти въ море, вмѣстѣ съ пароходомъ «Херсонесъ» чтобы напомнить непріятелю необходимость осторожности въ военное время, т. е. напасть на сторожевой пароходъ, если онъ дѣйствительно стоитъ безъ паровъ и не успѣетъ сняться съ якоря и нанести возможный вредъ двумъ пароходамъ, стоявшимъ въ Стрѣлецкой бухтѣ. Исполняя это порученіе, Григорій Ивановичъ предписалъ командиру «Херсонеса», выйти вслѣдъ за собою и дѣйствовать по пароходамъ Стрѣлецкой бухты и по непріятельскимъ лагерямъ, пока Владиміръ займется тѣмъ пароходомъ, который стоитъ далѣе. На разсвѣтѣ 24-го на обоихъ англійскихъ пароходахъ эскадры Ляйонса усмотрѣнъ дымъ и они черезъ часъ снялись. Одинъ подошелъ къ самому устью Качи и, спустивъ шлюпки, послалъ ихъ къ выброшенному тамъ 2-го ноября транспорту, а самъ остался на якорѣ съ готовыми парами, для прикрытія гребныхъ судовъ. Другой же, двухтрубный, имѣя изъ бережливости пары въ одномъ только котлѣ, прошелъ попутнымъ вѣтромъ, мимо Севастополя, въ Камышевую бухту и сталъ на якорь во входѣ въ нее. Давъ имъ время заняться каждому тѣмъ дѣломъ, для котораго онъ разводилъ пары; «Владиміръ», стоявшій въ глубинѣ бухты съ готовыми парами, тронулся съ мѣста за нѣсколько минутъ до часу пополудни, прошелъ бонъ и ровно въ часъ пополудни, выйдя изъ узкости у Константиновской батареи, пробилъ тревогу и понесся полнымъ ходомъ прямо къ французскому винтовому пароходу. На послѣднемъ не вѣрили своимъ глазамъ: нѣсколько минутъ на палубѣ его не было замѣтно никакого движенія.... но вотъ онъ поднялъ сигналъ, потомъ всклубился бѣлый дымъ пушечнаго выстрѣла и ядро упало въ воду, не долетѣвъ до «Владиміра». Въ 1 ч. 15 м. послѣдній, проходя Стрѣлецкую бухту, открылъ лѣвымъ бортомъ огонь по пароходамъ въ ней, которые поспѣшили затопить печи въ котлахъ и торопливо отвѣчали нѣсколькими выстрѣлами на сыпавшіяся къ нимъ бомбы и ядра. Въ то же время два носовыя орудія «Владиміра» начали дѣйствовать по винтовому пароходу, который, сдѣлавъ еще два выстрѣла, успѣлъ поднять паръ и, выпустивъ канатъ, скоро укрылся

подъ сильную защиту винтовыхъ кораблей и большихъ фрегатовъ, стоявшихъ у входа Камышевой и Казачьей бухтъ и отъ которыхъ якорное его мѣсто было почти въ разстояніи дальняго пушечнаго выстрѣла. Видя безполезность дальнѣйшей погони, «Владиміръ» поворотилъ къ нему лѣвый свой бортъ и сдѣлалъ по нѣскольку выстрѣловъ изъ орудій, а потомъ пошелъ къ Стрѣлецкой бухтѣ, продолжая дѣйствовать съ кормы по винтовому бѣглецу. Въ то время, какъ «Владиміръ» стрѣлялъ по послѣднему бортомъ, другой двухмачтовый французскій пароходъ, вышедшій было изъ Камышевой бухты съ транспортомъ на буксирѣ, поспѣшилъ возвратиться въ нее, бросивъ буксиры. Между тѣмъ одинъ изъ винтовыхъ кораблей Камышевой бухты и три большіе парохода спѣшили разводить пары. Когда, въ 20 минутъ 2-го часа «Владиміръ» опять открылъ жаркій огонь правымъ бортомъ по пароходамъ Стрѣлецкой бухты, остановивъ машину, «Херсонесъ» уже дѣйствовалъ по нимъ продольно своимъ правымъ бортомъ, а они отвѣчали ядрами, то недолетавшими и до половины разстоянія, то перелетавшими черезъ наши пароходы. Съ обоихъ мысовъ Стрѣлецкой бухты дѣйствовали еще нѣсколько полевыхъ орудій, но столь же безуспѣшно, какъ и французскіе пароходы, стоявшіе въ ней, изъ коихъ одинъ нѣсколько поворотился на швартовахъ, чтобы лучше отвѣчать «Владиміру» и «Херсонесу». Послѣдніе, кромѣ огня по французскимъ пароходамъ, пустили еще нѣсколько бомбъ по непріятельскимъ лагерямъ, изъ коихъ солдаты побѣжали вразсыпную на ближайшія высоты, отчего подверглись огню съ 6-го бастіона. Нужно прибавить, что картина морской перестрѣлки такъ заняла вниманіе и осаждающихъ и осажденныхъ въ Севастополѣ, что на всѣхъ батареяхъ прекратилась было пальба. Между тѣмъ изъ Камышевой бухты снялся перешедшій туда изъ Качи англійскій 16-пушечный пароходъ *Валорозъ*, за нимъ англійскій же 21-пушечный *Террибль*, потомъ большой французскій (*Могадоръ* или *Вобанъ*) подъ вице-адмиральскимъ флагомъ и наконецъ стоявшій у Качи несся отрѣзать наши пароходы отъ Севастополя. Это не мѣшало нашимъ пароходамъ продолжать огонь по Стрѣ-

лецкой, но какъ отъ нея до Камышевой менѣе $2^1/_2$ миль, то *Валорозъ*, черезъ нѣсколько минутъ по выходѣ своемъ, былъ отъ «Владиміра» въ разстояніи дальняго пушечнаго выстрѣла и открылъ огонь. Григорій Ивановичъ отвѣчалъ изъ двухъ кормовыхъ орудій, слѣдуя съ 2 часовъ малымъ ходомъ въ кильватеръ «Херсонеса» въ Севастополь, куда вошелъ въ 2 часа 15 минутъ. Англійскія ядра то недолетали, то перелетали «Владиміръ», хотя падали весьма близко утлегаря и кормы, но *Валорозъ*, увлекшись погонею, попалъ подъ выстрѣлы нашихъ батарей и съ поврежденіями долженъ былъ поспѣшить возвратиться. Прочіе три большихъ парохода не успѣли сдѣлать по нашимъ ни одного выстрѣла. На нашихъ пароходахъ не было ни убитыхъ, ни раненыхъ, но лишь перебито нѣсколько снастей и очень легко повреждена на «Владимірѣ» правая чикса фокъ мачты. На винтовомъ французскомъ пароходѣ усердно качали помпы и бранспойтъ около середины судна, когда онъ уходилъ отъ «Владиміра», а на одномъ изъ Стрѣлецкихъ внезапно усмотрѣнъ большой паръ, что подало поводъ заключить, что ему попало и въ котелъ. На другой день въ Стрѣлецкую бухту ввели трехмачтовой французскій пароходъ, взамѣнъ одного изъ двухмачтовыхъ бывшихъ въ ней, и онъ сталъ уже не носомъ къ выходу, какъ стояли тамъ прежде, а кормою, чтобы лучше отстрѣливаться, вмѣсто же одного винтоваго, наблюдателями поставили 4 батарейныхъ парохода, къ которымъ на ночь иногда присоединялись еще 2. По возвращеніи «Владиміра» и «Херсонеса» на кораблѣ «Двѣнадцать Апостоловъ», стоявшемъ подъ флагомъ вице-адмирала Нахимова, былъ поднятъ сигналъ: *изъявляю особенное удовольствіе.* За это дѣло Григорій Ивановичъ былъ награжденъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, чиномъ капитана 1 ранга. Съ декабря 1854 года и до сдачи Севастополя 27-го августа слѣдующаго года, Григорій Ивановичъ участвовалъ въ оборонѣ Севастополя, какъ командиръ «Владиміра». Это участіе заключалось главнымъ образомъ въ томъ, что, вмѣстѣ съ другими пароходами, онъ дѣйствовалъ по непріятельскимъ войскамъ и батареямъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда дальность полета пароходныхъ снарядовъ

была недостаточна и при наибольшемъ возвышеніи орудій, онъ шелъ въ бой, накренивши «Владиміръ» на сторону, необращенную къ непріятелю. Приводимыя въ выноскѣ письма начальника Малахова кургана контръ-адмирала В. И. Истомина и начальника штаба Севастопольскаго гарнизона князя Васильчикова (*) показываютъ то значеніе, которое обороняющіеся придавали содѣйствію «Владиміра». И дѣйствительно, замѣчательно искусное въ тактическомъ отношеніи, оно было весьма цѣннымъ вообще, особенно въ дни штурмовъ. При всемъ томъ, пребываніе на пароходѣ сравнительно съ службою на батареяхъ казалось въ началѣ менѣе блестящимъ, а вообще менѣе опаснымъ (**) и менѣе труднымъ физически. Григорія Ивановича тянуло поэтому на батарею или онъ считалъ своимъ долгомъ находиться въ опаснѣйшихъ мѣстахъ. О перемѣщеніи туда онъ просилъ адмирала Нахимова, но получилъ отказъ: «Нельзя-съ, отвѣчалъ ему суровый защитникъ Севастополя, *Васъ нужно сохранить для будущаго флота*». Другая служба команды «Владиміра» въ дни осады заключалась въ изготовленіи для береговыхъ батарей: пушечныхъ картузовъ, тросовыхъ амбразурныхъ щитовъ и т. п. предметовъ.

(*) Любезный Григорій Ивановичъ..... французы, переведя въ помощь таковымъ же.... англичанамъ, не знаю сколько своихъ войскъ на позицію противъ моей дистанціи, доставили, имъ возможность расширить кругъ осадныхъ работъ и въ числѣ другихъ воздвигаемыхъ укрѣпленій—построить прямо противъ башни редутъ. Редутъ этотъ находится на прямомъ протяженіи и въ недальнемъ разстояніи той пяти-пушечной, оставленной непріятелемъ, батареи, которая такъ часто отвѣдывала вашего чугуна и у комендапта которой (по словамъ плѣннаго англійскаго офицера) вы безпрестанно портили обѣденный супъ. Нельзя-ли вамъ, любезный Григорій Ивановичъ, попробовать съ «Владиміра» дальность полета вашихъ сокрушительныхъ бомбъ на этотъ редутъ, который, когда откроетъ огонь, будетъ пронизывать, какъ говорится, всю площадь кургана (Малахова) и т. д. В. Истоминъ. 28-го января 1855 г.

Того же года, 27-го мая, князь Васильчиковъ писалъ Гр. Иван. слѣдующее: «Редуты наши, къ несчастію, въ рукахъ непріятеля; ихъ будутъ брать обратно на разсвѣтѣ. Не можете-ли вы принять мѣры, чтобы кто можетъ изъ вашей эскадры, (т. е. пароходовъ) дѣйствовалъ усиленно» и т. д.

(**) Подтвержденіемъ могутъ служить слѣдующія цифры потерь «Владиміра», относящіяся ко времени между 5-мъ ноября 1854 года и 30-мъ августа 1855 г.:

Не буду описывать эпизодически участія «Владиміра» въ оборонѣ Севастополя,—участія, которое доставило Григорію Ивановичу блестящую извѣстность нетолько между своими, но и въ рядахъ непріятеля. Описывать это участіе безъ описанія всей обороны невозможно; а послѣднее уведетъ далеко въ сторону отъ цѣлей настоящаго очерка. Переходя поэтому прямо къ послѣднимъ днямъ Севастополя и Черноморскаго флота, упомяну только, что въ теченіи 1855 года Григорій Ивановичъ удостоился получить за военныя отличія слѣдующія награды: въ мартѣ—чинъ капитана 1-го ранга, въ іюнѣ—орденъ Св. Анны 2 ст. съ Императорскою короною и мечами и въ іюлѣ—золотую саблю съ надписью за храбрость и Монаршее благоволеніе.

Въ второй половинѣ августа наши укрѣпленія были почти разрушены отъ непрерывнаго огня непріятеля; подступы французовъ, впереди Малахова кургана, были уже въ 60 шагахъ отъ контръ-эскарповъ послѣдняго, такъ что въ тѣ немногія минуты, когда умолкалъ громъ орудій, съ кургана можно было слышать ночью говоръ непріятелей; ежедневная убыль гарнизона была около 1 000 человѣкъ. Главнокомандующій, князь Горчаковъ, видѣлъ близкую необходимость оставить городъ и принялъ всѣ мѣры къ обезпеченію отступленія, но не рѣшался сдать его, пока хотя развалины передовыхъ укрѣпленій еще въ нашихъ рукахъ. Непріятель дѣятельно готовился въ это время къ рѣшительному штурму укрѣпленій лѣваго фланга и возвелъ на своемъ правомъ флангѣ двѣ грозныхъ батареи, перекрестно защищавшихъ отъ пароходовъ пространство противъ Киленбалки. Такъ называемая Рейдовая батарея, возведенная ранѣе, могла встрѣ-

---

Попало бомбъ, ядеръ и осколковъ	65
» пуль, принесшихъ пораненія .	11
Убито на пароходѣ	17
Ранено	25
Контужено	15

Изъ этого числа на послѣдній штурмъ, 27-го августа, приходится раненыхъ и контуженныхъ 15 человѣкъ.

чать пароходы лишь только они покажутся изъ-за мыса, на которомъ была наша Святославская батарея.

«Тщательно разсматривая мѣстность (говорится въ описаніи, собственноручно исправленномъ Григоріемъ Ивановичемъ), избранную непріятелемъ для двухъ новыхъ батарей, нельзя было не отдать справедливости прекрасному выбору для нихъ позицій. Между тѣмъ, въ случаѣ штурма, гарнизонъ Севастополя привыкъ расчитывать на содѣйствіе пароходовъ. Сообразивъ, что строителямъ батарей могло быть неизвѣстно, что къ восточному берегу Киленбалки пароходъ можетъ подойти на самое близкое разстояніе и разсмотрѣвъ со шлюпки, что, подойдя къ берегу, пароходъ прикроется этимъ же берегомъ отъ Киленбалочной батареи, командиръ «Владиміра» предложилъ себѣ вопросъ: какъ и куда именно удобнѣе всего подскочить подъ эти батареи, чтобы онѣ могли стрѣлять только черезъ пароходъ и по трубамъ его, тогда какъ послѣдній, не стрѣляя въ нихъ, будетъ поражать штурмующія войска. Удостовѣрясь, что верхняя кромка канала доковаго водопровода, идущаго вдоль южной стороны рейда, находится почти на одной высотѣ съ кожухами парохода и разсмотрѣвъ изъ траншей (спускавшихся отъ 1 бастіона, впереди Святославской батареи къ самому рейду), что едвали на Рейдовой батареѣ можно наклонить орудія на столько, чтобы стрѣлять въ каналъ водопровода, можно было заключить, что пройдя подъ сильнымъ перекрестнымъ огнемъ въ самомъ близкомъ разстояніи, пароходъ, кромѣ трубъ своихъ (*), можетъ скоро оставаться подъ берегомъ совершенно внѣ выстрѣловъ непріятельскихъ пушекъ. Предполагая, что непріятель никакъ не будетъ ожидать близкаго подхода къ его новымъ батареямъ, можно было надѣяться, что онъ не осыплетъ открытую палубу парохода перекрестною картечью и не будетъ готовъ осыпать его *тучами гранатъ* изъ своихъ

(*) Фокъ и гротъ-мачты были вынуты, чтобы щепою отъ нихъ и перебитыми цѣпными вантами не могло бить людей. Вмѣсто фокъ-мачты поставлена форъ-стеньга, для подъема кливеровъ, а бизань-мачта оставлена на своемъ мѣстѣ, чтобы имѣть заднюю парусность для крутыхъ заворотовъ.

мортиръ (*), когда пароходъ скроется отъ пушечныхъ выстрѣловъ; слѣдовательно остается только штуцерный огонь изъ траншей. Противъ послѣдняго были приняты слѣдующія мѣры: весь бортъ парохода (тонкій и легкій) былъ закрытъ изнутри мѣшками съ землею; у каждаго орудія приспособлены высокіе тросовые щиты; рулевые на площадкѣ защищены будкою изъ толстыхъ желѣзныхъ листовъ и на серединѣ площадки между колесами и трубами установлена барказная каронада 12-ти фунтоваго калибра, картечь которой долженствовала служить единственнымъ отвѣтомъ парохода на перекрестный пушечный, мортирный и штуцерный огонь непріятеля, ибо всѣ прочія орудія должны были дѣйствовать по штурмующимъ войскамъ». Такъ спокойно, обдуманно и талантливо готовился Григорій Ивановичъ къ последнему рѣшительному бою, въ близости котораго никто не сомнѣвался.

24-го августа союзники открыли по городу и батареямъ усиленное бомбардированіе, выпустивъ въ этотъ день 40 000 бомбъ и ядеръ и выведя у насъ изъ строя около 2 000 человѣкъ; 25-го числа было брошено въ Севастополь 30 000 бомбъ и 20 000 ядеръ, при чемъ нашъ уронъ въ людяхъ былъ около 3 000 человѣкъ; то же повторилось и 26-го. Наконецъ 27-го, въ началѣ 1-го часа пополудни, непріятельскія войска бросились на штурмъ лѣваго фланга оборонительной линіи.

«Пароходы наши, пишетъ Григорій Ивановичъ, занимали якорныя мѣста у южнаго берега рейда, между Аполлоновою балкою и Павловскою батареею и, видя усиленное бомбардированіе города, нѣсколько приготовились къ скорому вступленію подъ пары. «Херсонесъ» и «Одесса», назначенные вмѣстѣ съ «Владиміромъ» защищать лѣвый флангъ нашихъ укрѣпленій, немедленно пошли полнымъ ходомъ къ Голландіи.

(*) Этотъ способъ былъ въ большомъ употребленіи на береговыхъ батареяхъ и такую тучу гранатъ прозвали капральствомъ. Конечно непріятель могъ бы имъ нанести огромный вредъ пароходу, на которомъ всѣ люди на верхней палубѣ; мортирныя же бомбы далеко не столько угрожали пароходу по трудности попадать ими вдругъ на пунктъ, куда не приготовились заранѣе стрѣлять.

«Владиміръ» снялся минутъ 10 спустя (*) и направился прямо къ сѣверному краю Рейдовой батареи. Проходя Ушакову балку, онъ пустилъ нѣсколько бомбъ по Камчатскому редуту, хорошо видному, будучи противъ этой балки, и стрѣлявшему по виднымъ ему пароходамъ. Первое ядро съ Рейдовой батареи, упавъ въ полукабельтовѣ, не долетая парохода, рикошетировало черезъ шканцы его и подало поводъ думать, что огонь этой батареи будетъ очень жестокій, потому что рикошетною пальбою, когда она возможна, только и слѣдовало маловозвышеннымъ отъ воды батареямъ стрѣлять по движущейся цѣли. Слѣдующія ядра и бомбы показали, что можно быть увѣрену, что батареи не готовы стрѣлять картечью по пароходамъ, ибо бомбы ихъ, не пущенныя рикошетно, преимущественно перелетали. Лишь только открылась Киленбалка, бомбы и картечь полетѣли безпрерывнымъ градомъ съ праваго борта «Владиміра» по бѣгущимъ къ нашимъ укрѣпленіямъ вразсыпную французскимъ войскамъ. Въ то же время Киленбалочная французская батарея открыла огонь, но какъ на ней не ожидали, что пароходъ пройдетъ весьма близко отъ входа въ эту бухту, то снаряды перелетали черезъ него. Крѣпкій NO вѣтеръ отнялъ возможность стать на кормовые верпы и якорь съ носу, *подъ самою* Рейдовою батареею, почему пришлось остановить машину парохода *нѣсколько пройдя* предположенное якорное мѣсто, соблюдая однакоже всѣ предусмотрѣнныя условія, т. е. стрѣляя по непріятельскимъ войскамъ съ мѣста закрытаго отъ выстрѣловъ Киленбалочной батареи и на которое Рейдовая не могла дѣйствовать, потому что не могла на столько понизить свои орудія.—Въ началѣ третьяго часа, пароходъ «Херсонесъ», дѣйствовавшій по непріятелю вблизи «Владиміра», сигналомъ далъ знать о поврежденіи ма-

(*) Незначительная задержка произошла какъ потому, что онъ топилъ антрацитомъ, такъ и по той причинѣ, что привезенный на пароходъ вечеромъ предъидущаго дня лейтенантъ 37 экипажа Дмитрій Бутаковъ, смертельно раненый на 4 бастіонѣ и ходившій только съ подержкою съ обѣихъ сторонъ, долго отказывался оставить пароходъ, идущій подъ бомбы, говоря, что ему будетъ тутъ покойнѣе, чѣмъ въ госпиталѣ.

шины; нужно было бы отбуксировать его въ закрытое мѣсто рейда, но необходимость дѣйствовать по непріятельскимъ войскамъ заставляла «Владиміръ» удерживать выгодную позицію, и «Херсонесъ» долго оставался безъ помощи. Въ продолженіи пальбы «Владиміръ» сносило къ берегу и корму его, по прекращеніи хода впередъ, заворачивало къ вѣтру. Это принуждало давать передній ходъ, чтобы, послушавшись руля, пароходъ поворотился опять всѣмъ бортомъ къ непріятелю и потомъ—давать задній ходъ, чтобы непріятельскія войска не были закрыты отъ выстрѣловъ парохода Забалканскимъ холмомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, заднимъ ходомъ должно было не открывать себя Киленбалочной батареѣ. Такой маневръ приходилось употребить нѣсколько разъ, подъ безвреднымъ огнемъ съ батарей, устроенныхъ непріятелемъ на мѣстѣ Волынскаго и Селенгинскаго редутовъ, но небезвреднымъ штуцернымъ—изъ траншей; наконецъ берегъ сталъ такъ близокъ, что, давши полный ходъ впередъ, пароходъ долженъ былъ описать полный кругъ, чтобы, подвергаясь дважды перекрестному огню Рейдовой и Киленбалочной батарей, опять придти на первоначальное свое мѣсто около первой изъ нихъ. Сопровождаемый сильнымъ, но не мѣткимъ огнемъ съ батарей Волынскаго и Селенгинскаго редутовъ, а также и тѣхъ, которые сзади нихъ, пароходъ прошелъ у самаго мыса бывшей Парижской батареи и подъ самымъ сѣвернымъ берегомъ рейда, бросая бомбы лѣвымъ бортомъ, сначала по тѣмъ же войскамъ, а потомъ черезъ Ушакову балку на Камчатскій и Малаховъ курганы. Не ожидая вначалѣ, что «Владиміръ» пройдетъ очень близко Киленбалки, теперь на батареяхъ не ожидали, что онъ пройдетъ очень далеко и это было причиною, что въ первомъ случаѣ большая часть французскихъ снарядовъ перелетѣли черезъ пароходъ, а во второмъ не долетѣли. Заворотившись совсѣмъ около Сѣверной батареи № 4, «Владиміръ» опять прошелъ Киленбалку подлѣ самаго берега, подъ встрѣчнымъ и перекрестнымъ огнемъ, на прежнее свое мѣсто и дѣйствовалъ всѣмъ бортомъ, давая задній и передній ходъ, пока вновь не снесло его близко къ берегу. Тогда, заворотившись опять полнымъ ходомъ у мыса Парижской батареи и противъ

Голландіи, онъ взялъ курсъ на близкое разстояніе отъ Киленбалки, т. е. подъ южнымъ берегомъ рейда; между тѣмъ какъ, по предыдущему примѣру, на батареѣ должны были ожидать возвращенія его въ западную часть рейда подъ сѣвернымъ берегомъ. Это было новою причиною перелетанія большей части непріятельскихъ снарядовъ». Было $3^1/_2$ часа. Имѣя 15 человѣкъ убитыхъ, раненыхъ и контуженныхъ и 21 пробоину (*), пароходъ остановился противъ Аполлоновой балки, чтобы отправить раненыхъ въ госпиталь и въ то же время нѣсколько оправиться отъ поврежденій. Въ 4 часа «Владиміръ» снова дѣйствовалъ по французскимъ подкрѣпленіямъ, бѣжавшимъ къ Малахову кургану, на которомъ уже развѣвалось ихъ знамя. Искусныя и смѣлыя маневрированія «Владиміра» 27-го августа обратили на себя общее вниманіе. «Ге-

---

(*) Поврежденія были слѣдующія. Одна бомба пробила въ 2 часа 30 мин. правый бортъ въ жилой палубѣ, лопнула въ каютѣ машиннаго содержателя и разнеся ее и смежный съ нею верхній лазаретъ (въ это время незанятый) произвела пожаръ, который былъ потушенъ черезъ пять минутъ. Другая засѣла на той же сторонѣ въ бортѣ верхней каютъ-компаніи и, лопнувъ тамъ, разорвала смежные шпангоуты и обшивку, сдѣлавъ въ бортѣ большую открытую дыру и уничтожила 3 каюты, контузила двухъ податчиковъ картузовъ и бомбъ, при чемъ причинила пожаръ, также потушенный черезъ нѣсколько минутъ. Третья бомба попала въ него позднѣе, въ пятомъ часу; пробивъ заднюю кожуховую каюту и какъ бы раздавивъ нѣсколько палубныхъ досокъ надъ бимсомъ кормоваго угольнаго ящика, сдѣлала вверхъ косвенный рикошетъ и перебивъ висѣвшій подъ площадкою выстрѣлъ для спуска кожуховыхъ лодокъ, упала на палубу впереди машиннаго люка, гдѣ лопнула черезъ нѣсколько секундъ, сдѣлавъ подъ собою дыру во все пространство между бимсами палубы, но не задѣвъ никого изъ прислуги близкаго къ тому мѣсту 68-фунтоваго орудія, которымъ успѣли закричать съ площадки *ложись!* Одно изъ ядеръ, которое по направленію полета своего сквозь кожуховую каюту непремѣнно попало бы въ мотыль главнаго вала машины, было остановлено блиндажемъ изъ толстыхъ дубовыхъ штукъ, сдѣланнымъ надъ всѣмъ люкомъ машины и состоявшимъ изъ сруба, подобнаго по постройкѣ русскимъ избамъ, но скрѣпленнаго по угламъ вертикальными сквозными болтами и накрытаго сверху рядомъ такихъ же штукъ, на которыхъ лежали койки. Это ядро попало въ самый уголъ блиндажа, такъ что встрѣтило каждое изъ сходящихся бревенъ въ торцъ и сверхъ того болтъ, который оно погнуло. Оно углубилось подъ лицо съ наружной стороны блиндажа. Еще одно ядро было замѣчательно тѣмъ, что попавъ въ коечный ящикъ, стоявшій съ боку передней трубы, выхватило изъ него койку и перегнувъ ее пополамъ, засѣло вмѣстѣ съ нею въ дыру, которую оно сдѣлало этою койкою въ переборкѣ противъ колеса, такъ что койка предохранила колесо отъ поврежденія.

ройское и величественное зрѣлище, говоритъ Guérin, хотя и бѣдственное для французовъ, представлялъ въ особенности столь славный своими прежними подвигами пароходъ «Владиміръ», который, подъ начальствомъ Бутакова, подойдя быстро подъ выстрѣлы укрѣпленій Лаваранда (киленбалочныхъ редутовъ), давалъ залпы, то съ одного, то съ другого борта, повидимому нисколько не страдая отъ огня нашихъ батарей и внося гибель и смятеніе въ ряды штурмовыхъ колоннъ. Трудно сказать сколько пало французовъ у 2-го бастіона. Никогда, говорятъ, не было на такомъ пространствѣ столько убитыхъ и раненыхъ». Отставной артиллерійскій офицеръ И. В., описывая (*) штурмъ 27 августа, говоритъ между прочимъ слѣдующее: «Оставивъ № 18, я сталъ слѣдить за нашими пароходами, сновавшими взадъ и впередъ по бухтѣ и дѣйствовавшими во флангъ штурмовавшимъ колоннамъ, а отчасти отстрѣливавшимися отъ батарей, направлявшихъ на нихъ свои выстрѣлы. Въ особенности обратилъ на себя общее вниманіе пароходъ «Владиміръ». Чудное зрѣлище представляло это прекрасное судно! Идетъ величественно вдоль бухтъ отъ Павловскаго мыска, изрѣдка пуская гранату изъ носоваго орудія, отбиваясь, какъ будто отъ назойливой мухи, отъ французской батареи въ два орудія, обстрѣливавшей бухту вдоль и сосредоточивавшей на немъ весь свой огонь. Поровнявшись съ Киленбалкой, выстрѣлитъ изъ орудій цѣлаго борта и медленно поворачивается другимъ бортомъ подъ защитою адскаго огня съ № 18, опять сдѣлаетъ залпъ и тихо отходитъ, заряжая свои орудія и отстрѣливаясь. И этотъ маневръ онъ повторялъ безпрестанно въ теченіи цѣлаго штурма. Это не покажется мудренымъ, если прибавить, что командиръ «Владиміра» капитанъ Бутаковъ, первый подавалъ экипажу примѣръ рѣдкаго хладнокровія и неустрашимости. Всѣ приходили въ восторгъ, глядя на него, стоявшаго на площадкѣ надъ колесами и спокойно распоряжавшагося, какъ будто около него не летали ядра и не было вѣроятности быть уби-

---

(*) Отеч. Записки Т. CXXXI Отд. 1.

тымъ каждое мгновеніе. Хвала тебѣ, храбрый! хвала и тебѣ, нашъ славный «Владиміръ».

Отступленіе нашихъ войскъ началось въ седьмомъ часу вечера и длилось всю ночь; чтобы скрыть его отъ непріятеля охотники изъ пѣхоты и артиллеріи поддерживали огонь. Въ переправѣ учавствовали не только пароходы, но всѣ казенныя и вольныя шлюпки, какія можно было только спустить. «Въ 9 часовъ вечера, говоритъ въ своихъ запискахъ Григорій Ивановичъ, началась амбаркація войскъ съ багажемъ и другимъ имуществомъ. Занимая людьми и необходимыми вещами всѣ палубы и каюты, не исключая капитанской, на пароходъ посажено 1 300 человѣкъ и, по высадкѣ ихъ на сѣверную сторону, «Владиміръ» возвратился къ Аполлоновой балкѣ въ 2 часа. Въ 5 часовъ, когда уже разсвѣло, пароходъ вторично повезъ 1 190 человѣкъ къ Куриной балкѣ, согласно диспозиціи. Во время высаживанія ихъ на берегъ съ Рейдовой батареи непріятель открылъ по «Владиміру» огонь бомбами; многія не долетали, многія перелетали и безвредно лопались на берегу. Лишь только корма парохода освободилась отъ людей, переправившихся на берегъ, изъ кормоваго орудія «Владиміра» стали отвѣчать на огонь. Въ $6^1/_2$ часовъ одна непріятельская бомба попала въ шканцы, откуда съ лѣвой стороны высаживали людей на берегъ посредствомъ кожуховыхъ лодокъ, между тѣмъ какъ другія шли по сходнямъ на пристань, къ которой пароходъ былъ приткнутъ на мель носомъ въ томъ расчетѣ, что по выгрузкѣ онъ облегчится и сойдетъ легко; съ кормы былъ брошенъ верпъ. Перелетѣвъ правый бортъ, эта бомба пронизала густую толпу солдатъ и, положивъ цѣлый рядъ ихъ, ударилась въ мѣшокъ съ пескомъ у лѣваго ватервельса, гдѣ лопнула, переранивъ еще нѣсколько человѣкъ и, продавивъ палубу, расщепила полубимсъ въ буфетѣ. Два солдата были убиты, восемь тяжело ранены; число же контуженныхъ и легко раненыхъ осталось неизвѣстнымъ, потому что они поспѣшили на берегъ. Вскорѣ затѣмъ другая бомба съ той же батареи ранила четырехъ матросовъ около носовой сходни, помогавшихъ солдатамъ переходить на берегъ, передавая ихъ ружья».

Не ранѣе 7 часовъ «Владиміръ» окончилъ высадку и чтобы удостовѣриться, нѣтъ ли еще какой работы пароходу, онъ пошелъ въ Южную бухту, гдѣ съ Малахова кургана по немъ сдѣлали нѣсколько неудачныхъ выстрѣловъ. Освѣдомясь, что должно ожидать взрывовъ со всѣхъ сторонъ въ Лазаревскомъ адмиралтействѣ, на Павловской батареѣ и на Николаевской (послѣднее не подтвердилось) и получивъ отъ вице-адмирала Панфилова утвердительное свѣдѣніе, что больше никого не осталось въ городѣ, «Владиміръ» отведенъ къ мысу между Сѣверною пристанью и Сухою балкою и поставленъ на якорь. Въ ту же ночь, съ 27 на 28, были затоплены: 6 кораблей, 1 фрегатъ, 1 корветъ и 5 бриговъ—послѣдніе парусные представители Черноморскаго флота. 28 и 29-го августа Севастополь горѣлъ и время отъ времени въ немъ происходили взрывы; 30-го числа пожары почти прекратились и союзники рѣшились наконецъ занять городъ. Въ тотъ же день Григорій Ивановичъ, какъ командовавшій отрядомъ пароходовъ, получилъ отъ вице-адмирала Новосильскаго слѣдующій приказъ: «Предлагаю вашему высокоблагородію поставить пароходы на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они должны быть потоплены, выгрузивъ напередъ орудія и снаряды; послѣ чего оставить на пароходахъ небольшую часть команды для занятія только карауловъ, остальныхъ же всѣхъ разослать по своимъ экипажамъ. Если откроется сильная стрѣльба по пароходамъ со стороны непріятеля, то, неожидая приказанія, я разрѣшаю топить ихъ для спасенія команды». Во время полученія этого приказанія, наши пароходы уже служили мишенью для непріятельской артиллеріи и потому, по мѣрѣ выгрузки съ нихъ орудій и снарядовъ, они были отводимы на глубину. По словесному приказанію, полученному командиромъ «Владиміра», каждый пароходъ долженъ былъ зажигаться въ то время, когда былъ затопленъ на половину.

Съ 30 на 31 августа, въ часъ пополуночи, свезли команду на берегъ на кожуховыхъ лодкахъ; въ три часа утра открыли краны и, по условному сигналу, зажгли всѣ пароходы. «Владиміръ» загорѣлся во всѣхъ частяхъ; на немъ были заряжены ядрами и бомбами и наведены на непріятеля тѣ

изъ орудій, которыхъ нельзя было свезти. Къ пяти часамъ утра «Владиміръ», вмѣстѣ съ другими пароходами, пошелъ ко дну и тѣмъ закончилъ лучшіе военные дни своей счастливой и блестящей карьеры.

Такимъ образомъ Корнилову, лучшему изъ учениковъ адмирала Лазарева, умолявшему князя Меншикова о дозволеніи сразиться въ морѣ съ непріятельскимъ флотомъ и считавшему затопленіе кораблей самоубійствомъ, пришлось распоряжаться именно затопленіемъ ихъ; а Григорію Ивановичу— *сохраненному* адмираломъ Нахимовымъ *для будущаго флота*, побѣдителю въ первомъ, по времени, пароходномъ боѣ и главному дѣятелю въ первомъ, по времени, сраженіи пароходныхъ эскадръ—пришлось быть послѣднимъ, по времени, начальникомъ черноморскихъ пароходовъ и ихъ истребителемъ.

Слѣдующій годъ, т. е. время съ сентября 1855 и по августъ 1856 года, было для Россіи очень тяжелою порою, а лично для Григорія Ивановича порою относительнаго отдыха, соединеннаго съ кропотливымъ штабнымъ трудомъ и съ нелегкими заботами по усиленію обороны Николаева. Въ сентябрѣ 1855 года онъ былъ пожалованъ флигель-адъютантомъ и вскорѣ затѣмъ назначенъ начальникомъ штаба завѣдывающаго морскою частью въ Николаевѣ. Въ этотъ же періодъ времени Григорій Ивановичъ удостоился слѣдующихъ наградъ: Монаршей признательности за содѣйствіе сухопутному вѣдомству при работахъ для обороны г. Николаева; ордена Св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ за отличное мужество и храбрость при защитѣ Севастополя; серебряной медали на Георгіевской лентѣ за оборону Севастополя и бронзовой медали на Георгіевской лентѣ за участіе въ войнѣ 1853—1856 годовъ.

4. Завѣдываніе Морскою частью въ Николаевѣ съ 1856 по 1860 годъ.

26-го августа 1856 г. Григорій Ивановичъ былъ произведенъ въ контръ-адмиралы (по ман. 1762 г.) съ назначеніемъ въ Свиту Е. И. В., и *Завѣдывающимъ морскою частью въ Николаевѣ и военнымъ губернаторомъ Николаева и Севастополя.*

Для оцѣнки этого назначенія, въ моментъ приказа о немъ, необходимо вспомнить, что лѣтомъ 1856 года правительство имѣло еще намѣреніе завести на Черномъ морѣ, кромѣ кавказской флотиліи, 27 паровыхъ судовъ и въ этихъ видахъ состоялось даже тогда распоряженіе объ устройствѣ близъ Николаева завода, способнаго работать машины въ 400 силъ. Слѣдовательно, при назначеніи Григорія Ивановича на новую должность, ему готовилась широкая морская дѣятельность. Справедливость послѣдняго предположенія подтверждается и сохранившимся письмомъ къ нему одного изъ значительныхъ лицъ Морскаго министерства, отъ 3 (15) сентября 1856 года. Въ этомъ письмѣ говорится между прочимъ слѣдующее: «Почтеннѣйшій Григорій Ивановичъ! Вотъ, что называется «сонъ въ руку». Все, что я предсказывалъ вамъ, сбылось и я отъ всего сердца поздравляю васъ. Ваше назначеніе служитъ *ровней* (такъ переводитъ Даль-Луганскій слово pendant) назначенію Барятинскаго на Кавказъ и въ обоихъ случаяхъ имѣются, кажется, всѣ условія для блестящихъ и полезныхъ результатовъ».

Государственный человѣкъ, писавшій эти строки, не ошибался; но его надеждамъ не пришлось осуществиться, потому что въ 1857 году само правительство, по политическимъ соображеніямъ, нетолько отказалось отъ возсозданія Черноморскаго флота, но еще рѣшилось на широкое примѣненіе къ нему системы сокращеній. Такимъ образомъ Григорій Ивановичъ, вскорѣ по вступленіи въ должность, неожиданно оказался при обязанности прямо противоположной той, на которую расчитывалъ, къ которой какъ бы готовился предшествовавшею службою и которой желалъ бы посвятить всю свою жизнь.

При назначеніи Григорія Ивановича «завѣдывающимъ морскою частью въ Николаевѣ», на этомъ учрежденіи лежало множество разнороднѣйшихъ обязанностей и въ то же время оно находилось въ крайне хаотическомъ состояніи. Вотъ что говоритъ о тогдашнихъ обязанностяхъ этого учрежденія и о своемъ положеніи самъ Григорій Ивановичъ.

«Трудная обязанность управлять черноморскимъ вѣдом-

ствомъ была возложена на меня въ такое время, когда всего прежняго, до-военнаго и военнаго состава флота не существовало; когда большинство лицъ строевыхъ и административныхъ частей выбыло смертію или переводомъ или откомандировкою, а новый административный порядокъ (предположенный проектами штатовъ, начатыхъ еще въ концѣ 1855 года) какъ извѣстно, и доселѣ (1859 г.) не сложился. Флота не было, — были лишь командиры и офицеры; черноморской береговой линіи не существовало, потребность же замѣнить бывшую тамъ прежде флотилію была вопіющая, также какъ и снабженіе Кавказа провіантомъ черезъ море. Границы Имперіи измѣнились; Измаилъ упразднялся и изъ него переводилось въ Николаевъ моремъ весьма значительное имущество; переселено множество лицъ, которымъ надлежало дать новыя занятія. Между тѣмъ небольшое число судовъ, уцѣлѣвшихъ въ Николаевѣ, находилось въ горестномъ положеніи: паруса были истреблены на мѣшки для батарей, да и вообще запасовъ, необходимыхъ для плаванія судовъ, почти не существовало, даже тросы приходилось спускать вручную, потому что канатный заводъ былъ занятъ подъ госпиталь. Севастополь населялся и при условіяхъ совершенно новыхъ за множествомъ водворявшихся въ немъ иностранцевъ всякаго рода; огромное морское имущество было подъ водою и на сѣверной сторонѣ, перемѣшанное съ сухопутнымъ. Маяки Чернаго и Азовскаго морей болѣе или менѣе разорены, а навигація возстановлялась; плавучіе маяки истреблены и до постройки новыхъ необходимо было приспособить временные. Запасы провіанта пришли къ концу и на зиму (1856—1857) ихъ не заготовлено. Вообще, съ одной стороны ничтожность и полная растроенность всѣхъ средствъ, а съ другой—громадность требованій, неопредѣлительность чему быть и что не будетъ, постоянно ставили мѣстное начальство въ самое критическое положеніе, которое едва ли нужно доказывать,— если взглянуть, хотя бѣгло, на нѣкоторыя изъ *случайныхъ* только обязанностей, сдѣлавшихся ему присущими и нужными.

Въ эти обязанности входило:

1) Возсозданіе военнаго флота, сооруженіе и окончаніе элинговъ и стапелей на сотни тысячъ рублей.

2) Многократное, разновременное уменьшеніе состава и числа экипажей и введеніе новыхъ потребностей....

3) Разсмотрѣніе новыхъ правъ множества лицъ, вслѣдствіе Всемилостивѣйшихъ манифестовъ.

4) Раздача въ огромномъ количествѣ сначала серебряныхъ, а потомъ бронзовыхъ медалей съ повѣркою заслугъ множества просителей (*).

5) Усиленное освидѣтельствованіе раненыхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, для назначенія въ разряды по пенсіямъ и безсчисленныя и безпрерывныя справки и увѣдомленія относительно заслугъ претендателей на ордена и отличія. Такія же справки и увѣдомленія женамъ и дѣтямъ о томъ, остались ли живы послѣ войны или гдѣ находятся мужья или отцы ихъ.

6) Распоряженія по выдачѣ пособій за потерянное имущество.

7) Исходатайствованіе пенсій въ громадномъ количествѣ.

8) Экстренные расчеты съ военнымъ, артиллерійскимъ, инженернымъ и гражданскимъ вѣдомствами . . . и пр. и пр.

Не продолжаю выписки, потому что и сказаннаго совершенно достаточно, чтобы показать и количество случайной работы, лежавшей тогда на черноморскомъ вѣдомствѣ и чтобы охарактеризовать различіе между тѣмъ, къ чему готовился Григорій Ивановичъ предшествовавшею службою, и къ чему, повидимому, предназначался, и тѣмъ, что пришлось ему дѣлать. Сколько времени и сколько труда отнимали у него всѣ эти временныя и случайныя занятія показываетъ между прочимъ нижеслѣдующая таблица числа исходящихъ и входящихъ бумагъ. Изъ этой таблицы видно, что не смотря на разныя тогдашнія мѣропріятія Морскаго министерства къ сокращенію переписки, послѣдняя въ черноморскомъ управленіи пятидесятыхъ годовъ была, при отсутствіи флота,

(*) Только теперь (1859 г.) приходятъ къ концу переписки по фальшивымъ требованіямъ и выдачамъ медалей.

сильнѣе, чѣмъ въ лучшіе дни послѣдняго, когда его судовой и личный составъ были наибольшіе.

Число входящихъ и исходящихъ нумеровъ по черноморскому управленію безъ переписки по части военнаго губернатора, было:

1845 г.	141 213	1855 г.	148 377
1846 г.	136 619	1856 г.	176 254
1847 г.	140 364	1857 г.	157 118
1850 г.	147 780	1858 г.	144 405

Какова бы не была, однако, эта масса, хотя и мелочнаго, но весьма важнаго дѣла, лежавшаго тогда на Черноморскомъ управленіи, она не превышала силъ новаго его начальника, молодого и энергичнаго. Хотя эти дѣла или занятія имѣли по преимуществу канцелярскій характеръ и поэтому были для Григорія Ивановича новостью; хотя онъ справлялся съ ними, можетъ быть, и не легко, безъ ловкости стараго чиновника; тѣмъ не менѣе не они утомляли его, не изъ за нихъ время завѣдыванія морскою частью въ Николаевѣ можетъ быть названо біографомъ «тяжелымъ четырехлѣтіемъ». Источникомъ утомленія и всяческихъ огорченій было: съ одной стороны послѣдовавшее, въ августѣ 1857 года, распорженіе о скорѣйшемъ сокращеніи черноморскихъ береговыхъ учрежденій и объ увольненіи въ отставку многихъ офицеровъ («такъ какъ въ Черномъ морѣ, вмѣсто флота, будетъ только весьма небольшая флотилія»); а съ другой стороны—тѣ непріятности, которыя Григорій Ивановичъ вынесъ, начавъ энергическое преслѣдованіе мѣстныхъ казнокрадовъ.

Государственныя нужды требовали скорѣйшаго осуществленія предписанныхъ сокращеній, а необходимость безостановочнаго удовлетворенія многосложныхъ вышеназванныхъ обязанностей мѣстнаго управленія, дѣлала осуществленіе сокращеній почти невозможнымъ. Отсюда рядъ недоразумѣній, сдѣлавшихъ время завѣдыванія морскою частью въ Николаевѣ «страднымъ временемъ» въ жизни Григорія Ивановича. Отъ страдной поры крестьянства оно отличалось тѣмъ, что послѣднее, изнемогая въ лѣтней работѣ, поддерживается на-

деждами на будущій урожай; а тогдашній начальникъ морской части на югѣ, работая сверхъ силъ, по приведенію въ порядокъ старыхъ дѣлъ и скорѣйшему удовлетворенію новыхъ неотложныхъ требованій, имѣлъ впереди еще обязанность похоронить тотъ флотъ, съ которымъ связана была вся его предшествовавшая жизнь, возсоздавать которой онъ только что собирался и военно-политическаго значенія котораго для Россіи онъ, къ несчастію для себя, не могъ не понимать. Это время было въ жизни Григорія Ивановича «страднымъ» еще болѣе по тѣмъ огорченіямъ, которыя, какъ выше сказано, ему пришлось испытать въ борьбѣ противъ взяточничества и казнокрадства. Послѣднее зло давно уже пустило на югѣ Россіи множество корней и въ пятидесятыхъ годахъ представляло собою силу, съ которою тягаться было и не легко и опасно. Григорій Ивановичъ не задумался, однако, вступить съ этимъ страшилищемъ въ неумолимую борьбу. Вотъ что писалъ онъ по этому вопросу въ августѣ 1857 года, т. е. въ то время, когда ему было уже извѣстно о новыхъ, вынужденныхъ намѣреніяхъ высшей власти относительно черноморскаго вѣдомства. «Зная, что мое бѣдное отечество подтачивается страшнымъ червемъ взяточничества, этою повсемѣстною нашею гангреною, выбралъ удобный случай, чтобы нанести, въ предѣлахъ ввѣреннаго мнѣ управленія, ударъ всеобщему врагу . . . Мнѣ нужна была для этого рѣшимость не содрогающаяся даже глазъ на глазъ со смертью, которая одна въ состояніи понуждать на столь смѣлый шагъ, не боясь поднимать противъ себя, неопытнаго въ законовѣдѣніи, цѣлую стаю опытныхъ кляузниковъ, прошедшихъ на этомъ поприщѣ огонь и воду и какъ акулы чующихъ жирную добычу отъ раненаго кита-подрядчика, совершенно готоваго сорить тысячами и десятками тысячъ, когда въ опасности его сотни тысячъ и милліоны. Удобность выбраннаго мною случая состояла въ томъ, что подрядчикъ былъ кругомъ виноватъ и не заслуживалъ никакого сожалѣнія, а главные изъ снисходительныхъ къ нему чиновниковъ давно пользовались, и совершено справедливо, плачевною репутаціею и слѣдовательно также не заслуживали сожалѣнія въ

томъ отношеніи, что на нихъ разразится ударъ, прежде ихъ миновавшій и минующій понынѣ столь многихъ не менѣе ихъ виноватыхъ и запятнанныхъ».

Управленіе Григоріемъ Ивановичемъ Черноморскимъ вѣдомствомъ удостоилось въ свое время страстныхъ и противорѣчивыхъ отзывовъ: одни превозносили его дѣятельность, какъ завѣдывающаго названнымъ вѣдомствомъ, другіе обвиняли его въ заносчивости, въ административной неумѣлости, и т. п. Для насъ, стоявшихъ въ пятидесятыхъ годахъ въ сторонѣ отъ описываемыхъ событій и пишущихъ эти строки спустя четверть вѣка, нѣтъ ничего страннаго или непонятнаго въ указанномъ противорѣчіи отзывовъ современниковъ. Крупные энергичные дѣятели никогда не пользуются и не могутъ пользоваться всеобщимъ расположеніемъ, а если подобнымъ дѣятелямъ доводится еще вести такую неумолимую борьбу съ давно окрѣпшимъ и могущественнымъ зломъ, какую велъ Григорій Ивановичъ не разбирая ни чина, ни положенія виновныхъ, то для чести такого дѣятеля было бы даже обидно, если бы изъ Николаева не получалось и враждебныхъ ему отзывовъ. Впрочемъ огромное большинство черноморскихъ офицеровъ всегда относилось къ служебной дѣятельности Григорія Ивановича съ глубокимъ почтеніемъ и со времени оставленія имъ въ 1860 году Николаева пользовалось каждымъ случаемъ, чтобы выразить ему свою признательность и свое высокое уваженіе. Съ особенною силою выразились эти чувства на прощальномъ обѣдѣ, данномъ ему 14 апрѣля 1860 года. «Благодаримъ васъ, В. Пр., сказалъ одинъ изъ ораторовъ, за ту грусть, за тѣ чуства, съ которыми мы провожаемъ Васъ»— «За Григорія Ивановича и людей ему подобныхъ» формулировалъ свой тостъ другой ораторъ.

5. Первое трехлѣтіе въ должности флагмана, съ 1860 по 1862 г.

Удостоенный за службу въ Николаевѣ ордена Св. Владиміра 3 ст. съ мечами, Григорій Ивановичъ, въ февралѣ 1860 года, былъ переведенъ въ Балтику *начальникомъ отряда винтовыхъ кораблей.* Новое назначеніе несомнѣнно поставило

уважаемаго адмирала въ условія, которыя болѣе соотвѣтствовали его прошлому и его личнымъ симпатіямъ; кромѣ того оно случайно оказалось ему пріятнымъ еще и потому, что давало возможность всесторонне повѣрить свое ислѣдованіе законовъ вращенія винтовыхъ судовъ и составить затѣмъ свои извѣстныя «пароходныя эволюціи».

Многіе думаютъ, что первые шаги въ новыхъ должностяхъ не заслуживаютъ, вообще большаго вниманія. Говорятъ, что «новая метла всегда хорошо мететъ» и что поэтому нельзя судить о дѣятелѣ потому каковъ онъ въ первые дни. Говорятъ, что первое время дѣятельности въ новыхъ обязанностяхъ слѣдуетъ даже оставлять безъ вниманія. Если признать такое мнѣніе основательнымъ, то на первомъ флагманствѣ Григорія Ивановича мнѣ не слѣдовало бы останавливаться. Думаю однако, что указанное мнѣніе если и справедливо, то въ примѣненіи только къ лицамъ безцвѣтнымъ и безхарактернымъ, которые дѣйствительно на первыхъ порахъ всегда какъ будто энергичны, а въ сущности только мечутся и этимъ вводятъ иногда въ заблужденіе неосторожныхъ цѣнителей. Указаная точка зрѣнія не годится для оцѣнки людей даровитыхъ, свѣдущихъ и истинно-энергичныхъ, ибо такія лица и въ новыхъ обязанностяхъ сразу направляютъ свою служебную колесницу въ желаемую сторону; поэтому ихъ дѣятельность на новыхъ поприщахъ съ первыхъ же дней заслуживаетъ изученія. Думаю, кромѣ того, что первые шаги такихъ дѣятелей на новыхъ поприщахъ могутъ быть для ихъ біографовъ даже болѣе цѣнными, чѣмъ послѣдующіе, потомучто въ первое время руководящіе взгляды и стремленія высказываются обыкновенно живѣе и охотнѣе и въ это время поэтому виднѣе, что человѣкъ желалъ сдѣлать, послѣдующая же дѣятельность показываетъ, что онъ съумѣлъ или что внѣшнія условія ему позволили сдѣлать. Первые годы флагманства покойнаго адмирала подтверждаютъ справедливость общихъ соображеній, только что мною высказанныхъ.

И такъ, въ 1860 году Григорій Ивановичъ былъ назначенъ начальникомъ практическаго отряда, который состоялъ изъ 5 винтовыхъ кораблей: «Орелъ», «Константинъ», «Выборгъ»,

«Вола» и «Ретвизанъ» (послѣднiй въ концѣ кампанiи), винтоваго фрегата «Громобой», винтовыхъ корветовъ «Баянъ» и «Калевала» и колеснаго пароходо-фрегата «Камчатка». Этотъ отрядъ поднялъ флаги 1-го iюня, но намѣренiя новаго адмирала начали обозначаться нѣсколько ранѣе. Такъ, до начала кампанiи, онъ объяснилъ командирамъ, что для дѣйствiй паровой эскадры необходимо, чтобы всѣ суда, оную составляющiя, описывали одинаковые круги въ одинаковый промежутокъ времени и для этого предписалъ, вслѣдъ за подъемомъ вымпела, опредѣлить: во сколько времени они могутъ дѣлать полную циркуляцiю при обыкновенномъ своемъ ходѣ (*). Затѣмъ потребованы были отъ командировъ свѣдѣнiя о высотѣ надъ моремъ различныхъ частей судна и рангоута, о числѣ оборотовъ винта при различномъ ходѣ, о продолжительности разводки паровъ, о вооруженiи гребныхъ судовъ, объ артиллерiи кораблей, и объ углахъ обстрѣла орудiй. Кромѣ того адмиралъ приказалъ, чтобы судовые командиры представили ему въ непродолжительномъ времени свои соображенiя, касательно вмѣстимости гребныхъ судовъ для десанта и укомплектованiя ихъ для каждаго изъ случаевъ упомянутыхъ въ таблицѣ, приложенной къ приказу (**). Для облегченiя же командирамъ таковой работы, Григорiй Ивановичъ перевелъ съ англiйскаго «комплектацiю гребныхъ судовъ и обязанности лицъ при изготовленiи ихъ къ бою» и переводъ свой также приложилъ къ приказу. Такимъ образомъ, еще до выхода отряда на рейдъ, т. е. въ теченiи вооруженiя, командиры судовъ могли увидѣть, что въ предстоящее лѣто отъ нихъ потребуется нѣчто большее, чѣмъ охраненiе судовыхъ порядковъ, выработанныхъ на парусныхъ военныхъ флотахъ. На-

---

(*) Для опредѣленiя циркуляцiй на рейдѣ поставили три вѣхи такъ, что мѣста ихъ были точками двухъ воображаемыхъ линiй, пересѣкающихся подъ прямымъ угломъ.

(**) Таблицею требовалось показать число людей, помѣщающихся на гребныхъ судахъ: 1) съ запасами и провизiею для дальней откомандировки, съ орудiями или ракетами; 2) съ запасомъ для дальней откомандировки, съ орудiями или ракетами, но безъ провизiи, предполагая немедленную высадку, и 3) безъ провизiи и орудiй.

мѣренія новаго адмирала еще не выяснились; но уже изъ вышепомѣщенныхъ указаній и запросовъ, несмотря на ихъ внѣшнюю разрозненность, было видно, что отрядъ призывается къ работѣ надъ техническою стороною военно-морскаго дѣла въ его новомъ видѣ. Было ясно, что флагманъ озабоченъ собираніемъ матеріала, необходимаго ему для стройнаго маневрированія, вѣрности артиллерійскаго огня и для организаціи шлюпочной службы.

Какъ уже сказано, отрядъ началъ кампанію 1-го іюня и въ половинѣ этого мѣсяца оставилъ Кронштадтъ, имѣя разрѣшеніе издержать для практики 316 т. пудовъ угля (*). Отрядъ направился въ Ревель для опредѣленія девіаціи и затѣмъ въ Гельсингфорсъ за порохомъ и углемъ. Это первое плаваніе Григорія Ивановича, какъ флагмана, носило особый характеръ. Онъ началъ упражненія съ эволюціонныхъ занятій и каждую ночь становился на якорь. Послѣдняя мѣра принята была: для доставленія командамъ ночнаго отдыха и для ознакомленія офицеровъ и воспитанниковъ съ малопосѣщавшимися тогда якорными мѣстами у Красной Горки, въ Біорк-э-Зундѣ, у Гогланда и въ Монвикѣ. Избраніе такого порядка плаванія и начинаніе эскадренныхъ занятій съ эволюціонныхъ упражненій Григорій Ивановичъ объясняетъ въ своемъ отчетѣ такъ: «Въ настоящее время (въ 1860 году) роль корабельнаго флота Балтійскаго моря, кромѣ главной цѣли его, т. е. образованія изъ отдѣльныхъ единицъ одного цѣлаго, составляющаго дѣйствительную боевую силу, т. е. кромѣ образованія эскадры, заключается, по необходимости, въ подготовленіи матросовъ, машинистовъ и кочегаровъ для судовъ, отправляющихся въ дальнее плаваніе, ибо послѣднимъ, по весьма уважительной причинѣ, предоставляется выбирать себѣ изъ всѣхъ корабельныхъ командъ лучшихъ людей, которыхъ въ настоящее время находится за границею около четверти всего числа. Кромѣ того лучшіе же люди откомандировываются на учебный артиллерійскій корабль, въ штуцерную

(*) Въ дѣйствительности было издержано 204 т. пудовъ.

команду и т. п. Конечно съ увеличеніемъ числа судовъ, побывавшихъ въ дальнихъ плаваніяхъ, порядокъ этотъ приметъ обратное направленіе.... Изъ этого вытекаетъ для 1860 года то главнѣйшее условіе для нашихъ командировъ кораблей и флагмановъ, чтобы, развивая матросовъ, сохранить ихъ здоровье при невыгодныхъ условіяхъ здѣшняго климата и именно главнѣйше предохранить ихъ отъ цынги.... Къ тому же на каждомъ изъ кораблей отряда (моего) не достаетъ около 100 человѣкъ и въ числѣ командъ есть множество только что прибывшихъ изъ продолжительнаго отпуска и никогда не бывшихъ въ морѣ, да сверхъ того не вполнѣ обмундированныхъ къ началу кампаніи. Все это вмѣстѣ побуждаетъ меня дать какъ можно болѣе времени корабельнымъ командамъ освоиться съ походною жизнью прежде, нежели начнется парусное плаваніе и ученье». Изъ вышесказаннаго очевидно, что начатіе эскадренныхъ занятій съ эволюціонныхъ упражненій адмиралъ находилъ въ данномъ случаѣ весьма умѣстнымъ въ силу гигіеническихъ соображеній; но, кромѣ того, онъ считалъ ихъ спѣшно необходимыми и по другой причинѣ. Въ 1860 году способы производства построеній были совершенно неизвѣстны и новый флагманъ считалъ первою своею обязанностью получить положительныя данныя относительно времени, въ которое каждый корабль совершаетъ полную циркуляцію при рулѣ на бортѣ и различной скорости хода, чтобы найти единицу поворотливости цѣлаго отряда и затѣмъ скорѣе приступить къ эволюціоннымъ упражненіямъ. Я вхожу въ эти подробности, потому что безъ нихъ современному офицеру (получающему на школьной скамьѣ такія пароходно-эволюціонныя знанія, какихъ не имѣли тогда и лучшіе адмиралы) (*)—была бы непонятна указываемая плодотворность

(*) Григорій Ивановичъ, какъ извѣстно, первый указалъ законы вращенія судовъ. Вотъ что говоритъ онъ самъ (въ отчетѣ за 1860 г.) о своихъ занятіяхъ этимъ вопросомъ и о значеніи послѣдняго. «Объ эволюціяхъ парусныхъ судовъ и о дѣйствіяхъ флотовъ, имѣвшихъ только вѣтеръ двигателемъ, исписаны томы; новый же двигатель—паръ, хотя въ разное время и побуждалъ ученыхъ моряковъ обратить вниманіе на способы передвиженій и построеній паровыхъ флотовъ; но до сихъ поръ этотъ предметъ въ нѣсколькихъ иностранныхъ сочиненіяхъ

занятій 1860 года. Другою особенностью первой флагманской дѣятельности Григорія Ивановича было широкое развитіе состязаній между шлюпками, салинговыми, лотовыми, пловцами и проч. Считая необходимымъ основать всякое совершенствованіе флота на соревнованіи, онъ ввелъ на отрядѣ, чтобы изъ каждой работы выходила гонка и первымъ кораблямъ въ каждой работѣ немедленно изъявлялъ сигналомъ *удовольствіе*; если же работа была произведена быстрѣе предшествовавшаго раза, то—*особенное удовольствіе*. Вмѣстѣ съ тѣмъ Григорій Ивановичъ считалъ такія упражненія-гонки средствомъ развлекающимъ монотонность плаванія и дѣлалъ ихъ преимущественно въ торжественные дни. Такъ напримѣръ, стоя на якорѣ въ Ревелѣ была сдѣлана въ праздничный день гонка «по пушкѣ» между салинговыми всей эскадры и первые каждой мачты каждаго корабля были потомъ собраны на флагманскій фрегатъ, имена ихъ переписаны съ отмѣткою какой кто губерніи и имъ розданы: первымъ призы по рублю, вторымъ—по полтиннику, третьимъ—по 25 копѣекъ. (Взбѣгали они на бомъ-брамъ-такелажъ въ промежутокъ времени отъ 50 сек. до $2^1/_2$ мин.). Затѣмъ въ тотъ же день была сдѣлана гонка кате-

---

(отчасти переведенныхъ на русскій языкъ) разсматривался и развивался слишкомъ поверхностно и, такъ сказать, съ вѣтвей, вмѣсто корня. Имѣвъ порученіе отъ покойнаго генералъ-адъютанта Корнилова составить краткія эволюціи для малочисленнаго пароходнаго отряда Черноморскаго флота, я исполнилъ оное столь же неполнымъ и произвольнымъ образомъ, какъ и другіе, подвизавшіеся на этомъ поприщѣ. Впослѣдствіи однакоже я попалъ на ту простую идею, что за основаніе пароходныхъ эволюцій непремѣнно должно принять двѣ простыя геометрическія линіи: кругъ и касательную къ нему. Вникнувъ въ законы разныхъ сочетаній этихъ двухъ линій, я составилъ краткія пароходныя эволюціи и успѣлъ испытать ихъ въ маломъ размѣрѣ, когда еще былъ главнымъ морскимъ начальникомъ въ Черномъ морѣ. Назначеніе же меня начальникомъ Балтійскаго флота въ настоящемъ году доставило мнѣ случай испытать ихъ въ надлежащемъ масштабѣ, т. е. съ линейными кораблями, и теперь я могу имѣть возможность развивать на основаніи положительныхъ данныхъ эту рождающуюся науку, заслуживающую самаго серіознаго вниманія. Смѣю льстить себя надеждою, что русскій флотъ можетъ пріобрѣсти черезъ это неимѣющееся еще въ другихъ морскихъ державахъ прочное и упрощенное *основаніе для пароходной тактики*—предмета, представляющаго въ настоящее время первостепенную важность для всякаго государства, имѣющаго паровой флотъ».

*

рамъ подъ веслами и гребцамъ первыхъ трехъ дано по чаркѣ водки. Вмѣстѣ съ тѣмъ объявлено, что будетъ при возможности производиться состязаніе между лотовыми и пловцами. Невозможно и излишне перечислять здѣсь всѣ тѣ разнообразныя занятія и работы, которыя происходили на отрядѣ. Григорій Ивановичъ, особенно заботясь о военномъ воспитаніи личнаго состава, въ то же время принималъ разнообразныя мѣры и для усиленія вообще боевыхъ достоинствъ его кораблей. Съ этою цѣлью было сдѣлано имъ между прочимъ слѣдующее: 1) проведены линіи огня на мостикахъ или на ютахъ для доставленія командиру возможности съ мѣста, гдѣ онъ стоитъ, судить, такъ ли направленъ корабль относительно непріятеля, чтобы всѣ орудія могли быть наведены на него; 2) устроены циферблаты для сообщенія въ батареи разстояній до непріятеля; 3) заведены шары для обозначенія хода судна и нѣкоторыхъ эволюціонныхъ требованій; 4) опредѣлена способность кораблей къ буксировкѣ, утилизація при этомъ угля и проч., и 5) начато изученіе шхеръ. Сверхъ того, шлюпочная служба, во всѣхъ ея разнообразныхъ видахъ, пользовалась вниманіемъ адмирала и какъ личными указаніями, такъ и рядомъ приказовъ—онъ старался научить офицеровъ и матросовъ щегольскому управленію подъ парусами и разнообразнымъ требованіямъ десантныхъ операцій.

По окончаніи кампаніи покойный адмиралъ былъ награжденъ орденомъ Св. Станислава 1-й степени и на зимнее время командированъ за границу. Живя, по преимуществу на югѣ Франціи, близъ Тулона, онъ занимался разработкою своей эволюціонной книги, которую издалъ въ 1861 году. Кромѣ того онъ подробно ознакомился въ эту зиму: съ системою дневныхъ и ночныхъ сигналовъ французскаго и англійскаго флотовъ, съ состояніемъ на этихъ флотахъ эволюціоннаго дѣла, съ средствами французскаго флота для измѣренія разстояній и съ состояніемъ пароходно-машиннаго дѣла во Франціи.

Къ слѣдующей (1861 г.) веснѣ Григорій Ивановичъ былъ назначенъ *начальникомъ практической эскадры винтовыхъ лодокъ* и въ этомъ званіи оставался два года или, вѣрнѣе, двѣ

кампаніи. Безъ преувеличенія можно сказать, что плаваніе 40 лодокъ въ 1861 и 1862 годахъ было для Балтійскаго флота своего рода событіемъ, и что эти плаванія принесли послѣднему осязательные результаты. Дѣйствительно, въ іюнѣ 1861 года лодки вышли изъ Кронштадта, не умѣя обращаться съ машинами (*), безъ понятія о шхерахъ, не обученныя дѣйствію изъ орудій и совершенно негодныя къ совмѣстному маневрированію, словомъ—представляли собою какъ бы стадо; возвращаясь же въ Кронштадтъ, въ августѣ того же года, онѣ были по познаніямъ неузнаваемыми; но, что еще важнѣе—онѣ представляли собою теперь стройное и живое цѣлое. Въ прошломъ году, командуя кораблями, Григорій Ивановичъ на первыхъ же порахъ выяснилъ свой взглядъ на новыя требованія учебныхъ плаваній кораблей Балтійскаго флота; теперь, вступивъ въ командованіе шхерною флотиліею, онъ счелъ нужнымъ воспользоваться первымъ же сборомъ канонерокъ (въ Гельсингфорсѣ), чтобы указать своимъ подчиненнымъ на военное значеніе шхеръ и на необходимость изучать ихъ въ означенномъ смыслѣ. Мысли свои по этому предмету Григорій Ивановичъ высказалъ въ слѣдующемъ приказѣ.

«Въ прошедшую войну насъ упрекали, что будто бы въ Черномъ морѣ мы не знали о существованіи прекрасной гавани въ Балаклавѣ,—упрекъ несправедливый, на сколько онъ относился къ морякамъ. Не мнѣ одному случалось бы-

---

(*) Вотъ какъ описываетъ «Кронштадтскій Вѣстникъ» (1861 г. № 10) выходъ въ море одного изъ отрядовъ. Вечеромъ 20-го іюня пароходъ «Курьеръ» началъ разводить пары и вмѣстѣ съ тѣмъ принялись дѣлать то же нѣкоторыя изъ лодокъ нашего отряда. Лодки, разводившія пары, должны были вести на буксирѣ остальныхъ своихъ спутницъ. Наконецъ «Курьеръ» отвалилъ отъ Ораніенбаумской пристани и медленно началъ дѣлать по рейду небольшія циркуляціи, ожидая пока лодки снимутся и пойдутъ по назначенію. Это, однако, не всѣмъ имъ удавалось сразу и наши механики то и дѣло, что переѣзжали съ одной лодки на другую—задавать, какъ они выражались, лекарства непослушнымъ машинамъ. Наконецъ послѣ долгихъ сборовъ и маленькихъ неудачъ, 10 лодокъ и за ними ихъ дядька «Курьеръ» вышли на большой рейдъ, а тамъ и въ море. «Курьеръ» понатужился, поднялъ пары, сколько могли выдержать его чахлые котлы и пошелъ чуть ли не по 6 узловъ, перегоняя одну за другою ушедшія впередъ лодки. Но вскорѣ одна изъ лодочныхъ машинъ опять заупрямилась и пока нашъ механикъ опять прописывалъ ей лекарство......

вать въ ней, да еще на парусныхъ судахъ, а частная карта ея отпускалась на всѣ суда. Не употребляли же мы эту гавань или пользовались ею очень рѣдко по той простой причинѣ, что она находится подлѣ такой бухты, какъ Севастопольская. По той же причинѣ Балаклавская бухта послѣ войны опять пустуетъ. Другой упрекъ тяготѣлъ на насъ за финляндскія шхеры: утверждали, что англичане ходятъ по нимъ такими фарватерами, гдѣ мы не смѣли никогда показываться и очень логически выводили изъ ихъ появленій то заключеніе, что англичане лучше насъ знали наши воды. При этомъ, однакоже, не брали въ расчетъ того, что въ военное время позволяется рисковать не только какимъ нибудь фалшкилемъ, но и цѣлыми флотами, ибо безъ риску не можетъ быть войны. Съ другой стороны, непріятель можетъ заставлять силою или деньгами провести себя тамъ, гдѣ своимъ не приходится прибѣгать къ такимъ всемогущимъ мѣрамъ. Тѣмъ не менѣе малое знакомство наше съ шхернымъ плаваніемъ есть фактъ, точно также какъ фактъ и то, что до войны у насъ было мало пароходовъ, а вѣдь англичане не съ парусными же судами ходили въ финляндскія шхеры!

«Я сказалъ, что въ военное время рискъ есть необходимость; прибавлю, что въ мирное время нужно выучиться рисковать, чтобы въ военное время *умѣть* рисковать, т. е. получить увѣренность и крѣпость нервовъ. На пятый годъ послѣ войны мнѣ представился случай заглянуть въ шхеры съ линейными кораблями, чего англичане не дѣлали, но что русскіе флоты дѣлывали нерѣдко полстолѣтія тому и конечно съ парусными судами. Попытка моя была совершенно удачна, ни одинъ фалшкиль даже не коснулся тѣхъ миріадъ подводныхъ камней, которые, будто бы, грозятъ пробить дно на каждомъ шагу. Въ это же время были посланы, по волѣ Государя Великаго Князя Генералъ-Адмирала, изъ Гельсингфорса шесть канонерскихъ лодокъ изучать окрестныя шхеры съ ихъ извилистыми и узкими фарватерами. Результатомъ была карта съ множествомъ новыхъ фарватеровъ на ней, между Гельсингфорсомъ и Ловизою, и тотъ фактъ, что командиры тѣхъ лодокъ могутъ теперь—по свѣдѣніямъ, получен-

нымъ г. Управляющимъ Морскимъ министерствомъ—плавать нетолько казенными фарватерами, но и новыми, безъ лоцмановъ. Пройти по возможности эту науку шхеръ, старую какъ міроздание, но не выученную до сихъ поръ и которая такъ долго лежала передъ нами раскрытою, но не начатою, предстоитъ намъ въ плаваніи настоящаго года. Времени у насъ меньше, чѣмъ имѣли офицеры, посланные изъ Гельсингфорса въ прошломъ году, а программа наша обширнѣе, потому что обнимаетъ не только ближайшія окрестности Гельсингфорса, но всѣ шхеры отъ Біорк-э до Або. Притомъ насъ 40 лодокъ, а тѣхъ было 6 и слѣдовательно выучиться этой древней наукѣ у насъ нужно гораздо большему числу лицъ. Всего разомъ однако не сдѣлаешь, а потому отъ насъ и не потребуютъ всего разомъ.

«Въ этомъ году (1861) мы должны всѣ только ознакомиться со всѣмъ этимъ протяженіемъ шхеръ и затѣмъ, насколько успѣемъ, изучить въ подробности фарватеры нѣкоторыхъ болѣе важныхъ пунктовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ намъ предстоитъ ознакомиться съ шхерами и въ стратегическомъ отношеніи, ибо умѣть плавать шхерами не есть цѣль, а только средство. Намъ нужно замѣтить: гдѣ и какимъ способомъ удобнѣе преграждать непріятелю входъ въ шхеры или запереть его въ нихъ; какія позиціи легче защищать отъ нападенія непріятеля и какъ именно дѣлать это. Въ этомъ отношеніи мы имѣемъ преимущество надъ офицерами, изучавшими шхеры въ прошломъ году: насъ больше и слѣдовательно чего не замѣтитъ одинъ, то бросится въ глаза другому; къ чему у одного больше расположенія, тотъ тѣмъ и озаймется преимущественно въ то время, какъ другой съ охотою вникнетъ въ предметъ болѣе ему по характеру. Отъ каждаго, однакоже, командира лодки и кондуктора или офицера корпуса штурмановъ, служащихъ на флотиліи, также, какъ естественно, отъ гг. начальниковъ во флотиліи, я требую къ концу кампаніи подробныя замѣчанія относительно пройденныхъ ими шхеръ, въ гидрографическомъ и стратегическомъ отношеніяхъ, которыя буду просить высшее началь-

ство напечатать для назиданія будущихъ дѣятелей на этомъ поприщѣ.

«Сверхъ сказаннаго, намъ нужно научиться для будущей, вѣроятно желѣзной, шхерной флотиліи быть не стадомъ, наскоро согнаннымъ, а стройною силою, толково, а потому и легко передвигающеюся съ мѣста на мѣсто на основаніи современной науки и внушающею къ себѣ уваженіе порядкомъ и быстротою своихъ дѣйствій. Это тѣмъ нужнѣе, чѣмъ число наше больше. Насколько мы подвинемся въ настоящую кампанію въ этихъ—древней и современной—наукахъ, настолько мы приблизимся къ славнымъ для флага нашего въ этихъ водахъ временамъ Петра и Екатерины....

«Нѣсколько отрывковъ изъ начатаго мною сочиненія касательно основаній, на которыхъ должны производиться вращенія винтовыхъ судовъ и построенія паровыхъ эскадръ, напечатаны наскоро и съ многими пропусками, собственно съ тою цѣлью, чтобы начать безотлагательно подготовляться къ этому дѣлу, столь же новому, какъ паровыя эскадры, если не болѣе еще новому, чѣмъ послѣднія. Въ этихъ отрывкахъ изъ азбуки для пароходной тактики гг. командиры найдутъ много мыслей, много матеріала, далеко не вполнѣ разработаннаго, но который и въ настоящемъ своемъ видѣ во многихъ случаяхъ примѣнимъ къ дѣлу. Прошу лишь объ одномъ: нисколько не стѣсняясь, обращаться ко мнѣ прямо съ вопросами, замѣчаніями и для разъясненій по всему, что можетъ показаться неяснымъ, неправильнымъ, или неудобопримѣнимымъ въ томъ, что изложено въ этихъ неполныхъ отрывкахъ....»

Указавъ затѣмъ, въ чемъ именно заключается неправильный видъ военнаго судна, и стараясь поощрить командировъ къ бойкому управленію лодками, Григорій Ивановичъ выставилъ въ слѣдующихъ словахъ тѣ случаи такого управленія, которые уже успѣли обратить на себя его вниманіе: «Я радуюсь, писалъ онъ въ томъ же приказѣ, когда, напримѣръ, лейтенантъ К., не имѣя ходу на лодкѣ «Домовой», кладетъ руль на бортъ и потомъ пускаетъ машину постепенно, но скоро, во весь ходъ, не боясь того, что по направленію носа

лодки стоитъ въ близкомъ разстояніи большое купеческое судно, ибо вижу въ этомъ вѣрный глазъ, хладнокровный и правильный расчетъ, вниманіе къ качествамъ «Домоваго». Мнѣ отрадно вспомнить, какъ онъ полнымъ ходомъ, въ тѣснотѣ, кладетъ руль на бортъ ни разу не перемѣняя своихъ приказаній. Мнѣ весело видѣть, какъ «Осетръ» пышетъ паромъ изъ всѣхъ ноздрей, идя для полученія приказаній и какъ командиръ этой лодки, лейтенантъ Р. К., исполняетъ сигналъ «приблизиться» такъ хорошо, что несмотря на шумъ машинъ двухъ лодокъ, можно внятно и явственно переговорить съ нимъ! Необходимо помнить однакоже, что вся наша служба основана на *чуть-чуть:* чуть-чуть въ одну сторону—такъ скажутъ молодецъ, а чуть-чуть въ другую.... слѣпецъ! Разстояніе между этими крайностями всего какихъ нибудь полфута, которые и нужно найти. Можно же найти ихъ только постояннымъ изученіемъ».

Приведенный приказъ и въ настоящее время, когда знаніе шхеръ довольно распространено, былъ бы явленіемъ замѣтнымъ; тѣмъ болѣе онъ былъ такимъ въ 1861 году. Этотъ приказъ сообщилъ дѣйствіямъ чиновъ эскадры разумно-сознательный характеръ, а манера Григорія Ивановича руководить занятіями одушевила ихъ, вызвала соревнованіе и сплотила всѣхъ въ одно стройное цѣлое. Нельзя не пожалѣть, что плаванія лодокъ въ 1861 и 1862 годахъ никѣмъ не были тогда же описаны съ должною подробностью и въ настоящее время весь матеріалъ ограничивается: отчетомъ за 1861 годъ, напечатаннымъ въ «Морскомъ Сборникѣ», немногими корреспонденціями «Кронштадтскаго Вѣстника» и приказами. Какъ ни скудны эти матеріалы, но и они даютъ возможность опредѣлить характерныя черты тѣхъ пріемовъ, которыхъ держался Григорій Ивановичъ для ознакомленія личнаго состава со шхерами и для усовершенствованія его въ эволюціяхъ, въ таранномъ дѣлѣ и въ артиллерійской стрѣльбѣ.

Изученіе шхеръ велось такимъ образомъ: первое плаваніе изъ Біорк-э до Або сдѣлано было лодками подъ проводкою лоцмановъ; но обратный путь совершенъ и притомъ благополучно, имѣя по одному лоцману на 10 лодокъ, при чемъ

лодки шли преимущественно тѣми фарватерами, которыми еще не проходили при слѣдованіи къ западу. Плаванія изъ Гельсингфорса въ море за Грохару для упражненій въ построеніяхъ производились отрядами, выходившими Густафсвердскимъ проходомъ въ двѣ колонны безъ лоцманомъ. Для плаванія чрезвычайно узкимъ и извилистымъ *Эстнесзундскимъ* проходомъ посылались лодки поочередно. Во время переходовъ лодкамъ непрестанно давалось порученіе идти къ цѣли плаванія не фарватеромъ, при чемъ точно обозначалось между которыми именно островами онѣ должны были слѣдовать; такія же порученія давались лодкамъ и во время якорныхъ стоянокъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напримѣръ при стоянкѣ въ Пеллинг-э, требовалось, чтобы каждая изъ колоннъ отрядовъ, по мѣрѣ прибытія, укрывалась въ сосѣднія, малопосѣщаемыя бухты и такимъ образомъ не была замѣтна съ обыкновенныхъ фарватеровъ и якорныхъ стоянокъ. Во время особенно трудныхъ или интересныхъ плаваній какой либо отдѣльной лодки на нее обыкновенно приглашались командиры и штурманскіе офицеры съ другихъ лодокъ. Для эволюціонныхъ и таранныхъ упражненій пользовались и переходами и стоянками. Во время переходовъ, по сигналу, выкидывалась съ кормы атакуемой лодки жердь, которая и была предметомъ нападенія атакующей лодки. Во время стоянокъ на такихъ рейдахъ, какъ Гангэудскій или Гельсингфорскій, почти каждый день лодки выходили на плесъ, то колоннами, то по нѣсколько лодокъ, и тамъ упражнялись въ построеніяхъ, поворотахъ и въ нападеніяхъ другъ на друга, при чемъ атакуемыя лодки точно также выкидывали за корму жерди.

Стрѣльбою въ цѣль команда занималась на Гельсингфорскомъ рейдѣ, куда зашла для нагрузки угля, наливки водою, принятія провизіи и для стрѣльбы. Распредѣленіе занятій и работъ было такъ составлено, что всѣ онѣ велись одновременно. Каждая изъ четырехъ лодочныхъ колоннъ (по 10 въ каждой) имѣла свой щитъ, поставленный на взморьѣ. Лодки выходили на стрѣльбу, не разбирая погоды, утромъ и вечеромъ, по четыре заразъ, по одной отъ колонны и буксируя другъ друга попарно, остальныя занимались въ это время

другими работами. Старшій артиллерійскій офицеръ каждой колонны присутствовалъ при пальбѣ комендоровъ своей колонны, обучавшихся во время плаванія подъ его надзоромъ. По окончаніи пальбы одна лодка уводила двѣ другія назадъ, а четвертая оставалась съ людьми, исправлявшими щиты для слѣдующихъ очередныхъ лодокъ и по исправленіи возвращалась на рейдъ. Каждый изъ комендоровъ выпалилъ по 4 ядра и одной гранатѣ и пальбу съ лодокъ пришлось испытать при многоразличныхъ обстоятельствахъ погоды и направленія вѣтра: инымъ лодкамъ доставался штиль, другимъ боковой вѣтеръ, или попутный, или противный, нѣкоторымъ пришлось стрѣлять при значительной зыби.

Въ 1862 году порядокъ производства стрѣльбы былъ иной: лодки ходили на стрѣльбу по двѣ, но на цѣлый день, а паръ разводила только одна лодка, другая была у нее на буксирѣ. По приходѣ на мѣсто, гдѣ поставлены были щиты, лодки отдавали якорь противъ своихъ щитовъ и начинали пальбу. На обѣихъ лодкахъ, съ коихъ производилась пальба, находились комендоры съ пяти лодокъ какой нибудь колонны. Такимъ образомъ въ теченіи дня отпаливали десять лодокъ и стало быть въ четыре пріема кончала пальбу въ цѣль вся флотилія. При такомъ распредѣленіи пальбы сберегались значительно время и уголь и, сверхъ того, за исключеніемъ двухъ лодокъ, всѣ остальныя могли быть употребляемы для другихъ служебныхъ цѣлей. И дѣйствительно, независимо отъ пальбы, лучшіе ходоки лодки съ обоихъ отрядовъ посылались неоднократно въ море для эволюцій, при чемъ на одной изъ лодокъ находились обыкновенно адмиралъ и отрядные начальники.

Таковы были упражненія, которыми занималъ Григорій Ивановичъ свою флотилію. При этомъ, придавая большую цѣну глазомѣру и отвагѣ, онъ зорко слѣдилъ за проявленіями въ своихъ подчиненныхъ этихъ элементовъ могущества флота и заботливо поощрялъ смѣлое маневрированіе. Чтобы полнѣе опредѣлить эту характерную черту его командованія, черту, которая такъ ободряла и одушевляла лодочныхъ командировъ, я приведу его приказъ отъ 24-го іюля 1862 года. «Такъ

какъ, говоритъ приказъ, на шхерной флотиліи есть командиры лодокъ, которые не плавали съ нами въ прошломъ году, то считаю нужнымъ объявить, что однимъ изъ необходимыхъ достоинствъ военнаго офицера, я считаю умѣнье бойко проходить вплоть у другихъ судовъ, хотя бы это было сопряжено съ рискомъ получить поврежденіе. Въ отчетѣ за плаваніе прошлаго года я даже выразилъ сожалѣніе, что ни одинъ изъ командировъ лодокъ, управлявшихъ ими въ первый разъ, не снесъ себѣ мачтъ о флагманскій пароходъ. Поэтому прошу гг. командировъ лодокъ никогда не избѣгать прохода подъ кормою «Гремящаго», а напротивъ искать случаевъ къ тому, одни ли они идутъ, или съ буксиромъ». Для надлежащей оцѣнки этого приказа слѣдуетъ вспомнить, что онъ отданъ во вторую половину второй кампаніи, когда обычай рѣзать вплотную корму адмиральскаго парохода получилъ значительное развитіе и слѣдовательно на приказъ слѣдуетъ смотрѣть только какъ на поощреніе быть смѣлѣе и смѣлѣе.

Такими поощреніями и вниманіемъ къ каждому малѣйшему отличію адмиралъ воодушевлялъ свою флотилію, доставляя ей въ то же время широкую шхерную практику, и въ результатѣ получилась эскадра, съ которою Григорій Ивановичъ имѣлъ полное основаніе прощаться въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«На разставаніи съ практическою шхерною флотиліею мнѣ особенно пріятно сказать моимъ сослуживцамъ, отъ старшихъ до младшихъ, что плаваніе съ ними въ настоящемъ году доставило мнѣ истинное удовольствіе. Въ прошлую кампанію для насъ все было ново: лодки, машины ихъ, шхеры, пароходныя построенія и даже сами мы другъ другу. Въ нынѣшнее же лѣто мы не были уже болѣе новичками и дѣйствовали не ощупью, а сознательно, съ увѣренностью; благодаря этому и успѣхи наши шли въ геометрической пропорціи. Изъ нихъ я ставлю на первомъ планѣ то, что флотилія проложила себѣ въ эту кампанію, безъ помощи лоцмановъ, такъ много невѣдомыхъ путей сквозь гущу камней и островъ въ шхерахъ, а гг. командиры пріучились считать надводные камни скорѣе баканами, поставленными природою

для обезпеченія плаванія, чѣмъ страшилищами, затрудняющими мореходство. Даже колесные пароходы наши нерѣдко ходили теперь въ такихъ узкостяхъ, гдѣ въ прошломъ году мы считали бы едва возможнымъ показаться съ лодками. Отрадно имѣть право гордиться дѣйствіями своихъ сослуживцевъ и убѣждаться, что въ нашемъ флотѣ есть такъ много удали и крѣпкихъ нервовъ, когда они не усыплены и вызваны на Божій свѣтъ полезными плаваніями. Я видѣлъ эти силы, когда лодки наши пробирались между камнями или кружились около флагманскаго парохода и командиры ихъ молодецки, съ хладнокровіемъ и вѣрнымъ глазомъ, рѣзали вплотную корму его такъ, что сигнальщики мои не успѣвали поднимать одинъ за другимъ сигналъ: «изъявляю особенное удовольствіе»; я видѣлъ это же, когда лодки неслись въ двѣ колонны попутнымъ вѣтромъ, полнымъ ходомъ подъ парусами и парами, между гранитными берегами Густафсвердскаго пролива, строго равняясь на траверзѣ однѣ у другихъ и особенно 26-го іюля. Смотръ 7-го августа показалъ мнѣ то же еще въ большей степени. Всѣ 41 командиръ лодокъ попали штевнемъ въ движущійся полнымъ ходомъ предметъ при такихъ обстоятельствахъ, когда всякій значительный промахъ могъ имѣть довольно серіозныя послѣдствія. Въ этотъ день гг. командиры опровергли излишнія опасенія мои относительно вреда лодкамъ отъ такихъ истинно военныхъ упражненій. Пароходныя построенія или эволюціи исполнялись уже въ настоящемъ году такъ хорошо, правильно и безъ замѣшательства, несмотря на то, что сигналы дѣлались одинъ за другимъ въ самой быстрой послѣдовательности, что почти не остается желать ничего лучшаго».

Время командованія Григоріемъ Ивановичемъ кораблями, а затѣмъ лодками было въ шестидесятыхъ годахъ одною изъ любимымъ темъ профессіональныхъ разговоровъ между офицерами флота. Его пріемы или способы обученія, искреннее и широкое поощреніе имъ смѣлости и энергіи, его требовательность по части исправнаго содержанія судовъ, зоркое вниманіе къ способу исполненія командирами своихъ обязанностей и къ ихъ искуству маневрированія и, такъ сказать,

подчеркиванiе каждаго отличiя—все это было для балтiйскихъ офицеровъ того времени прiятною новостью и сдѣлало имя виновника необыкновенно популярнымъ. Не боясь преувеличенiя мы утверждаемъ, что на эскадрѣ лодокъ Григорiй Ивановичъ съумѣлъ достигнуть вѣнца военно-начальническихъ стремленiй: *его уважали, боялись и любили.*

II.

Командованiе броненосною эскадрою и послѣдующая служба до кончины.

Многовѣковой опытъ и мудростъ выдающихся флотоводцевъ выработали на парусныхъ флотахъ опредѣленную систему обученiя и порядокъ занятiй, такъ что при назначенiи эскадры въ практическое плаванiе отъ адмирала въ прежнее время требовались—опытность, энергiя и весьма ограниченное техническое образованiе. Главною и самою трудною стороною морскаго образованiя было прiобрѣтенiе навыка дѣйствовать парусами и поэтому, прежде всего требовалось какъ можно болѣе держаться въ морѣ. Судовые типы были прежде во всѣхъ флотахъ одинаковые, вооруженiе кораблей вездѣ ограничивалось гладкостѣнною артиллерiею; но въ началѣ шестидесятыхъ годовъ матерiальная часть флотовъ измѣнилась во всѣхъ отношенiяхъ и поэтому необходимо было *создать* новую систему обученiя моряковъ въ мирное время, изучая одновременно свойства новыхъ судовъ и новыхъ боевыхъ средствъ. Образцовъ для подражанiя, или для примѣненiя, у насъ не было, потому что и другiе флоты были въ тѣхъ же условiяхъ. Вслѣдствiе, этого отъ начальника практической или броненосной эскадры требовались теперь не только опытность и энергiя, но сверхъ того еще и многостороннее техническое образованiе и созидательный талантъ.

При такихъ условiяхъ, Григорiй Ивановичъ былъ назна-

ченъ весною 1867 года начальникомъ практической броненосной эскадры (*).

Въ этой должности онъ состоялъ ровно девять лѣтъ, причемъ почти $^3/_4$ всего личнаго состава нашего флота прошло черезъ его школу. При разборѣ и оцѣнкѣ трудовъ покойнаго адмирала за этотъ періодъ времени, мы увидимъ, что въ исторіи мирнаго развитія военно морскаго дѣла въ нашемъ отечествѣ его имя по справедливости также занимаетъ почетное мѣсто. И дѣйствительно, одною изъ важнѣйшихъ его службъ непосредственно вліявшихъ на личный составъ флота, слѣдуетъ безспорно признать его труды по управленію этою эскадрою, гдѣ онъ былъ нашимъ наставникомъ и учителемъ, а поэтому, приходится невольно войти въ подробное описаніе устройства практической эскадры и служебной дѣятельности введенной на ней Григоріемъ Ивановичемъ.

О броненосной эскадрѣ и о жизни на ней можно бы написать цѣлые томы; она была школою для всѣхъ чиновъ флота отъ флагмана до рекрута, но не рутинною школою, не рутиннымъ продѣлываніемъ программы парусныхъ, артиллерійскихъ, десантныхъ и т. п. ученій. Въ этой школѣ все было ново, самобытно, современно и цѣлесообразно, начиная съ самыхъ программъ. Броненосная эскадра была, такъ сказать, умственною лабораторіею нашего флота и служила ему какъ бы обширнымъ фильтромъ, въ которомъ процѣживалась всякая морская новинка. Въ самомъ дѣлѣ, не было ни одной отрасли морскаго дѣла, на которую бы Григорій Ивановичъ не обратилъ должнаго, всесторонняго вниманія въ видахъ его улучшенія, а равно и съ цѣлью заставить молодыхъ офицеровъ полюбить свою спеціальность. Всякіе вопросы и идеи о средствахъ атаки и обороны разработывались особенно усердно или имъ самимъ, или же его подчиненными, подъ его непосредственнымъ руководствомъ, при чемъ обыкновенно доводились до степени, значительно опережавшей успѣхи иностранныхъ флотовъ.

(*) Съ 1863 по 1867 годъ Григорій Ивановичъ былъ военно-морскимъ агентомъ въ Англіи и Франціи.

Заботливость адмирала объ эскадрѣ и вліяніе его на всѣхъ служившихъ на ней не прекращались послѣ лѣтнихъ кампаній со спускомъ флага, но продолжались обыкновенно и въ зимніе мѣсяцы. Всякій офицеръ могъ безъ стѣсненія являться къ нему съ своимъ проектомъ, или съ просьбою, или за совѣтомъ; Григорій Ивановичъ былъ для всѣхъ равно доступенъ и эта его черта, также какъ и деликатность въ обращеніи со всякимъ, вмѣстѣ съ другими его личными качествами, всегда много способствовали успѣху общаго дѣла.

Начало кампаніи эскадры было всегда въ зависимости отъ времени окончанія дефектныхъ работъ на судахъ отъ порта и завода и плаваніе продолжалось обыкновенно три мѣсяца; число судовъ въ эскадрѣ доходило до 14 и даже 18. Какъ количество угля, которое можно было расходовать въ теченіи лѣта, такъ и число снярядовъ для практической стрѣльбы изъ орудій—опредѣлялись заранѣе.

Мѣстомъ лѣтняго пребыванія и практическихъ рейдовыхъ упражненій эскадры адмираломъ былъ выбранъ Транзундскій рейдъ, какъ вслѣдствіе его близости къ Кронштадту, откуда могли скоро доходить до него всѣ распоряженія высшаго начальства и почта, такъ и вслѣдствіе удобствъ самаго рейда. Мѣстность эта оказалась вполнѣ здоровою и по близости ея имѣлась хорошая прѣсная вода. Глубокій и обширный рейдъ, закрытый отъ всѣхъ вѣтровъ, удовлетворялъ всѣмъ требованіямъ, благодаря удобству для производства пальбы изъ орудій въ щиты и для паровыхъ эволюцій поотрядно, а также для катаній парусныхъ яхтъ и для гонокъ гребныхъ судовъ.

Едва ли какая-нибудь иная мѣстность по берегамъ Финскаго залива могла соперничать съ Транзундскимъ рейдомъ въ отношеніи вышеупомянутыхъ удобствъ. Балтійскій портъ, Монзундъ и Экенесъ во многомъ уступаютъ Транзунду. Такъ какъ вслѣдствіе климатическихъ условій нашего сѣвера кампанія могла продолжаться не болѣе трехъ мѣсяцевъ, то нужно было уже вполнѣ пользоваться этимъ сравнительно короткимъ временемъ и быть вдалекѣ отъ мѣстъ всякихъ развлеченій, чему также удовлетворяла стоянка въ Транзундѣ.

По ходатайству Григорія Ивановича и за извѣстную кон-

трактную плату, эскадра пользовалась правомъ на о-вѣ Соніонъ-Сари, прилегающемъ къ рейду, строить въ теченіи лѣтнихъ мѣсяцевъ щиты для пальбы, устраивать склады различныхъ запасовъ, красить и чинить шлюпки, а также свозить на островъ нижнихъ чиновъ для прогулки. Другой совершенно нежилой островъ на Транзундскомъ рейдѣ—Менцъ-Сари, пригодился эскадрѣ для своза туда десантныхъ партій и для практическихъ минныхъ опытовъ.

Эскадра располагалась на Транзундскомъ рейдѣ по диспозиціи въ видѣ четыреугольника, въ центрѣ котораго помѣщался адмиральскій фрегатъ.

Распоряженія адмирала по эскадрѣ обыкновенно печатались на флагманскомъ фрегатѣ и развозились на дежурныхъ паровыхъ шлюпкахъ, которыя для удобства сообщенія между судами эскадры, обходили ежедневно по нѣсколько разъ диспозицію по опредѣленному росписанію. Это облегчало службу гребныхъ судовъ, въ особенности во время обѣденнаго отдыха команды, а кромѣ того доставляло гардемаринамъ хорошую практику въ управленіи паровыми шлюпками.

Стараніями Григорія Ивановича на эскадрѣ имѣлось довольно много паровыхъ шлюпокъ различныхъ типовъ и чертежей; всѣ онѣ испытывались съ большою тщательностью, для опредѣленія степени пригодности каждаго типа къ различнымъ потребностямъ судовой службы.

Для поддержанія здоровья въ командахъ, въ числѣ прочихъ гигіеническихъ мѣръ, существовала походная плавучая баня, приводившаяся на Транзундскій рейдъ на все лѣто. Баня эта топилась въ опредѣленные дни, съ 6 час. утра и до 6 часовъ вечера и вмѣщала заразъ до 150 человѣкъ. Почтовое сообщеніе съ Кронштадтомъ и доставка свѣжей провизіи для командъ производились на пароходѣ «Работникъ», который, по ходатайству адмирала, приходилъ въ Транзундъ еженедѣльно по два раза.

При эскадрѣ имѣлась походная мастерская, помѣщавшаяся на пароходѣ «Владиміръ», гдѣ были установлены паровой молотъ для ковки болѣе крупныхъ желѣзныхъ вещей, вагранка, мѣдно-литейная печь и различные станки, которыми

завѣдывали мастеровые съ пароходнаго завода. Этотъ же пароходъ былъ приспособленъ для помѣщенія старшаго выпуска механиковъ-воспитанниковъ Техническаго училища, которые находили здѣсь по части своей спеціальности довольно обширную практику. Впослѣдствіи и англичане воспользовались нашимъ примѣромъ и завели у себя походныя мастерскія при своихъ плавающихъ практическихъ эскадрахъ. На пароходѣ «Ильмень», состоявшемъ въ личномъ распоряженіи адмирала, помѣщалась его собственная, довольно полная библіотека, которою онъ предоставлялъ офицерамъ эскадры пользоваться въ извѣстные часы, въ тѣ дни, когда пароходъ стоялъ на якорѣ, превративъ такимъ образомъ большую кормовую каюту свою—въ эскадренную читальню. Тамъ имѣлись между прочимъ періодическіе русскіе и иностранные журналы и газеты и «Морской Сборникъ» за всѣ годы его изданія и модели броненосныхъ судовъ наиболѣе распространенныхъ типовъ.

Частныя и общія занятія на эскадрѣ производились по утвержденному адмираломъ росписанію, при чемъ, впрочемъ, въ извѣстные дни предоставлялось командирамъ заниматься по своему усмотрѣнію. Первый мѣсяцъ кампаніи эскадра проводила обыкновенно на якорѣ и служащіе на ней пріучались къ требованіямъ рейдовой службы, занимались сигналопроизводствомъ, катаніемъ на шлюпкахъ, миннымъ дѣломъ и пр.; суда, поочередно, по одному или по два, ходили также на пальбу въ неподвижные щиты, а кромѣ того адмиралъ придумалъ средство дать возможность командирамъ, не оставляя рейда, изучать качество поворотливости своихъ судовъ и съ этою цѣлью онъ посылалъ ежедневно по два судна ходить по диспозиціи эскадры въ теченіи двухъ часовъ съ обязательствомъ огибать поочереди—одно судно внутри диспозиціи, а другое, смежное, съ нимъ, снаружи и т. д. Маневръ этотъ по требованію Григорія Ивановича всегда выполнялся на полномъ ходу и послѣ нѣкоторой практики это дѣлалось безъ малѣйшаго затрудненія. Въ виду того, что промежутки между судами, стоявшими на якорѣ, равнялись только 100 или 120 саж. и большимъ фрегатамъ

и батареямъ эти эволюціи было трудно выполнять, то разрѣшалось имъ огибать снаружи каждый угловой корабль, а изнутри по цѣлому крылу диспозиціи. Не возбранялось въ случаѣ надобности останавливать машину и даже давать задній ходъ, но, для сравненія искусства командировъ, на флагманскомъ фрегатѣ наблюдалось время, употребляемое каждымъ судномъ на прохожденіе каждаго круга. Эти эволюціи, извѣстныя на эскадрѣ подъ названіемъ *восьмерокъ*, были сначала пугаломъ для нѣкоторыхъ командировъ, но современемъ очень понравились, такъ какъ это давало имъ случай и возможность испытывать свои нервы и выказывать удальство и вѣрность глаза. Были командиры, которые скоро до того наловчились, что вполнѣ приручили себѣ свои почти неповоротливыя суда. Напримѣръ, фрегатъ «Севастополь», описывая восьмерки, часто такъ щегольски рѣзалъ суда, что случалось видѣть, какъ бывало на «Ильменѣ» или «Владимірѣ», имѣвшихъ значительно наклоненные флагштоки приходилось ставить ихъ прямо, изъ боязни какъ бы «Севастополь», не задѣлъ ихъ. Восьмерки эти усложнены были еще тѣмъ, что къ судамъ, ихъ описывавшимъ, должны были приставать на ходу шлюпки съ другихъ судовъ и затѣмъ держаться нѣкоторое время на боковомъ буксирѣ противъ раковины. Это служило одновременно и практикою молодымъ офицерамъ править буксируемою шлюпкою во время хода.

Въ одно изъ такихъ крейсерствъ по диспозиціи, батарея «Первенецъ», изъ за подвернувшейся ей на пути шлюпки, должна была на моментъ отвести руля, вслѣдствіе чего чуть коснулась батареи «Кремль»; послѣдствіемъ были самыя ничтожныя поврежденія, благодаря немедленной отдачѣ двухъ якорей на «Первенцѣ». Покойный адмиралъ, относя это къ неизбѣжной случайности, объявилъ для свѣдѣнія по эскадрѣ, что впредь для подвертывающихся шлюпокъ не будутъ отводить руля, а въ случаѣ надобности станутъ бросать спасательные буйки и концы; въ приказѣ своемъ онъ между прочимъ выразился такимъ образомъ: «Гдѣ рубятъ дрова, тамъ щепки летятъ; мы же не дрова рубимъ, а созидаемъ эскадру, которая заслуживала бы это имя, и шлюпки эти,

щепки въ нашемъ серіозномъ дѣлѣ, не должны намъ въ этомъ мѣшать».

Во время стоянокъ на Транзундскомъ рейдѣ, адмиралъ удѣлялъ также не мало времени на развитіе въ молодыхъ офицерахъ искуства сознательно управлять шлюпкою подъ парусами, признавая что оно служитъ лучшею школою для практическаго примѣненія теоріи кораблевожденія, пройденной на классной скамьѣ. Онъ былъ убѣжденъ, что ничто такъ не изощряетъ глаза и не пріучаетъ къ умѣнью пользоваться качествами судна и обстоятельствами, какъ катаніе на шлюпкахъ, чему въ свое время, по его мнѣнію, могло служить подтвержденіемъ значительное число хорошихъ командировъ, образовавшихся въ школахъ адмираловъ Лазарева, Корнилова и Нахимова, не упускавшихъ ни одного удобнаго случая учить своихъ офицеровъ управленію гребными судами подъ парусами. Время отъ времени Григорій Ивановичъ устраивалъ при эскадрѣ шлюпочныя гонки и для поощренія отличавшихся исходатайствовалъ ежегодный отпускъ изъ казны по 1500 рублей на покупку призовъ. Для болѣе правильной оцѣнки искуства въ управленіи, всѣ шлюпки эскадры были раздѣлены по величинѣ и качествамъ на категоріи и кромѣ того подъ личнымъ руководствомъ Григорія Ивановича были выработаны правила для гонокъ, впослѣдствіи напечатанныя при шлюпочной сигнальной книжкѣ, изданной имъ же въ 1875 году.

Шлюпки, участвовавшія въ гонкѣ, устанавливались предварительно по категоріямъ къ протянутому съ буйками перлиню и затѣмъ, по условной пушкѣ съ флагманскаго фрегата, моментально снимались и ставили паруса; обойдя два раза вокругъ эскадры, онѣ возвращались къ флагманскому фрегату. На гонкахъ участвовало обыкновенно отъ 40 до 60 шлюпокъ, а иногда и больше.

Исключительно по иниціативѣ Григорія Ивановича въ нашемъ флотѣ ввелось упражненіе въ управленіи шлюпками подъ парусами безъ рулей, при чемъ все искуство состояло въ умѣньѣ пользоваться измѣненіемъ диферента и соотвѣтственною постановкою парусовъ. Къ концу кампаніи удѣляли время и для этого рода гонокъ на призы. Гонки всякаго рода были

вообще весьма разнообразны и интересны. Не разъ шлюпки посылались въ Транзундскія шхеры, съ обязательствомъ обойти извѣстные острова, для чего офицерамъ выдавались планшеты мѣстности; на такихъ гонкахъ разрѣшалось пользоваться, по желанію, и веслами и парусами.

Можно смѣло сказать, что именно благодаря этимъ упражненіямъ на броненосной эскадрѣ, наши военныя шлюпки за границею, на всѣхъ международныхъ шлюпочныхъ гонкахъ, почти всегда удерживали за собою пальму первенства.

По окончаніи каждой гонки приказомъ адмирала по эскадрѣ возвѣщался и результатъ ея, при чемъ Григорій Ивановичъ деликатно и осторожно для самолюбія молодыхъ офицеровъ разбиралъ различныя ихъ ошибки и неумышленные промахи и нерѣдко въ мягкихъ выраженіяхъ выгораживалъ менѣе виновныхъ и ободрялъ ихъ для вызова новой энергіи и смѣлости съ ихъ стороны къ послѣдующимъ гонкамъ. Впрочемъ иногда, къ сожалѣнію, приходилось Григорію Ивановичу, какъ врагу всякой скрытности и неправды, въ какой бы формѣ она ни проявлялась порицать въ своихъ приказахъ дурныя черты характера, проявлявшіяся на гонкахъ тѣмъ или другимъ лицомъ; такъ напримѣръ въ одномъ изъ характерныхъ его приказовъ (*), между прочимъ, было сказано: « . . . Былъ и третій случай столкновенія въ этотъ день, но виноватый боится попасть въ приказъ и не сказывается, а не боялся браться не за свое дѣло, т. е. за румпель въ гонкѣ, не умѣя управлять шлюпкою! Я и сигналомъ приглашалъ его сказаться, но . . . . . не хочу договаривать, а совѣстно мнѣ за него. Такихъ случаевъ еще не представлялось въ нашей морской семьѣ, по крайней мѣрѣ въ плаваніяхъ со мною».

Помимо парусныхъ и весельныхъ гонокъ, Григорій Ивановичъ устраивалъ также шлюпкамъ катанье подъ парусами вокругъ адмиральскаго фрегата, при чемъ всегда лично осматривалъ каждую шлюпку рѣзавшую корму и о безпорядкахъ или дурно поставленныхъ парусахъ замѣчалъ офицеру, сидѣв-

(*) 17 Іюля 1869 г.

шему на рулѣ. При этого рода катаньяхъ, шлюпкамъ надлежало обходить вокругъ фрегата въ наивозможно меньшій промежутокъ времени и, спускаясь по вѣтру вдоль праваго борта его къ кормѣ, онѣ должны были парусами своими или частью рангоута задѣвать реекъ съ колокольчикомъ на нокѣ выстрѣла фрегата. Управлявшіе шлюпками офицеры должны были постоянно, съ напряженнымъ вниманіемъ, слѣдить за всѣми окружающими шлюпками и быстро соображать свои дѣйствія съ ихъ положеніемъ, чтобы не столкнуться и не поломаться.

Парусныя яхты, входившія въ составъ эскадры, подлежали совершенно такимъ же правиламъ и экзамену у адмирала, какъ и шлюпки.

Сигналопроизводству выполняющему вообще довольно важную роль на морѣ и въ особенности въ бою, дано было на эскадрѣ подобающее значеніе, и съ цѣлью дать всѣмъ офицерамъ средство возможно ближе ознакомиться съ употребленіемъ сигнальныхъ книгъ на практикѣ, почти всѣ распоряженія на эскадрѣ дѣлались и днемъ и ночью сигналами, а кромѣ того было разрѣшено вести частные переговоры между офицерами помощью флажныхъ сигналовъ. Такая богатая практика въ сигналопроизводствѣ развивала также смѣтливость и расторопность сигнальщиковъ. Предвидя возможность необходимости въ военное время измѣнять ключъ къ сигналамъ, Григорій Ивановичъ ввелъ на эскадрѣ еще упражненіе въ производствѣ сигналовъ по криптографу, такъ какъ умѣньѣ пользоваться имъ также требовало не мало навыка и сноровки, безъ которыхъ, въ моментъ дѣйствительной потребности, можно произвести громадныя замѣшательства.

Ночные сигналы производились по тому же общему своду морскихъ сигналовъ помощью фонаря Шпаковскаго, который подъ руководствомъ Григорія Ивановича и благодаря его личнымъ указаніямъ и хлопотамъ о дарованіи средствъ для его улучшенія, постепенно совершенствовался на эскадрѣ однимъ изъ его флагъ-офицеровъ—лейтенантомъ Табулевичемъ. Фонарь этотъ, уже давно служившій предметомъ зависти моряковъ другихъ націй, въ настоящее время доведенъ до степени

совершенства и вводится въ германскомъ флотѣ; кромѣ того онъ былъ также съ успѣхомъ примѣненъ на практикѣ въ Ахалтекинской экспедиціи и кажется будетъ введенъ въ употребленіе въ нашей арміи.

Воздавая должную дань заслугамъ покойнаго адмирала, мы кстати скажемъ, что онъ обладалъ умѣньемъ избирать себѣ въ помощь способныхъ по разнымъ отраслямъ службы офицеровъ; направляя ихъ дѣятельность на различныя темы, требовавшія по его мнѣнію разработки и улучшенія, онъ никогда не забывалъ и поощрять ихъ труды. Отчасти этому его умѣнью мы обязаны тѣмъ, что нашъ флотъ былъ впереди другихъ по многимъ отраслямъ морскаго дѣла.

Идея введенія на военныхъ нашихъ судахъ электрическаго освѣщенія принадлежитъ всецѣло адмиралу Григорію Ивановичу. Въ 1869 году по его ходатайству была заказана фирмѣ *Alliance* первая для нашего флота магнито-электрическая машинка съ фонаремъ для постановки на судно. Къ сожалѣнію, однако, этотъ экземпляръ былъ тогда удержанъ во Франціи и установленъ на одномъ изъ фортовъ, окружающихъ Парижъ, во время его осады. Послѣ франко-германской войны намъ были доставлены слѣдующіе экземпляры, а въ 1872 году пароходъ «Ильмень» ходилъ въ видѣ опыта съ электрическимъ фонаремъ ночью черезъ узкіе и извилистые фарватеры Транзунда до Выборга и между Петербургомъ и Кронштадтомъ.

Между тѣмъ адмиралъ уже заботился подготовленіемъ спеціалистовъ для ухода за этими машинками и вмѣстѣ съ тѣмъ, для возможности постепеннаго введенія у насъ во флотѣ новаго боеваго фактора — минпаго дѣла, тогда еще непопулярнаго и не принятаго. Это дѣло было поручено одному изъ его флагъ-офицеровъ. На относительно весьма скудныя средства основана была партія минеровъ, а въ 1870 году учреждена уже минная школа съ цѣлою сотнею учениковъ, преимущественно изъ новобранцевъ. На тѣ же средства заводились инструменты, модели и проч. На второй годъ существованія школы многіе удивлялись успѣхамъ и познаніямъ

нашихъ доморощенныхъ полуграмотныхъ минеровъ, которыхъ свѣдѣнія далеко превзошли ожиданія. Теоретическія познанія, пріобрѣтавшіяся минерами зимою на берегу, примѣнялись къ практикѣ лѣтомъ въ Транзундѣ на островѣ Менцъ-Сари, гдѣ многіе изъ нашихъ молодыхъ офицеровъ впервые узнали на дѣлѣ значеніе фугасовъ, донныхъ минъ и проч., а мина взорванная въ 1869 году во время Высочайшаго смотра въ Транзундѣ подъ старымъ остовомъ брига «Филоктетъ» въ первый разъ показала нашимъ морякамъ—какой вредъ можетъ нанести мина одного судна другому.

Минное дѣло, такъ удачно начатое подъ просвѣщеннымъ руководствомъ адмирала Григорія Ивановича, получило теперь блестящее развитіе.

Въ 1873 году фрегатъ «Петропавловскъ», а въ послѣдующіе за тѣмъ годы и нѣкоторыя другія суда эскадры, были снабжены электрическими фонарями и адмиралъ руководилъ опытами преслѣдованія и отыскиванія, помощью этихъ фонарей, пробирающихся къ эскадрѣ въ ночное время минныхъ шлюпокъ для учебныхъ минныхъ атакъ.

Въ виду важности и интереса вопроса войдемъ здѣсь въ нѣкоторыя подробности организаціи упражненій въ ночныхъ атакахъ, бывшихъ въ связи съ пользованіемъ электрическимъ освѣщеніемъ на судахъ эскадры. Согласно росписанію адмирала, въ извѣстные дни нѣсколько минныхъ паровыхъ шлюпокъ посылалось около 9 часовъ вечера къ различнымъ островкамъ, окружающимъ рейдъ. Офицерамъ на шлюпкахъ давались запечатанные конверты съ назначеніемъ въ нихъ времени, въ которое каждая шлюпка должна была тронуться къ освѣщающимъ судамъ. При этомъ предполагалось, что на рейдѣ находились лишь тѣ суда, которыя имѣли электрическіе фонари, остальныя же суда считались предметами, за которыми миннымъ шлюпкамъ дозволялось прятаться. Конверты распечатывались на пути слѣдованія къ мѣсту назначенія; шлюпки должны были прокрадываться незамѣченными и не освѣщенными электрическимъ свѣтомъ къ борту атакуемаго судна, скрываясь по возможности за разные предметы и острова или лѣпясь вдоль

берега, чтобы потомъ броситься въ атаку, откуда ихъ не могли ожидать. Шлюпкамъ дозволялось маскироваться и идти подъ веслами, парусами, или подъ парами, смотря по обстоятельствамъ. Шлюпка не прослѣженная электрическимъ свѣтомъ, до подхода къ атакуемому судну, считалась побѣдившею; та же, которую свѣтъ поймаетъ и удержитъ освѣщенною до самаго подхода ея, считалась побѣжденною.

Атакуемые корабли могли имѣть вблизи сторожевыя шлюпки и окружаться бонами, но съ условіемъ оставлять половину пространства вокругъ себя свободнымъ для прохода минныхъ шлюпокъ. Само собою разумѣется, что эти загражденія устраивались во время отсутствія атакующихъ шлюпокъ, для того, чтобы офицеры на нихъ не знали, гдѣ бонъ и гдѣ доступное къ судну мѣсто.

Эти опыты, въ виду необходимости отражать атаки огнемъ изъ орудій, указали на важность усиленія обороны судовъ легкою артиллеріею, которая имѣла бы возможно-большій обстрѣлъ какъ горизонтальный, такъ и сниженія, и благодаря неустаннымъ усиліямъ и хлопотамъ Григорія Ивановича, въ кампанію 1874 года фрегатъ «Петропавловскъ» былъ вооруженъ десятью 4-хъ фунтовыми заряжающимися съ казенной части орудіями на элеваціонныхъ станкахъ, установленныхъ на выдающихся за бортъ площадкахъ, такъ что каждая пушка имѣла горизонтальный уголъ обстрѣла въ 137° Въ этомъ отношеніи, благодаря инниціативѣ Григорія Ивановича нашъ флотъ оказался также впереди другихъ и послужилъ примѣромъ другимъ; во время плаванія «Петропавловска» въ Средиземномъ морѣ, летучая батарея его обращала на себя особенное вниманіе иностранныхъ моряковъ своимъ легкимъ, удобнымъ и цѣлесообразнымъ устройствомъ.

Адмиралъ пользовался также электрическими фонарями при ночной практической стрѣльбѣ по подвижнымъ щитамъ изъ пушекъ летучихъ батарей и изъ ружей съ марсовъ.

Хотя во всѣхъ флотахъ и имѣлись таранныя суда, но идея о наивыгоднѣйшемъ способѣ пользоваться этимъ мощнымъ оружіемъ, равно какъ и пріемы для уклоненія отъ пораженія тараномъ не была еще освѣщена никакими опы-

тами. Григорій Ивановичъ первый взялся за осуществленіе этого опыта съ цѣлью изученія дѣла и повѣрки своихъ идей. Для этого дѣла онъ сначала приспособилъ старыя винтовыя канонерскія лодки, одѣвъ ихъ фашинами, прикрѣпленными къ рамамъ особаго устройства, для облегченія и разложенія силы ударовъ, а впослѣдствіи эскадра, его стараніями, была снабжена нѣсколькими быстроходными паровыми барказами, спеціально по указаніямъ адмирала выстроенными для упражненія въ тараненіи. Съ живымъ интересомъ и съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ онъ всегда лично за всѣми маневрированіями таранныхъ барказовъ, управляемыхъ по очереди всѣми судовыми командирами и старшими офицерами судовъ эскадры, при чемъ никогда не упускалъ случая указывать на различныя ошибки или неумышленные промахи состязавшихся. Согласно его указанію, съ марса адмиральскаго фрегата записывались относительныя положенія таранившихся въ различные моменты и вычерчивались діаграммы ихъ ходовъ.

Уже на второмъ году этихъ упражненій, Григорій Ивановичъ перебирая въ одномъ изъ своихъ приказовъ добытые уроки, подробно указывалъ на тѣ ошибки, которыя обыкновенно приводятъ тараненіе къ неудовлетворительнымъ результатамъ; говоря о причинахъ успѣха тараннаго боя, онъ находилъ, что побѣда должна оставаться за тѣмъ, кто, не смотря на высшую степень возбужденія, съумѣетъ сохранить холодный расчетъ и зорко слѣдя за малѣйшими движеніями противника, мгновенно воспользуется самыми незначительными его ошибками, а также, что побѣждать будетъ еще и тотъ, чьи приказанія относительно машины и руля будутъ исполняться быстро, безъ раздумья у повтореній. Кромѣ того, Григорій Ивановичъ указывалъ, какъ важно вообще сохранять полное спокойствіе и власть надъ собою въ тѣ моменты, когда малѣйшая нерѣшительность и смятеніе могутъ имѣть гибельныя послѣдствія.

Позже, Григорій Ивановичъ, въ одномъ изъ своихъ приказовъ, дѣлаетъ, по поводу таранныхъ упражненій въ Транзундѣ, еще слѣдующія замѣчанія: «Какъ при Лиссѣ въ 1866 году, такъ и при Гогландѣ въ настоящую кампанію оказалось, что тараня-

щему не проходитъ даромъ ударъ, который онъ наноситъ: и у *Фердинанда Макса,* какъ у «Кремля», около шпирона была течь. Въ Транзундѣ 29 августа осязательно выказалось еще одно свойство тараннаго боя: таранящаго легко таранить, и были случаи, что ему мстили за одинъ ударъ двумя шпиронами» . . . . . «Флотъ адмирала Фаррагута, прорываясь при Мобилѣ, былъ готовъ къ такой поддержкѣ другъ другомъ своихъ судовъ, а во флотѣ адмирала Персано никто не воспользовался ударомъ *Фердинанда Макса,* чтобы утопить его».

Изъ получившихся чертежей всѣхъ маневровъ тараннаго состязанія, должны бы выясниться еще нѣкоторыя указанія и выводы; и если бы Господь продлилъ жизнь покойнаго адмирала, то съ увѣренностью можно сказать, что матеріалъ этотъ не остался бы долго ждать полной разработки. Во всякомъ же случаѣ для желающаго взять на себя этотъ трудъ, хотя бы и современемъ, собранный матеріалъ не погибъ, но, отлитографированный, имѣется въ достаточномъ количествѣ экземпляровъ въ министерствѣ.

На совершенствованіе командъ въ практической стрѣльбѣ изъ орудій адмиралъ также всегда обращалъ очень большое вниманіе и потому удѣлялъ на это чрезвычайно много времени. Признавая за стрѣльбою въ неподвижные щиты при малой скорости хода судовъ и при томъ съ разстоянія, заранѣе намѣченнаго на водѣ буйками, только значеніе начальной подготовки въ болѣе серіозной стрѣльбѣ, онъ впослѣдствіи завелъ, для употребленія на эскадрѣ, треугольные щиты, буксировавшіеся двумя судами, ходившими во время пальбы другъ другу навстрѣчу, при чемъ постоянно умышленно измѣнялись между ними разстоянія. Въ одномъ изъ своихъ приказовъ (отъ 11 августа 1868 года) Григорій Ивановичъ выяснилъ взглядъ свой на современное значеніе артиллеріи на военныхъ судахъ и на важность быстроты и мѣткости пальбы. Это взглядъ свѣжій, основанный не только на соображеніяхъ о многоцѣнности каждаго выстрѣла или маломъ, въ сравненіи съ прежнимъ временемъ, числѣ орудій, а на ясно обдуманномъ и расчитанномъ представленіи себѣ

фазисовъ дѣйствительной встрѣчи съ противникомъ въ бою; вотъ эти мысли:

«На васъ пойдутъ со скоростью не менѣе, но гораздо болѣе 10 узловъ, и вы конечно не будете подставлять бокъ свой, а также пойдете со всевозможною быстротою прямо на непріятеля. Таранить шпирономъ или миною, скажемъ, вы умѣете, но вѣдь и пушки у васъ не для баласту. Взаимная скорость ваша и непріятеля будетъ узловъ двадцать: много ли вы успѣете сдѣлать выстрѣловъ съ разстоянія даже 1000 саженъ.? Хотя противъ брони, да еще наклонной къ вамъ, съ этого разстоянія рано начинать огонь, но положимъ для примѣра, что вы начали его съ 1000 саженъ: черезъ сколько времени флоты сойдутся, имѣя по 10 узловъ? Минутъ черезъ шесть одни врѣжутся въ другихъ. Послѣ перваго вашего выстрѣла вамъ нужно успѣть зарядить вновь, опредѣлить новое разстояніе до непріятеля, передать его къ пушкамъ, по немъ переставить прицѣлъ, опустить дуло и выпалить мѣтко. Много ли же разъ вы успѣете выпалить? Вотъ гдѣ вопросъ! Доискивайтесь его разрѣшенія теперь, въ мирное время, потому что завтра, можетъ быть, получите повелѣніе прилагать къ дѣлу ваши свѣдѣнія и дать отчетъ государству въ томъ, что деньги, издержанныя казною на ваше военно-морское воспитаніе въ теченіи многихъ лѣтъ или десятковъ лѣтъ, были истрачены разумно.

«Разсмотримъ хотя выстрѣлъ о которомъ мы сейчасъ говорили. Офицеръ, который не вѣрно опредѣлилъ разстояніе до непріятеля, или тотъ, у котораго комендоръ второпяхъ не поставилъ прицѣла на надлежащее возвышеніе,—черезъ что выстрѣлъ, долженствовавшій быть роковымъ для противника, ушелъ въ воздухъ,—не израсходовалъ ли каждый изъ нихъ втунѣ ту часть сотенъ милліоновъ, которыхъ стоило правительству строить поколѣнія кораблей, воспитывать практикою поколѣнія военныхъ офицеровъ?

«Тотъ офицеръ, подъ надзоромъ котораго рулевой вильнулъ вправо, когда нужно было покатиться влѣво, не виноватъ ли онъ на милліоны рублей въ томъ, что залпъ вышелъ невѣренъ или шпиронъ проскользнулъ мимо врага?

«И такъ все лежитъ на насъ. Насъ будутъ чествовать, какъ чествовали сподвижниковъ Тегетгофа, или топтать въ грязь направо и налѣво, какъ Персано и его подчиненныхъ. Сужденія объ насъ будутъ зависѣть только отъ успѣха или неудачи нашей, и никто кромѣ насъ, личнаго боеваго состава, не будетъ отвѣтчикомъ. Это извѣстно изъ примѣровъ всѣхъ временъ.

«Будемъ же гоняться не за тѣмъ, чтобы въ отчетныхъ вѣдомостяхъ о пальбѣ, у насъ стояли высокіе проценты попавшихъ ядеръ, а употребимъ всѣ старанія, чтобы пальба наша подходила возможно болѣе къ тѣмъ условіямъ, которыя предстоятъ въ дѣйствительномъ бою, т. е. будемъ стрѣлять съ неопредѣленныхъ заранѣе разстояній и въ движущіеся предметы.

«Поставьте огромный щитъ, отмѣрьте отъ него разстояніе и наводите по получасу каждое орудіе: трудно ли будетъ въ отчетныхъ вѣдомостяхъ показать большой процентъ попавшихъ снарядовъ? Но таковы ли дѣйствительныя условія боя»?

Въ другомъ приказѣ адмиралъ разсматриваетъ результаты, добытые пальбою къ движущіеся щиты и говоритъ: «Отмѣна всякихъ буйковъ при стрѣльбѣ въ цѣль побудила всѣхъ обратить вниманіе на угломѣрныя средства опредѣлять свое разстояніе отъ предмета и нисколько не повредила мѣткости нашей пальбы, но напротивъ, мы перещеголяли прошлогоднюю, при несравненно болѣе трудныхъ обстоятельствахъ, идя встрѣчно къ неподвижному щиту или отъ него. Что касается стрѣльбы въ буксируемые щиты, то пробы наши указали, какъ ихъ нужно строить на будущее время и, хотя на нихъ попадали немного, но мнѣ гораздо пріятнѣе видѣть въ нихъ маленькую царапину, чѣмъ ядро въ яблокѣ неподвижнаго щита: одно—дѣло, другое—игрушка, игра въ пушечки, которая уже не по нашему возрасту. При состязательной стрѣльбѣ обстоятельства были, по необходимости, болѣе легкія, но сравнительно съ прошлогоднею были тяжелѣе и блистательно выказали пользу учебнаго артиллерійскаго корабля: мы не могли напастись щитовъ и должны были стрѣлять въ развалины ихъ. Тутъ нарѣзная артиллерія щегольски

отличалась, хотя и гладкостѣнныя пушки невольно возбуждали по временамъ восторгъ. Жаль только, что былъ штиль— его не закажешь въ бою».

Радуясь успѣхамъ и благодаря всѣхъ, начиная отъ флагмановъ и кончая комендорами, онъ въ заключеніе прибавляетъ: «но ради Бога не будемъ самонадѣянны! Будемъ стремиться идти впередъ какъ идемъ, и да не почіемъ на лаврахъ разщепленныхъ щитовъ!»

Въ 1867 и 1868 годахъ, когда на нѣкоторыхъ судахъ еще употреблялись гладкостѣнныя орудія, Григорій Ивановичъ пріучалъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ во время практической пальбы изъ орудій къ спокойному слушанію свиста ядеръ, для чего приказывалъ ставить шлюпки съ людьми на буйки между судномъ и щитомъ по обѣимъ сторонамъ линіи полета снарядовъ. Нѣкоторые офицеры съ болѣе крѣпкими нервами, будучи подстрекаемы адмираломъ, катались на шлюпкахъ по близости щита подъ парусами и пересѣкали даже линію полета снарядовъ, при чемъ послѣдніе перелетали черезъ ихъ головы. При пальбѣ же послѣ, изъ нарѣзныхъ орудій, подобное испытаніе нервовъ оказывалось къ сожалѣнію уже немыслимымъ, ибо цилиндро-коническіе снаряды послѣ перваго паденія въ воду рикошетируютъ чрезвычайно неправильно, а кромѣ того, во время самого полета, съ нихъ часто отпадаетъ и отлетаетъ въ стороны свинцовая оболочка.

Здѣсь кстати будетъ привести, безъ выпусковъ, интересный приказъ Григорія Ивановича отъ 20 августа 1868 года, написанный имъ по поводу находчивости двухъ новобранцевъ, случайно подвергавшихся испытанію своихъ нервовъ во время пальбы изъ орудій по щиту, на которомъ они были оставлены по оплошности: «Сегодня молодые матросы 6-го экипажа Егоръ Михайловъ и Гаврило Максимовъ состязались со всѣми нами въ находчивости и присутствіи духа. По непростительной оплошности, командиръ одного судна оставилъ ихъ исправлять щитъ, не предувѣдомивъ другого, который разводилъ пары, чтобы идти на пальбу, а лица, которыя обязаны слѣдить за выстрѣлами своего судна, не увидѣли ихъ за парусиною щита, черезъ что матросы эти под-

вергались батальному огню изъ орудій 60 ф. калибра. Во время выстрѣловъ они ложились на плотъ щита, а въ промежуткахъ махали шапками, но ни на флагманскомъ кораблѣ подъ моимъ флагомъ, ни на другихъ судахъ, никто ихъ не замѣчалъ. Тогда они догадались обрубить одинъ изъ дректововъ, чтобы щитъ повернуло по вѣтру и тѣмъ остановилась пальба, а потомъ обрубили и другой дректовъ, не потерявъ даже оружіе свое—топоръ. Настоящіе военные люди, хотя на службѣ всего съ 1868 года!

«Они выдержали отлично экзаменъ въ наилучшей академіи и, если будутъ хорошо вести себя, такіе обстрѣленные молодцы пойдутъ далеко и навѣрное при первой войнѣ заслужатъ георгіевскіе кресты какимъ нибудь подвигомъ, особенно тотъ изъ нихъ, Михайловъ, который до сихъ поръ былъ кучеромъ въ Саратовѣ».

« Не за то, что по нимъ стрѣляли—это для нихъ хорошая школа,—но въ отличіе за то, что они не потерялись посреди свиста ядеръ, направленныхъ прямо на нихъ, даю имъ по 3 руб. сер., а сигнальщику Ѳедору Жеребенкову, который не разгильдяйствовалъ на вахтѣ и первымъ увидѣлъ ихъ съ батареи «Нетронь-Меня», —рубль серебромъ за исправность».

Такія высокія качества какъ отвага, находчивость и присутствіе духа, всегда поощрялись покойнымъ адмираломъ, ибо онъ и самъ былъ истый воинъ.

Давая командирамъ судовъ эскадры въ первый мѣсяцъ кампаніи возможность изучить на Транзундскомъ рейдѣ качества своихъ судовъ въ восьмеркахъ, вполнѣ приручить себѣ ихъ машины и пріучить къ дѣлу рулевыхъ, адмиралъ съ эскадрою выходилъ изъ Транзунда, отдѣляя первый отрядъ въ плаваніе по Финскому заливу и его портамъ и въ Балтійское море, а отрядъ мониторовъ—въ шхеры для изученія фарватеровъ со всѣми ихъ трущобами до Гангэуда; иногда онъ водилъ ихъ даже къ южному берегу Балтики—въ Рижскій заливъ. Доставлявшійся личному составу навигаціонный опытъ, можетъ показаться какъ бы слабо развитымъ на бронепосной эскадрѣ; но это обстоятельство обуслов-

ливалось, какъ уже сказано раньше, количествомъ отпускавшагося угля. Главная же цѣль этихъ непрерывныхъ паровыхъ плаваній, полнымъ ходомъ, заключалась въ обученіи машинистовъ и кочегаровъ, въ изученіи входовъ въ наши порты и въ практикѣ для молодежи въ астрономическихъ наблюденіяхъ при опредѣленіяхъ мѣста судна въ открытомъ морѣ, чего нельзя дѣлать въ шхерахъ, гдѣ горизонтъ большею частью заслоняется островами.

Эти плаванія продолжались обыкновенно около мѣсяца, при чемъ отряды находились, каждый, подъ командою своего начальника, а самъ адмиралъ, съ частью своего штаба, обходилъ въ это время на пароходѣ «Ильмень» различные закоулки шхеръ, съ цѣлью изученія ихъ значенія въ стратегическомъ отношеніи; по временамъ же онъ выходилъ для встрѣчи своихъ отрядовъ на условленномъ рандеву и тогда первый отрядъ, состоявшій, какъ уже сказано выше, изъ большихъ судовъ, подъ непосредственнымъ руководствомъ Григорія Ивановича упражнялся на просторѣ въ морскихъ эволюціяхъ.

Къ сожалѣнію, эти эволюціи не обошлись безъ несчастія, въ 1869 году у острова Гогланда погибъ деревянный фрегатъ «Олегъ» отъ удара, нечаянно нанесеннаго ему въ бокъ тараномъ батареи «Кремль». Столкновеніе произошло во время перемѣны фронта, которымъ шла эскадра; всѣмъ судамъ нужно было поворотившись вдругъ вправо на 8 румбовъ, поворотить затѣмъ еще послѣдовательно на 16. «Кремль» не успѣлъ, вслѣдствіе своей рыскливости, сдѣлать перваго поворота вмѣстѣ съ другими и остался въ сторонѣ, почему, по правиламъ тактики, былъ обойденъ фрегатомъ «Олегъ»; но когда всѣ стали поворачивать поочереди еще на 16 румбовъ, то таранъ «Кремля» приходился уже противъ лага фрегата и, несмотря на данный «Кремлемъ» задній ходъ, произошло столкновеніе. Вмѣстѣ съ фрегатомъ погибло 16 человѣкъ матросовъ. Однако, покойному адмиралу въ этомъ прискорбномъ случаѣ утѣшеніемъ отчасти послужилъ Всемилостивѣйшій Царскій отзывъ, выраженный на докладѣ, посланномъ Государю въ Крымъ о гибели «Олега», противъ того мѣста въ докладѣ, гдѣ были представлены, какъ выдающіеся факты—

распорядительность начальствующихъ лицъ въ самую критическую минуту опасности, строгій порядокъ на фрегатѣ и отвага со стороны всѣхъ чиновъ эскадры,—Государь изволилъ написать:

«Оно дѣйствительно такъ, за то Я не могъ хладнокровно прочесть рапортъ Бутакова. Но все это не ново и не удивляетъ меня со стороны нашихъ моряковъ. Они показали себя опять тѣми же молодцами, какъ при крушеніи «Александра Невскаго».

Чтобы вполнѣ точно передать обстоятельства, сопровождавшія это крупное несчастіе, и собственными словами адмирала воскресить тѣ впечатлѣнія, которыя въ свое время отразились на обществѣ нашихъ моряковъ, приведемъ здѣсь всецѣло замѣчательный приказъ его 1869 года за № 66:

«Ночью 4-го августа мнѣ привелось сдѣлать Управляющему Морскимъ министерствомъ слѣдующую телеграмму:

«Вчера у Гогланда «Олегъ» и «Кремль» столкнулись. Фрегатъ утонулъ черезъ 15 минутъ на 36 саженяхъ. Погибло 16 матросовъ. Спасено 529 человѣкъ, благодаря порядку. Командиръ, офицеры, команда, до послѣдняго момента исполняли долгъ съ самоотверженіемъ. Рапортъ привезу завтра».

Вотъ слова этого рапорта:

«Броненосную эскадру Его Императорскаго Величества постигло величайшее несчастіе. Послѣ двухдневнаго упражненія въ построеніяхъ и перестроеніяхъ, исполнявшихся съ безукоризненною правильностью, при перемѣнѣ фронта въ половинѣ восьмаго часа вечера вчерашняго 3-го августа, батарея «Кремль» и фрегатъ «Олегъ» столкнулись, при чемъ послѣдній утонулъ черезъ промежутокъ около 15 минутъ. Совершенный штиль, близость всѣхъ судовъ эскадры, и хладнокровная распорядительность какъ командировъ столкнувшихся судовъ, такъ и контръ-адмирала Керна и командировъ всѣхъ прочихъ кораблей, съ помощью Божіею и полнаго порядка дали возможность спасти на шлюпкахъ командира, всѣхъ офицеровъ, гардемаринъ и кондукторовъ и 497 нижнихъ чиновъ несчастнаго фрегата, отъ котораго остались на поверхности воды только верхушки брамъ-стенегъ въ шир. 60° 5′

45″ N и въ долготѣ отъ Гринвича 27° 18′ О-й, и семь гребныхъ судовъ. Изъ большаго экипажа въ 545 челов., только-что сформированнаго и потому мало испытавшаго внезапныя случайности морскаго быта, мы не досчитываемся 16 человѣкъ.

«Шканечный журналъ и казенный сундукъ спасены лицами, на обязанности коихъ это лежитъ по уставу.

«Командиръ фрегата капитанъ 1-го ранга Майдель и старшій офицеръ капитанъ-лейтенантъ Толбухинъ спустились передъ моментомъ погруженія своего корабля на полуразбитый при столкновеніи, затонувшій катеръ, отцѣпивъ его съ трудомъ отъ талей, державшихъ его за фрегатъ, и потомъ были приняты шестеркою съ корвета «Витязь». Всѣ ростерные найтовы успѣли отдать, такъ что лѣвый барказъ, съ полубарказомъ въ немъ, благополучно всплылъ во время погруженія фрегата, съ людьми бывшими на нихъ. Правый барказъ, также съ катеромъ въ немъ, всплылъ, но опрокинутый и перебитый ударомъ грота-рея во время погруженія фрегата. Офицеры были распредѣлены по бортамъ для наблюденія за порядкомъ посадки на шлюпки; койки были вынуты изъ сѣтокъ, чтобы вмѣстѣ съ люками и тому подобными деревянными вещами служить временнымъ средствомъ для удержанія на водѣ людей, которые не успѣли бы попасть въ шлюпки.

«У батареи «Кремль» въ узкомъ таранномъ отдѣленіи набѣжало воды до 7 футъ; но, по выкачкѣ, течь не превышаетъ 1 дюйма въ часъ.

«Сколько я разъяснилъ себѣ причину столкновенія, оно произошло такъ: какъ ни искусно командиры управляютъ теперь батареями нашими, прежде считавшимися «невозможными въ строю» по своей рыскливости, но есть особенности у этихъ судовъ не подчинимыя контролю. Разъ положивши руля, даже немного, для какой либо цѣли, полученное вращательное движеніе остановить скоро нѣтъ никакой возможности. Эскадра шла строемъ фронта и всѣмъ надлежало, поворотившись разомъ вправо на 8 румбовъ, поворотить послѣдовательно еще на 16. «Кремль», передъ началомъ ма-

невра катившійся нѣсколько влѣво, не поспѣлъ, по этой причинѣ, поворотиться вправо вмѣстѣ съ другими и потому остался внѣ строя, въ который спѣшилъ войти. Между тѣмъ строй поворачивалъ послѣдовательно на 16 румбовъ вправо. «Кремль» обошла батарея «Первенецъ» и сталъ обходить фрегатъ «Олегъ» въ то время, когда «Кремль» уже положилъ лѣво руля для слѣдованія за «Первенцемъ». Видя подходящій «Олегъ», командиръ «Кремля» переложилъ руль и далъ задній ходъ машинѣ, но судно еще не успѣло получить задняго хода и произошло столкновеніе. Ударъ, однакоже, былъ не особенно силенъ, и даже бушпритъ «Кремля» уцѣлѣлъ.

«Быстрое потопленіе надлежитъ приписать: гнилости фрегата, въ который легко вошелъ шпиронъ, большому запасу угля и тяжести машины и артиллеріи, а также полнымъ водою котламъ. Шпиронъ попалъ въ машинное отдѣленіе и командиръ фрегата немедленно получилъ донесеніе, что топки у печей заливаетъ. Одно за другимъ слѣдовали донесенія о томъ, что вода наполняетъ кубрикъ, что она подошла подъ батарейную палубу, что она выступаетъ въ батарею.

«При такихъ обстоятельствахъ онъ послалъ сначала занести тали на мачты для спуска барказа, сдѣлалъ сигналъ «терплю бѣдствіе», распоряжался спускомъ гребныхъ судовъ, правильною посадкою людей на шлюпки и наконецъ—уходомъ ихъ въ роковой моментъ, чтобы не были втянуты въ водоворотъ.

«Обо всѣхъ офицерахъ, гардемаринахъ, кондукторахъ и нижнихъ чинахъ капитанъ отзывается съ большою похвалою. Если взять во вниманіе, что изъ 15 минутъ, собственно на спасеніе людей пришлось никакъ не болѣе десяти, то нельзя не признать этотъ отзывъ вполнѣ заслуженнымъ и становится очевиднымъ, какой строгій порядокъ и дисциплина обнаружены при гибели фрегата «Олегъ», экипажъ котораго съ самоотверженіемъ исполнялъ до послѣдняго момента всѣ приказанія своихъ хладнокровныхъ и распорядительныхъ начальниковъ, готовясь къ погруженію на дно.

«Всѣ они потеряли все свое имущество и деньги.

«Такъ быстро подоспѣвшая для спасенія людей помощь шлюпками съ другихъ судовъ, на полномъ ходу занятыхъ въ

*

то время эволюціями, я надѣюсь, будетъ признана превосходнымъ и вполнѣ бойкимъ морскимъ маневромъ, заявляющимъ, не менѣе предыдущаго, о порядкѣ и военномъ духѣ на судахъ ввѣренной мнѣ эскадры».

Далѣе въ приказѣ говорится:

«По внезапному результату своему, это столкновеніе составляетъ рѣдкое событіе въ морскихъ лѣтописяхъ; тяжко быть очевидцемъ такого несчастія, тяжело понести такую потерю, и прискорбно лишиться одного изъ средствъ пріучать морскому дѣлу большое число офицеровъ и матросовъ, но въ то же время этотъ случай доставилъ мнѣ огромное удовольствіе по тѣмъ качествамъ, которыя онъ вызвалъ наружу среди командъ эскадры. Находчивость и хладнокровіе, съ которыми слетѣлись всѣ суда и ихъ шлюпки на помощь гибнущимъ товарищамъ—выше всякой похвалы! Полный порядокъ, сохраненный командиромъ фрегата «Олегъ» въ только-что сформированной командѣ, когда одно за другимъ слѣдовали такія потрясающія донесенія о близости гибели, выказалъ рѣдкія качества капитана 1-го ранга Майделя и какими молодцами онъ командовалъ. Служившіе на «Олегѣ» въ 1869 году офицеры, гардемарины, кондукторы и нижніе чины имѣютъ полное право съ гордостью вспоминать эту кампанію.

«Понятно, что командиръ батареи «Кремль» сокрушается отъ мысли, что именно *ея* шпиронъ былъ непосредственною причиною потопленія фрегата, но не должно забывать, что если изъ двухъ столкнувшихся, его корабль оказался несравненно крѣпче и опаснѣе другого, то это была случайность отъ него независѣвшая. Могло быть и наоборотъ, еслибы, вслѣдствіе того же сцѣпленія обстоятельствъ, столкнулись не эти именно суда. Могло даже зависѣть отъ случая, что при совершенно тѣхъ же условіяхъ столкнулись бы точно также тѣ же командиры, а взаимный вредъ былъ бы ничтожный. Случись вмѣсто «Кремля» «Пересвѣтъ», однолѣтокъ «Олегу» и такой же старый деревянный фрегатъ, снесъ бы себѣ бушпритъ, много-что мачту, и тѣмъ бы все кончилось! Все зависѣло отъ сравнительной конструкціи. Мы же всѣ знаемъ, знаетъ и высшее начальство, неустрашимость и находчивость

капитана 2-го ранга Корнилова и какъ превосходно онъ всегда управлялъ мониторомъ «Смерчъ»; мы хорошо видѣли, какъ батарея «Кремль» въ его рукахъ постоянно соперничала во всемъ съ лучшими судами эскадры по бойкости дѣйствій и управленія и какъ, лишившись прошлогоднихъ опытныхъ рулевыхъ, командиръ «Кремля» быстро успѣлъ, подобно своимъ товарищамъ, подчинить себѣ это тяжелое и капризное судно, и обратить его главный недостатокъ—чрезмѣрную рыскливость, въ доброе качество—отличную поворотливость. Но конечно есть предѣлы всякому искуству, и быстро-послушными при перемѣнѣ требованій, эти батареи никогда и ничѣмъ не сдѣлаешь, а перемѣнять свои требованія, да еще при совмѣстномъ плаваніи многихъ судовъ, всегда можетъ придтись. Повторяю: глубоко жаль, что такъ вышло, но еще разъ говорю: не должно преувеличивать себѣ свою невзгоду, тѣмъ болѣе, что она послужила новымъ свидѣтельствомъ крѣпости нервовъ и высокихъ военныхъ достоинствъ капитана 2-го ранга Корнилова. Хладнокровныя и вполнѣ соотвѣтственныя потребностямъ распоряженія его машиною и рулемъ въ виду угрожающей опасности столкновенія, полное присутствіе духа, съ которымъ онъ первымъ прислалъ шлюпки къ «Олегу», хотя у самого была течь, еще не вполнѣ выяснившаяся, а также и то обстоятельство, что онъ отлично управился съ течью въ шпиронномъ отдѣленіи, вполнѣ подтверждаютъ это. Его же катеръ съ мичманомъ Гриппенбергомъ успѣлъ спасти упавшаго при столкновеніи въ воду матроса съ «Олега». Все это такія доказательства, какихъ не изобрѣсти никакому юристу.

«Превосходно подскочилъ къ «Олегу» и «Первенецъ», такъ близко, что многія шлюпки могли дважды перевести на него людей съ тонущаго фрегата, а «Витязь» молодецки успѣлъ спустить своевременно даже барказъ изъ ростеръ. Юный по составу команды своей, «Пересвѣтъ» тоже не положилъ охулки па руку, не говоря уже о фрегатѣ «Петропавловскъ».

«Приношу душевную признательность всѣмъ моимъ сослуживцамъ. Рѣдки такіе несчастные случаи, но они-то и по-

казываютъ — какой у кого закалъ нервовъ и способствуютъ къ большему укрѣпленію ихъ.

«Тепло молились мы на панихидѣ по погибшимъ товарищамъ нашимъ; усердно благодарили Бога за спасеніе такого множества ихъ! Будемъ уповать на милосердіе Его, безъ воли Котораго ни одинъ волосъ не спадетъ съ головы человѣческой.

«Изобрѣтательнымъ умамъ предстоитъ придумать для шпироновъ удобные намордники, подобно тому, какъ извѣстный французскій вице-адмиралъ Парисъ предлагалъ дѣлать самые шпироны выемными для мирнаго времени. Съ огнемъ, говорятъ, нельзя шутить, а вѣдь шпироны сильнѣе всякаго артиллерійскаго огня. Сраженіе бываетъ полчаса, а желѣзныя суда плаваютъ четверть столѣтія».

Намъ, бывшимъ невольными очевидцами этой катастрофы, удалось убѣдиться въ крѣпости нервовъ Григорія Ивановича; навсегда останется въ насъ памятнымъ проявленіе того наружнаго спокойствія и самообладанія, которыя были выказаны имъ въ эти минуты: смотря на постепенно опускавшійся корпусъ злополучнаго фрегата и слѣдя въ трубу за работою шлюпокъ, посланныхъ къ «Олегу» для спасенія людей, адмиралъ отчетливо и обычнымъ своимъ голосомъ, отдавалъ одно за другимъ приказанія, соотвѣтствовавшія обстоятельствамъ каждой данной минуты. Въ одинъ изъ этихъ тяжелыхъ для всѣхъ моментовъ, Григорій Ивановичъ вслухъ одобрялъ отвагу и ловкость одного изъ молодыхъ офицеровъ, искусно маневрировавшаго на вельботѣ при вытаскиваніи людей изъ воды подъ самыми ноками гротовыхъ реевъ, погружавшагося уже фрегата.

Въ третій или послѣдній мѣсяцъ каждой кампаніи эскадра собиралась обыкновенно опять въ Транзундѣ или же въ Кронштадтѣ, и тогда шла повѣрка всего пройденнаго, состязательная пальба, гонки на призы и въ особенности систематическія упражненія въ эволюціяхъ отряда мониторовъ. Тутъ на дѣлѣ выказывались всѣ достоинства предложенной адмираломъ системы эволюцій паровыхъ флотовъ. Легко себѣ представить каково было бы удивленіе посторонняго человѣка, которому

тогда удалось бы съ высоты увидать какъ стройно и правильно по сигналамъ перестраивались изъ строя въ строй эти наши неуклюжіе и едва послушные рулю утюги-мониторы.

Впрочемъ и тутъ иногда бывали замѣшательства и ошибки, которыя однако кончались всегда благополучно, кромѣ случая съ «Олегомъ». О двухъ неумышленныхъ ошибкахъ покойный адмиралъ въ предостереженіе другимъ упоминаетъ въ нижеслѣдующемъ приказѣ своемъ отъ 21 августа 1869 года, т. е. три недѣли послѣ гибели «Олега»: «Во время эволюцій нашихъ вчера, на одномъ изъ мониторовъ, по ошибкѣ, положили руль лѣво на бортъ въ то время, когда всѣ прочіе, какъ и слѣдовало, положили право на бортъ. Такіе случаи бывали нерѣдко и прежде, особенно когда я плавалъ съ 40 канонерскими лодками. Была сдѣлана ошибка и на одномъ фрегатѣ, отъ которой могло бы потонуть стоящее на якорѣ судно. Хотѣли дать задній ходъ, а повернули ручку телеграфа на тихій передній.

«Ни «Олегъ» ни «Кремль» 3-го августа не сдѣлали ничего подобнаго, но «Олега» нѣтъ, а мониторы всѣ цѣлы и ни одна канонерская лодка не погибла въ 1861 и 1862 годахъ.

«Такъ иногда рѣзкая ошибка пройдетъ даромъ въ нашей службѣ, иногда же никакая безошибочность не спасетъ отъ бѣды.

«Желательно, чтобы мы менѣе ошибались впредь, особенно на тѣхъ судахъ, которыя не имѣютъ двухъ винтовъ и слѣдовательно не могутъ легко отшвырнуть свой носъ въ другую сторону».

Плодомъ прежнихъ занятій Григорія Ивановича по разработкѣ его знаменитой пароходной тактики было изданіе къ кампаніи 1868 года *Книги эволюціонныхъ сигналовъ*, включающей въ себѣ наставленія къ выполненію каждаго изъ данныхъ сигналовъ и чертежи всѣхъ паровыхъ эволюцій цѣлыми эскадрами. Несмотря на великія усилія и вполнѣ добросовѣстныя старанія, положенныя на изданіе этой книги Григоріемъ Ивановичемъ и его сотрудниками, онъ, тѣмъ не менѣе, находилъ ее далеко несовершенною и незаконченною, а потому

приглашалъ своихъ сослуживцевъ безжалостно разбирать эту книгу, по ниткѣ, какъ онъ выражался, дабы можно было черезъ выработанныя въ ней такимъ образомъ усовершенствованія и указанія опыта сдѣлать ее достояніемъ общимъ и полезнымъ.

Книга эта существуетъ теперь вотъ уже 15 лѣтъ и никто еще не находилъ въ ней какихъ либо существенныхъ недостатковъ.

Вслѣдъ за книгою эволюціонныхъ сигналовъ былъ изданъ нынѣ существующій у насъ сводъ морскихъ военныхъ сигналовъ, составленный также подъ личнымъ руководствомъ адмирала Григорія Ивановича. Въ прежде существовавшей сигнальной книгѣ съ цифирнымъ названіемъ флаговъ и въ такъ называвшемся *Черноморскомъ телеграфѣ* не было тѣхъ техническихъ терминовъ, которые впослѣдствіи вошли у насъ въ употребленіе, да они и не могли быть помѣщены при тогдашней ограниченности числа сочетаній изъ 20 флаговъ и при условіи подъема одновременно не болѣе четырехъ флаговъ. а поэтому адмиралъ ввелъ, по первоначально разработанному проекту контръ-адмирала Лихачева, совсѣмъ новую систему, назвавъ каждый изъ флаговъ буквою алфавита. Къ кампаніи 1869 года новый сводъ боевыхъ и общихъ морскихъ сигналовъ былъ уже отпечатанъ и тотчасъ введенъ во всеобщее на флотѣ употребленіе. Помощью этой книги можно было передавать всякую мысль почти съ буквальною точностью и обстоятельностью и при томъ безъ недомолвокъ, которыя прежде могли вызывать недоразумѣнія; но, къ сожалѣнію, полнота книги, т. е главное ея достоинство, было многими сочтено за недостатокъ и время отъ времени вызывало довольно суровую критику, основанную на замѣчаніи, что излишнія слова и фразы безъ нужды затемняютъ главные сигналы и пестрятъ книгу (*).

Въ Бозѣ почившій Государь Императоръ цѣнилъ труды Григорія Ивановича по управленію имъ главною боевою си-

(*) Въ настоящее время книга пересматривается и будетъ нѣсколько упрощена.

лою нашего флота и ежегодно посѣщалъ броненосную эскадру. Искренно привѣтствуя всякія нововведенія на эскадрѣ, покойный Государь особенно рельефно и милостиво отнесся къ заслугамъ Григорія Ивановича на смотру 1869 года въ Транзундѣ, гдѣ тогда подъ флагъ его былъ собранъ весь флотъ. Оставшись вполнѣ доволенъ всѣмъ видѣннымъ, Его Величество устно благодарилъ адмираловъ и всѣхъ судовыхъ командировъ, созванныхъ тогда на шканцы флагманскаго фрегата, а затѣмъ обратился къ Григорію Ивановичу со словами: «А тебя благодарю прежде всѣхъ и поздравляю моимъ генералъ-адъютантомъ. Я увѣренъ, что ты останешься такимъ, какимъ Я тебя всегда зналъ». При этомъ Государь снялъ съ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Алексія Александровича аксельбантъ и надѣлъ его собственноручно на плечо Григорія Ивановича.

Находясь въ тотъ день въ отличномъ настроеніи духа, покойный адмиралъ не забывалъ однако, что этою царскою милостью былъ отчасти обязанъ своимъ подчиненнымъ и это онъ выказалъ тѣмъ, что тотчасъ по окончаніи Высочайшаго смотра сдѣлалъ по флоту сигналъ: «Душевно благодарю сослуживцевъ за награду, доставленную вами начальнику», а черезъ нѣсколько дней. т. е. по возвращеніи своемъ къ эскадрѣ изъ Царскаго Села, гдѣ онъ представлялся Государю въ новомъ своемъ званіи, издалъ еще и особый приказъ, которымъ вторично благодарилъ всѣхъ, кто содѣйствовалъ ему въ достиженіи полученныхъ имъ по службѣ отличій. Вотъ этотъ приказъ.

«До сихъ поръ я успѣлъ только сказать своимъ сослуживцамъ сигналомъ, что имъ я обязанъ той высокой чести, которой удостоилъ меня милостивый Монархъ, и словесно выразить пожеланіе каждому изъ нихъ того же званія генералъ-адъютанта, которое они мнѣ доставили своими трудами. Безъ того полнаго содѣйствія, безъ той любви своего дѣла, просящей и ищущей примѣненія, которыя встрѣчаю на каждомъ шагу и которыя составляютъ счастіе начальника, я не могъ бы совсѣмъ показывать Государю Императору нашу эскадру въ первый мѣсяцъ плаванія, имѣя треть рекрутовъ въ

командахъ; пожеланіе моимъ сослуживцамъ со временемъ званія генералъ-адъютанта, тоже не есть легкомысленная фраза или несбыточный комплиментъ, ибо исполненіе его зависитъ вполнѣ отъ каждаго изъ нихъ. Не слѣдуетъ только разбрасывать свои силы, не нужно бросаться въ жизни отъ предмета къ предмету, или предаваться унынію при неудачахъ. Человѣку суждена трудовая доля,—и избравъ разъ направленіе своей дѣятельности, нужно держаться его всѣми помыслами своими.

«Посѣщеніе Его Величествомъ нашего морскаго лагеря и милостивыя слова, которыми Онъ осчастливилъ насъ, показали русскому флоту, что въ глазахъ Царя онъ не стоитъ на второмъ планѣ въ дѣлѣ защиты интересовъ государства. Благодаря флагмановъ и командировъ Своихъ судовъ за усердіе и успѣхи, нашъ Императоръ выразилъ намъ, что сознаетъ *многотрудность* нашей задачи, такъ какъ служба наша состоитъ изъ многихъ спеціальностей, каждая изъ которыхъ способна занять весь умъ человѣка.

«Такія слова, сказанныя изъ подъ сердца Самимъ Государемъ и Самодержцемъ громадной имперіи русской, глубоко трогательны и знаменательны! Намъ ли, послѣ нихъ, не предаваться всею душею своему дѣлу! Черезъ три дня послѣ Высочайшаго посѣщенія эскадры, я имѣлъ счастіе представиться Государю Императору въ Царскомъ Селѣ въ новомъ своемъ званіи. Его Величество вновь благодарилъ меня за наши успѣхи и усилія довести эскадру до возможнаго совершенства. Вмѣстѣ съ тѣмъ нашъ Генералъ-Адмиралъ, телеграммою изъ Висбадена, милостиво поздравляя меня съ Монаршею наградою, присовокупляетъ: «Я счастливъ, что Государь былъ такъ доволенъ. Поблагодарите отъ Моего имени Моихъ дорогихъ моряковъ и выразите имъ сколько Я сожалѣю, что не могъ присутствовать. Надѣюсь видѣть васъ въ концѣ августа».

«Поздравляю моихъ сослуживцевъ съ этими драгоцѣнными словами и съ новымъ, предстоящимъ намъ, благодатнымъ посѣщеніемъ въ счастливую кампанію 1869 года».

Въ томъ же году особая коммисія подъ предсѣдательствомъ

адмирала графа Путятина, назначенная для провѣрки дѣятельности броненосной эскадры, помѣстила въ концѣ подробной своей докладной записки нижеслѣдующій лестный для Григорія Ивановича отзывъ: «Вникая въ самый характеръ и направленіе занятій эскадры, коммисія не могла не придти къ убѣжденію, что начальникъ броненосной эскадры вице-адмиралъ Бутаковъ глубоко понялъ значеніе и будущую роль ввѣренныхъ ему судовъ и не упустилъ съ расчетомъ и необыкновеннымъ умѣньемъ воспользоваться всѣми находящимися въ его рукахъ средствами и каждою минутою времени для приведенія, какъ судовъ броненосной эскадры, такъ и командъ на нихъ, къ возможному совершенству». Такой выводъ собранія почтенныхъ и опытныхъ адмираловъ, имѣлъ конечно весьма большую цѣну въ глазахъ покойнаго адмирала; но не менѣе отраднымъ фактомъ, свидѣтельствующимъ объ его заслугахъ по управленію броненосною эскадрою, служитъ оцѣнка этой дѣятельности иностранцами. Въ 1868 году Транзундскій рейдъ посѣтили на военномъ германскомъ пароходѣ адмиралъ Яхманъ и съ нимъ пять капитановъ; они приходили къ намъ, чтобы лично ознакомиться со всѣми полезными морскими усовершенствованіями и новинками, введенными у насъ на броненосной практической эскадрѣ Григоріемъ Ивановичемъ. Многое было тогда же заимствовано у насъ германцами и успѣшно примѣнено къ дѣлу въ ихъ флотѣ.

Кромѣ этого, найдется и еще множество другихъ крупныхъ и мелкихъ фактовъ, могущихъ служить доказательствомъ того, что покойный адмиралъ былъ вообще хорошо извѣстенъ за границею по своей творческой дѣятельности, какъ передовой флагманъ и европейскій морской авторитетъ. За ту пользу, которую онъ приносилъ вообще морскому дѣлу, его тамъ весьма уважали (*).

(*) Въ 1875 году изобрѣтатель принятой у насъ на флотѣ скорострѣльной пушки желая показать скорость стрѣльбы изъ нея, спросилъ нашего офицера бывшаго тогда въ Швеціи для ознакомленія съ этою пушкою: много ли салютныхъ выстрѣловъ полагается адмиралу Бутакову? Получивъ на это въ отвѣтъ— «Тринадцать», г. Энгстремъ сдѣлалъ это число выстрѣловъ, сказавъ, что радъ случаю показать свое уваженіе къ заслугамъ извѣстнаго адмирала.

Перечисливъ такимъ образомъ все, что сдѣлалъ покойный адмиралъ на пользу общаго намъ дѣла во время командованія броненосною эскадрою, мы находимъ не лишнимъ помѣстить здѣсь еще стишки, написанные имъ самимъ въ минуты досуга и теперь случайно найденныя въ оставленныхъ имъ бумагахъ:

1-ый голосъ. Страшно въ могилѣ темной и мрачной . . . .
2-ой голосъ. Тихо въ могилѣ, мягкой спокойной . . . . . .
Державинъ.

1. Скверно въ Транзундѣ, скучномъ, уныломъ:
Пушки гремятъ и ядра тамъ свищутъ,
Ходитъ съ трубой адмиралъ.
2. Дѣльно въ Транзундѣ время проходитъ:
Тамъ подъ надзоромъ, въ школѣ серіозной,
Къ бою готовятъ нашъ флотъ.

* * *

1. Скука въ Транзундѣ: только сигналы
Знай разбираешь, мучишь команду—
Некогда духъ перевесть.
2. Мѣсяцевъ девять бивши баклуши,
Трудно-ль въ Транзундѣ, четверть годочка,
Службѣ всецѣло отдать?

* * *

1. Мясо дрянное, рубль нашъ—не деньги,
Берегъ болото,—на немъ три старухи,
Просто съ тоски помирай.
2. Срочно привозятъ знатное мясо,
Хлѣбъ изъ Кронштадта. Въ Выборгѣ танцы
По воскресеньямъ всегда.

* * *

1. Рыжіе финны булки привозятъ,
Только какъ лакомство возятъ чернику—
Нечѣмъ желудокъ развлечь.
2. Парень курчавый ѣздитъ по рейду,
Звонко кричитъ на распѣвъ, предлагая
Сладко мороженое.

* * *

1. Шлюпку попросишь—вѣчно откажутъ,
Вѣчно ученье: заняты люди
Иль отдыхаютъ они.
2. Есть и сигнальчикъ—*«Шлюпкамъ кататься»*,
Въ стаѣ крылатой бойко порхая,
Рѣжешь на дюймъ отъ кормы.

* * *

1. Какъ ни старайся, какъ ни трудися,
Смотришь замѣтятъ, въ *стаѣ крылатой*—
«Фалъ не до мѣста у васъ».
2. Фалы надраишь, выберешь шкоты,
Мчишься стрѣлою; всѣхъ обогналъ—
Съ музыкой встрѣтятъ тебя.

* * *

1. Руль еще снимутъ, вотъ и гоняйся:
Хочешь спуститься, смотришь приводишь!
Бокъ протаранятъ тебѣ.
2. Руль золотой—драгоцѣнной наградой,
Если ты мастеръ шкотами править
И пересадкой людей.

* * *

1. Вечеръ настанетъ—снова сигналы,
Вспышки за вспышкой, часто и съ пушкой.
Духъ перевесть не дадутъ.
2. Вечеромъ тоже много узнаешь:
Какъ на походѣ ночью сноситься,
Какъ извѣщать о нуждахъ.

* * *

1. Ляжешь на отдыхъ, вдругъ раздается
Ревъ отъ какой-то, дико звучащей,
Хриплой, огромной трубы.
2. Чтобы въ туманѣ плыть безопасно,
И знать, что потребно дѣлать эскадрѣ,
Важно и это намъ знать.

* * *

1. Или сердитая пушка раздастся,
Въ сонное ухо хватитъ обухомъ,
Только начнешь засыпать.
2. Плаванье наше очень коротко,
Многому разомъ нужно учиться—,
Ночью вѣдь надо же плыть.

* * *

1. Синяго моря дай мнѣ побольше!
Въ даль голубую сердце стремится,
А тутъ все Кронштадтъ да Транзундъ.
2. Ревель, Свеаборгъ, Готландъ красивый,
Все ты увидишь, въ мѣрѣ возможной:
Уголь вѣдь дорогъ у насъ.

* * *

1. Чортъ съ этимъ углемъ!—Подъ парусами
Глазъ не залѣпитъ мусоромъ чернымъ
И легкимъ легче дышать.
2. Мониторамъ на трубы сдѣлай ты
Марсели, брамсели, лисели тоже,
И поспѣшай въ океанъ!

* * *

1. То-ль дѣло Кіевъ,—сами галушки
Въ ротъ тамъ валятся! А молодцы!
Душу бы отдалъ любой.
2. Въ Кіевахъ мѣста много найдется
Для сухопутныхъ во флотскомъ мундирѣ;
Лучше туда и ступай.

***

1. Умною рѣчью сѣмя добра ты
Въ падшую душу мнѣ заронилъ,
Буду его выращать.
2. Сѣмечки зла и корыстныхъ навѣтовъ—
Корни пустившіе въ умъ легковѣрный,
Вырви и будешь ты нашъ.

Прочитавъ только что приведенныя строки, мы узнаемъ, что Григорій Ивановичъ былъ не чуждъ поэзіи, для которой онъ, по отзыву хорошо знавшихъ его, не рѣдко любилъ удѣлять свое досужее время. Эти стихи, не лишенные нѣкотораго юмора, даютъ достаточно вѣрное понятіе о мнѣніяхъ и взглядахъ двухъ противоположныхъ лагерей касательно образа занятій на броненосной эскадрѣ.

Матросы на эскадрѣ любили и уважали своего адмирала; они заочно называли его не иначе какъ «*нашъ старичекъ*». Что же касается симпатіи къ нему офицеровъ, то достаточно вспомнить какъ дружно и задушевно былъ подхваченъ тостъ, предложенный за здравіе его, на обѣдѣ въ день празднованія нашимъ флотомъ столѣтней годовщины Чесменскаго боя, а также и то, какъ въ 1875 году чествовали своего бывшаго начальника Черноморцы въ Николаевѣ, гдѣ Григорій Ивановичъ былъ тогда случайно проѣздомъ. Приведемъ здѣсь кстати рѣчь, сказанную въ числѣ другихъ, однимъ изъ подчиненныхъ адмирала на праздникѣ, данномъ въ честь его:

«Позвольте и мнѣ, господа, сказать вамъ нѣсколько словъ, простыхъ, безъ корректуры, какъ подскажетъ мнѣ мое русское сердце. Вы привѣтствовали Григорія Ивановича, какъ одного изъ любимыхъ всѣми сослуживцевъ и какъ бывшаго своего начальника; а я доскажу остальное.—Адмиралъ былъ долгое время извѣстенъ только въ кружкѣ моряковъ, но съ тѣхъ поръ какъ были прочитаны на страницахъ «Морскаго Сборника» его извѣстные приказы, его узнала вся Русь; въ

нихъ слышится не продажный, не льстивый, а человѣкъ русскій, патріотъ, готовый лечь костьми за родную землю. Слово свѣжее и гордое, мысль ясная и законченная заставляютъ сердце кипѣть отвагой гражданина, увлекаютъ къ широкой и самобытной дѣятельности. Тепло, весело, гордо становится отъ нихъ русской душѣ и увлекательно манятъ они подъ свои знамена. Для насъ, моряковъ,—это начальникъ, созидающій нравственную силу флота, живой примѣръ безкорыстнаго служенія, жизнь, отданная долгу. Для Россіи это воспитатель юношества цѣлаго морскаго поколѣнія въ принципахъ чести и гражданской доблести; для нея это одна изъ колоннъ, гордо воздымающихся среди преступнаго равнодушія, бездѣйствія; столпъ, на который она обопрется въ тяжкія минуты брани, какъ нѣкогда оперлась на Лазарева, Корнилова, Нахимова. Господа, въ лицѣ Григорія Ивановича, я предлагаю тостъ за честныхъ сыновъ Россіи».

Такое именно мнѣніе о Григоріѣ Ивановичѣ, высказанное въ этой безъискуственной рѣчи, было не единичное; оно принадлежало почти всѣмъ знавшимъ его, а въ особенности въ средѣ моряковъ, умѣвшихъ высоко цѣнить его прекрасныя качества личнаго характера, боевыя заслуги и ученые труды.

Во время послѣдней восточной войны въ 1877 году Григорій Ивановичъ командовалъ отрядомъ судовъ, входившихъ въ составъ эскадры подъ флагомъ Его Императорскаго Высочества Генералъ-Адмирала Великаго Князя Константина Николаевича. За время этой кампаніи, имъ были выработаны правила разстановки минъ на фарватерахъ, которыми въ теченіи того же лѣта подъ его личнымъ присмотромъ уже руководились партіи для загражденія минами входовъ Выборга, Динамюнде и Свеаборга; кромѣ того адмиралъ для ознакомленія командировъ и офицеровъ съ малоизвѣстнымъ Сѣвернымъ Кронштадтскимъ фарватеромъ посылалъ мониторы въ гавани его фортовъ. Это имѣло также цѣлью пріучить быстро и легко входить и выходить изъ тѣсныхъ гаваней этихъ фортовъ при различныхъ обстоятельствахъ погоды и доставить привычку стоять въ нихъ ошвартовившись при неимѣніи ни паловъ, ни рымовъ.

Съ апрѣля по августъ слѣдующаго за тѣмъ 1878 года, Григорій Ивановичъ былъ начальникомъ береговой и морской обороны Свеаборга. Хотя въ составъ Свеаборгской эскадры входила тогда лишь небольшая эскадра изъ двухъ броненосныхъ фрегатовъ, трехъ пароходовъ и нѣсколькихъ мелкихъ судовъ, тѣмъ не менѣе и въ этой новой должности Григорій Ивановичъ имѣлъ просторъ для обычной своей дѣятельности. Подъ его руководствомъ испытывались различные способы вылавливанія минъ, занимались пальбою, взрывали мины, упражнялись электрическимъ освѣщеніемъ и дѣлали примѣрныя ночныя минныя атаки. На берегу онъ также проявлялъ свою обыкновенную энергію, объѣзжая по цѣлымъ днямъ острова и батареи для изученія мѣстности до мельчайшихъ подробностей.

По его указаніямъ производились многія дополнительныя работы по частямъ инженерной, артиллерійской и минной, при чемъ отъ спеціалистовъ весьма часто приходилось слышать отзывы о необыкновенной вѣрности его взглядовъ и распоряженій. Кромѣ разъѣздовъ онъ много занимался и въ коммисіяхъ, гдѣ подъ его первенствомъ обсуждались разные вопросы касательно обороны Свеаборга; онъ дѣлалъ ученья на батареяхъ, подъ его руководствомъ устраивались телеграфы и семафоры и вырабатывались планъ и система миннаго загражденія; онъ производилъ ученья на батареяхъ и нерѣдко самъ присутствовалъ при учебномъ загражденіи фарватера. Вообще, онъ показалъ такую неустанность и энергію въ работѣ и движеніяхъ, что люди несравненно болѣе молодые далеко отставали отъ него, такъ, однажды, объѣзжая верхомъ на лошади островъ Сандхамнъ, онъ далеко опередилъ ѣхавшихъ вмѣстѣ съ нимъ сухопутныхъ офицеровъ.

По его распоряженію каждое воскресенье утромъ судовые офицеры дѣлали на паровыхъ шлюпкахъ экскурсію для осмотра батарей, острововъ, заливовъ, проливовъ и проч., что составляло въ одно и то же время занятіе пріятное и полезное. Каждую среду всѣ суда разводили пары и выходили въ море для практической пальбы и для изученія фарватеровъ

внѣ крѣпости, послѣ чего возвращались на рейдъ и занимали каждую недѣлю различныя мѣста по боевой диспозиціи.

Какое важное значеніе придавалъ Григорій Ивановичъ изученію мѣстности показываетъ слѣдующій его приказъ, объявленный по эскадрѣ:

«Прошу гг. командировъ эскадры имѣть въ виду, что я разставляю суда наши по разнымъ захолустьямъ здѣшняго залива съ тою цѣлью, чтобы не только они знали подходы къ этимъ захолустьямъ, но и изучили ближайшія окрестности ихъ, и, сверхъ того, ознакомляли всѣхъ гг. офицеровъ, гардемариновъ и кондукторовъ, а также шлюпочныхъ старшинъ, со всѣми островками, заливчиками, пристанями, батареями, банками и вѣхами всего рейда, такъ, чтобы каждаго изъ нихъ можно было съ увѣренностью посылать, какъ днемъ, такъ и ночью, и во всякую погоду, съ приказаніями въ разныя расположенія войскъ и для всякихъ другихъ служебныхъ надобностей, какъ напр. сторожевой службы и развѣдочной о движеніяхъ и дѣйствіяхъ непріятельскихъ судовъ.

«Подробное изученіе картъ и названій разныхъ пунктовъ также должно составлять обязанность ихъ, а также замѣтки, во сколько времени какая шлюпка при разныхъ обстоятельствахъ погоды можетъ дѣлать переходы отъ одного пункта рейда и окрестныхъ водъ къ другому».

Благодаря такому разумному взгляду его на это дѣло, можно было ожидать, что, въ случаѣ открытія военныхъ дѣйствій, оборона Свеаборга велась бы подъ общимъ начальствомъ Григорія Ивановича, какъ сухопутными, такъ и морскими силами —дружно, безъ замѣшательствъ и ошибокъ.

Въ январѣ 1877 года Григорій Ивановичъ былъ награжденъ орденомъ Св. Александра Невскаго (*), а въ слѣдующемъ за тѣмъ году, за отличіе по службѣ, произведенъ въ адмиралы.

Въ 1881 году покойный адмиралъ былъ назначенъ Главнымъ Командиромъ Петербургскаго порта и въ этой должности со-

---

(*) Покойный адмиралъ имѣлъ уже раньше ордена Св. Станислава и Св. Анны первой степени, Св. Владиміра 2 ст. и Бѣлаго Орла.

стоялъ около года. Скоро по вступленіи въ отправленіе своихъ обязанностей, онъ отдалъ по своему управленію тотъ замѣчательный приказъ, которымъ устанавливалъ отношенія между собою и своими подчиненными въ дѣлахъ совмѣстнаго обсужденія техническихъ вопросовъ; онъ требовалъ, чтобы корабельные инженеры, инженеръ-механики и портовые мастера всегда оставались на высотѣ ихъ научнаго призванія и не стѣснялись бы открыто высказывать свои взгляды, т. е. не считали бы необходимостью уступчиво деликатничать передъ начальствомъ, когда рѣшаются вопросы ихъ спеціальности, въ которыхъ они обязаны быть наиболѣе свѣдущими.

Адмиралъ Григорій Ивановичъ, будучи искренно заинтересованъ въ распространеніи въ средѣ нашихъ моряковъ тактическихъ свѣдѣній, первый учредилъ у насъ собранія для развитія военно-морской игры установленіемъ для нея основныхъ правилъ. Онъ въ качествѣ предсѣдателя собранія руководилъ этою игрою нѣсколько лѣтъ кряду и, возбуждая въ играющихъ полезныя тактическія мысли, всегда охотно дѣлился съ другими своими глубокими познаніями по этой части. Онъ трудился въ этомъ направленіи не ради какихъ либо личныхъ интересовъ, а единственно вслѣдствіе глубокаго сознанія, что игра эта имѣетъ важное значеніе въ военно-образовательномъ отношеніи и не было случая, чтобы въ назначенные вторники глубоко-чтимый предсѣдатель не явился въ собраніе.

Въ послѣдніе годы своей службы покойный адмиралъ участвовалъ въ нѣсколькихъ коммисіяхъ, имѣвшихъ очень важное значеніе по вопросамъ преобразованія нашего флота и о мѣрахъ, которыя слѣдуетъ предпринять нашему правительству въ военно-морскомъ отношеніи на случай войны съ одной изъ морскихъ державъ.

Для сокращенія расходовъ по администраціи званіе Главнаго Командира Петербургскаго порта и штаба его были упразднены, какъ лишняя инстанція въ виду нахожденія въ Петербургѣ всѣхъ главныхъ административныхъ учрежденій флота, а самъ адмиралъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта.

Заканчивая на этомъ обзоръ служебной дѣятельности адмирала Григорія Ивановича, мы можемъ положительно сказать, что это былъ человѣкъ *посвятившій всю свою жизнь и способности славѣ и величію флота, которому и служилъ всѣмъ своимъ существомъ.*

Вся замѣчательная жизнь его—какъ человѣка и моряка, скромно свидѣтельствовала о немъ, что онъ всегда исполнялъ свой долгъ, а имя его связанное съ подвигомъ славнаго «Владиміра» и ярко-свѣтящимися буквами записанное на вѣчной страницѣ исторіи, будетъ всегда вспоминаться съ уваженіемъ не только въ семьѣ моряковъ, но и во всей Россіи.

